PG 3321
.A65

1827

LIBRARY OF CONGRESS
00002261431

С340
337

СОЧИНЕНІЯ

Nikolaï Evgrafovitch Annenkov

НИКОЛАЯ АННЕНКОВА,

ВЪ СТИХАХЪ И ВЪ ПРОЗѢ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Въ Типографіи Императорскаго Воспитательнаго
Дома, 1827 года.

Позволяется печатать,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Главный Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ на основаніи узаконеній. — С. Петербургъ, 26 Апрѣля 1827 года.

Цензоръ Надв. Сов. и Кавалеръ
П. Гаевскій.

PG3321
.A65
1827

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Николай Епафродитовичъ Анненковъ *родился 5-го Сентябрѣ 1805 года въ Курскѣ. На одиннадцатомъ году отъ рожденія, родители его переѣхали съ нимъ на жительство въ С. Петербургъ, гдѣ онъ, подъ надзоромъ ихъ, учился въ Губернской Гимназіи и сверхъ того пользовался уроками домашнихъ учителей. На 16-мъ году отъ роду былъ записанъ въ службу, въ Департаментъ Министра Юстиціи; черезъ три года получилъ Офицерскій чинъ. Между тѣмъ гражданская служба не соотвѣтствовала его склонности: онъ вступилъ Юнкеромъ въ Кавалергардской полкъ. Желаніе пріобрѣсть со временемъ славу было побудительною къ сему причиною, какъ узнали потомъ изъ бумагъ его. Онъ былъ уже въ полку первымъ по Старшинству Эстандартъ-Юнкеромъ, когда жестокая судьба прекратила жизнь его, къ*

безконечной горести всего его семейства. Въ 1826 году стоялъ онъ съ полкомъ въ Новой-деревнѣ (близъ С. Петербурга); 31-го Мая пошелъ купаться и утонулъ въ Невѣ. Тѣло его нашли на шестой день и предали землѣ на кладбищѣ Ново-деревенской церкви. — Съ нимъ погибла надежда и отрада нѣжныхъ родителей, которые предвидѣли въ немъ подпору и утѣшеніе своей старости, любили его какъ сына и какъ юношу добродѣтельнаго. Онъ страстно занимался науками, преимущественно словесными; любилъ уединеніе и не хотѣлъ никуда выѣзжать. Въ обществахъ бо́льшею частію былъ молчаливъ; когда же говорилъ, то говорилъ занимательно; сужденія его всегда превосходили возрастъ. Чувствуя достоинство человѣка, онъ ни въ комъ не искалъ благосклонности и всѣмъ хотѣлъ быть обязанъ одному себѣ; любилъ дѣлать добро, и всѣ деньги, получаемыя отъ родителей на прихоти, тратилъ при первомъ случаѣ на благодѣянія, о которыхъ узнали уже по кончинѣ его. И Литературою, имъ страстно люби-

мою, занимался онъ не для публики, а для удовлетворенія влеченію своего сердца и воображенія. Считая произведенія свои далекими отъ совершенства, онъ не показывалъ ихъ знакомымъ, но желая усовершить свои дарованія, искалъ совѣтовъ у людей искусныхъ и знающихъ. Напечатанныя въ сей книжкѣ стихотворенія и прозаическія статьи найдены были въ его бумагахъ послѣ смерти, и издаются безъ всякой перемѣны: при жизни его не было напечатано ни одной строки изъ оныхъ. Издатели сихъ опытовъ, друзья и родственники покойнаго, не требуютъ и не ищутъ для него литтературной славы или извѣстности: они желаютъ симъ сохранить въ своемъ кругу память юноши, который своимъ умомъ, дарованіями и сердцемъ обѣщалъ со временемъ содѣлаться достойнымъ членомъ общества, полезнымъ гражданиномъ, вѣрнымъ сыномъ Отечества.

ОПЕЧАТКА.

На 5-ой страницѣ, строки 2-ой напечатано: взоръ, чишай: вздоръ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ПОСЛАНІЕ КЪ Ѳ. В. БУЛГАРИНУ.

Единственный поэта покровитель,
Холодной Ментеръ мой, критическій крючокъ,
Стихотворителей насмѣшливый учитель,
Незнающій скропать изрядненькой стишокъ!
И такъ по твоему, острякъ, постигшій нравы,
Два средства предо мной добиться шумной славы:
И первое: познаньями блеснуть.
Но гдѣ ихъ взять? мнѣ горько вспомянуть:
Въ ребячествѣ, претихій, молчаливый,
Я былъ и не дуракъ, да ученикъ лѣнивый.
Съ лѣтами оживясь броженіемъ страстей,
Могу ль имѣть твое терпѣнье
Зарыться въ хартіяхъ, отнявъ ихъ у мышей,
И на классическое чтенье
Забавы промѣнять веселыхъ юныхъ дней?
Другое: чтобы разъ предъ публикою всею,
Собравшись съ силою, на лихость я пропѣлъ.
Пороть надутый вздоръ я духа не имѣю;
А геній выспренній совсѣмъ не мой удѣлъ.
Когда мнѣ весело — смѣясь, брянчу на лирѣ,

Сгрустнется — жалобно пою;
Встрѣчая глупости въ родимомъ мнѣ краю,
Я изливаю желчь въ язвительной сатирѣ.
Я не могу, какъ модные пѣвцы,
Не выходя изъ кабинета,
Твердить безъ умолку о прелести разсвѣта.
За то имъ злато и вѣнцы!
Пресчастливый таланть! съ горючими слезами
Бродя въ безмолвіи ночномъ,
Они въ тиши дубравъ жалѣютъ о былomъ,
И подлинно сказать, прежалкими стихами!
Все даль безвѣстная, туманы надъ водами,
Премного кой-чего въ заплаканныхъ стихахъ
И ничего въ поникшихъ головахъ!
Моимъ желаніямъ есть мѣра:
Я славы не прошу почтеннаго Гомера,
Но лишь вниманія чтецовъ.
Друзья отрадно улыбались
При слушаньи моихъ стиховъ
И даже страстно въ нихъ влюблялись (*).
А нашъ какой нибудь извѣстной Журналистъ
(Который въ критикѣ бываетъ рѣдко чистъ
И любитъ обращать вниманіе на лицы)
Съ смиренной подписи читать меня начнетъ:
„А! скажетъ, новенькой, несчастный риѳмоплетъ;
„Предвижу бѣдность чувствъ, негладкость, небылицы.“
И, нечитавъ, злодѣй! едва переберетъ
Поэту милыя страницы.

(*) Прошу замѣтить: друзья, которые не имѣютъ во мнѣ нужды, и которыхъ я не кормлю вкусными блюдами:

2.

АВТОРЪ АНОНИМЪ.

Посланіе къ другу.

О другъ! сбылося предсказанье!
Не упрекай меня: и такъ я самъ не свой —
Несчастный, заплатилъ жестокою цѣной
За дерзкое тебѣ непослушанье.
Я пренебрегъ спасительный совѣтъ:
Безъ имени творца не выпуская въ свѣтъ,
Украдкою, въ тиши уединенья,
Предать огню ничтожныя творенья.
О другъ! прости! въ безумствѣ я считалъ
Тебя завистникомъ лукавымъ,
И въ нетерпѣніи, съ восторгомъ величавымъ,
Отъ будущихъ вѣковъ безсмертья ожидалъ,
Отъ современниковъ и плесковъ и похвалъ;
Но пожалѣй меня! сбылося предсказанье:
Что шагъ, то новый срамъ и новое терзанье!
Десятокъ вѣтренныхъ друзей,
Мы на охоту собрались:
Съ лучами утренней Авроры поднялися
И вплоть до вечера морили лошадей
По кочкамъ острововъ, по рытвинамъ полей.
День былъ ненастный и холодный:
Измокли, перезябли всѣ,
И аппетитъ усталости голодной
Намъ рисовалъ обѣдъ въ чарующей красѣ.
Счастливцы, межь двумя трескучими кострами,
Въ непромокаемомъ шатрѣ
Расположилися болтливыми кружками,
И вспѣнилось вино въ дорожномъ серебрѣ.

Нашъ ловъ не удался; но было утѣшенье:
Изъ города съ собой мы взяли на обѣдъ
Душистый, лакомый пастетъ,
Достойный Камуса-Луи произведенье:
Хватаю съ жадностью огромнѣйшій кусокъ....
Вдругъ вижу повѣсти изодранный листокъ,
Печальной повѣсти, которою гордился.....
Вотъ наконецъ какой я славой озарился,
Предавъ тисненію двулѣтніе труды! —
Въ нихъ продаютъ, не ваксу — а пастеты!
Я съ отвращеніемъ коснулся до ѣды
И горечи не могъ *запить* вином кометы.
Дорета пылкая, которой я плѣненъ,
Недавно сдѣлалась моленію покорной....
Коса разсыпалась и вмигъ роскошный сей
Я вижу.... нѣжный ленъ кудрей
Завернутъ въ лоскутки моей Эклоги нѣжной!
Но что я перенесъ вчера!
Да будетъ проклятъ день ужасный!
Товарищамъ была досужная пора
И вечеръ наступалъ ненастный:
Они веселою толпой
Собрался у моего камина.
Вѣдь захотѣла жъ ты, враждебная судьбина,
Чтобъ переплетъ со вкусомъ дорогой,
Въ который облачилъ я первое изданье,
Привлекъ насмѣшниковъ проклятое вниманье!
„Я по грѣхамъ своимъ читалъ
„Поэта скромнаго изящное твореньe,“
Съ усмѣшкою пріятель мой сказалъ
И книгу осудилъ на грозное сожженье.
Я выступилъ опровергать его,
Но скоро онѣмѣлъ, и всѣ до одного,

Острясь наперерывъ надъ жалкимъ анонимомъ,
Дивились, какъ могу читать несносный взоръ.
Въ мученьи авторскомъ, тебѣ непостижимомъ,
Я долженъ былъ снести злодѣйской приговоръ:
Угасшіе дрова поджечь моимъ твореньемъ
И долженъ былъ, внимая адской хоръ,
Стараться хохотать съ душевнымъ восхищеньемъ.

Хоръ товарищей.

„О милый анонимъ!
Тебя благодаримъ:
Ты теменъ, говорятъ — но насъ ты освѣщаешь,
Ты холоденъ, кричатъ — но насъ ты согрѣваешь.“

3.

КЪ МУЗѢ.

Безсмертная, ликуй!
Сбылось тебя достойное желанье!
Богиня, смѣйся, торжествуй!
Внимай пріятное стенанье!
Тебя проклятью предаю.
Кляну обѣщанный тобою жребій громкій!
Смотри! я разорвалъ безъ плача сѣть твою:
Вотъ лиры пагубной проклятые обломки.
Коварная! зачѣмъ хотѣла обольщать
Души мечтательной несчастную кичливость
И дара жалкаго нѣмую боязливость
Притворной лаской ободрять?
Зачѣмъ внушала ты презрѣнье

Къ безвѣстной жизни золотой
И славой шумной вѣковой
Плѣняла гордое въ тоскѣ воображенье?
Ты лиру подарила мнѣ.
Съ небрежностію давъ, начальные уроки,
Ты усмѣхнулася, какъ демонъ злобноокій
И понеслась къ невѣдомой странѣ.
Тобой оставленный, я струны потрясаю:
Напрягши грудь, пою — и отъ стыда сгораю;
Прекрасно выполненъ обѣтъ великій твой!
О! вѣрно ждутъ меня съ безсмертіемъ потомки.
Куда ни обращаюсь — зѣвота скуки злой,
Или насмѣшекъ хохотъ громкій.

4.

ЗОИЛЪ ВЪ НОВОМЪ РОДѢ.

Посланіе къ другу.

Къ чему вся проповѣдь? за что упрекъ обидный?
Согласенъ я: въ твореніяхъ моихъ
Смѣсь вялой остроты съ шипѣніемъ эхидны —
Но я ль тому виной? Совѣтовъ преблагихъ
Не тратъ пожалуйста напрасно!
Я напрямикъ тебѣ скажу:
Не вылечишь моей угрюмости несчастной —
Въ злословіи теперь веселье нахожу.
Рожденный для забавъ, для кроткихъ упоеній,
Изъ шалости одной я сочинялъ сперва;
Но человѣка два шепнули мнѣ: ты геній,
И закружилась голова!

Ты знаешь первыя, несчастныя писанья,
Смиренный памятникъ веселости пѣвца:
Я пѣлъ усердныя Силену возліянья
И, знавъ лишь по стихамъ, какъ жметъ любовь сердца,
Молился виршами Венерѣ съ Купидономъ.
Мой другъ, смѣшно! родясь плохимъ Анакреономъ,
Я сдѣлался отчаянный Зоилъ,
Благодаря мірскимъ причудамъ —
И я ли ненависть питать не въ правѣ къ людямъ!
За то, что предокъ мой потомковъ не снабдилъ
Ни гордой знатностью, ни пышнымъ состояньемъ,
Я долженъ быть ничѣмъ, или смѣшнымъ созданьемъ!
Дышу я славою, я честенъ, не дуракъ:
Мнѣ извинительны обширныя надежды;
А наши критики, степенные невѣжды,
Мнѣ самому твердятъ въ глаза, что я чудакъ,
Что до извѣстности нельзя достигнуть такъ —
Безъ покровительства и даже безъ имѣнья.
Все правда — спора нѣтъ! но каковожъ тому
Сносить такія разсужденья,
Кто хочетъ быть себѣ, иль вовсе никому
Обязаннымъ за шопотъ уваженья....
Ты говоришь, мой другъ, что я несправедливъ,
Что надо сожалѣть о развращеньи свѣта —
Ого! да ты краснорѣчивъ,
И скажешь проповѣдь не хуже Боссюэта!
Но вотъ бѣда! пожалуй, я и самъ
Благія правила всѣмъ возглашаю смѣло —
Да поступать, мудрецъ, по добрымъ симъ словамъ,
Признайся нехотя, совсѣмъ другое дѣло.
Такъ! чувствую порокъ несносный мой,
Хочу исправиться — и не имѣю силы:
Какой-то демонъ злой

Вливаетъ въ сердце желчь и ядъ въ мои чернилы!
Хвалить я позабылъ давно:
Умѣю подстеречь дурное лишь одно.
Когда меня товарищъ обнимаетъ,
Я думаю: злодѣй услуги ожидаетъ,
Иль хочетъ вѣжливымъ прослыть;
Улыбку ясную дѣвицы миловидной
Стараюсь толковать насмѣшкою обидной,
Иль средствомъ женишка хоть жалкаго добыть.

5.

Къ М..... Е..... С.....ну.

Шалунъ! ужъ годъ, какъ ты, пожавъ мнѣ руку,
Задумчиво сказалъ: прощай! —
Мы съ ужасомъ глядѣли на разлуку,
Твердили въ нѣжности: писать не забывай!
Обѣту вѣрные сначала,
Мы исписали, другъ, несчетные листы;
Но наконецъ смѣнилися мечты,
Рука прилежная устала,
Мнѣ привиллегію на лѣнь, свободы цвѣтъ,
Вручила мода: я писатель,
Природы баловень, Поэтъ!
Но ты, скажи, мой вѣтренный пріятель,
Чѣмъ это право заслужилъ?
Ужель недостаетъ чернилъ,
Иль времени писать ты не находишь?
Положимъ, съ двухъ часовъ до полночи въ гостяхъ,—
А остальное въ чемъ проводишь?
Со мной не сходствуя, конечно не въ мечтахъ?

Мы не разсорились: межъ нами дружба паче —
Повѣрить наконецъ я слухамъ принужденъ,
Что ты въ прелестную безъ памяти влюбленъ:
Упрямой лѣности причина быть должна же.
Повѣса пылкій, ты презрѣлъ
Дары волшебные Фортуны, бабы странной,
И, бѣдный, бѣдною плѣниться ты умѣлъ.
Теперь ужъ, можетъ быть, свершился бракъ желанной,
И, можетъ быть, въ кругу товарищей, гостей,
Собравшихся попить, пошѣшиться бездѣльемъ,
Ты съ чашею въ рукѣ, въ глазахъ съ живымъ весельемъ
Играешь локономъ Маріиныхъ кудрей.
Не зная цвѣта ихъ, я въ страшномъ затрудненьѣ:
Тавриды ли каштанъ поставить имъ въ сравненье
Иль мягкій ленъ Эстоніи полей.
Желалъ бы я взглянуть на красоту сестрицы:
Въ красавицахъ ты прежде былъ знатокъ.
Россини моднаго достойнѣйшей пѣвицы
Желалъ бы я услышать голосокъ,
Когда въ часы вечерняго досуга
Съ томленіемъ въ груди любимая супруга
Плѣняетъ гимнами любови удалой,
Ты ловишь, чуть дыша, язвительные звуки;
Иль теноръ сладостной, то звонкій, то глухой
Съ дишкантомъ вѣрно сливъ, поешь восторгъ и муки.
Когда нибудь и мнѣ дозволитъ рокъ
Веселъемъ друга насладиться;
На тройкѣ ухарской надѣюсь прокатиться
И посѣтить твой мирный уголокъ:
Тогда я пламенно супруга разцѣлую,
Но пламенней еще супругу молодую.

6.

КЪ БАЛОВНЯМЪ-ПОЭТАМЪ.

Поэты-баловни, привѣтствую я васъ!
Примите съ ласкою достойнаго собрата!
И мой задумчивъ тихой гласъ;
Желаній пламенныхъ утрата
Извѣстна мрачному пѣвцу;
Безчувственная жизнь постыла,
Ещё постылѣе подземная могила:
Безъ страха и надеждъ я двигаюсь къ концу.
Въ увядшей юности природою баованъ;
Теперь виномъ души разогрѣваю хладъ,
И, въ двадцать лѣтъ, совсѣмъ разочарованъ.
Не правда ль, я достойный вашъ собратъ?
Ахъ! други милые! судьба, меня карая,
Уже всѣ муки излила:
Я, въ гордой радости безсилье презирая,
Смѣюсь надъ лютостію зла.
О! други! возложите
Страдальцу на власы вѣнокъ:
Лилею, розу, василекъ
Въ печальной кипарисъ вплетите.
Я нѣкогда, безпечное дитя,
Игралъ въ невинности счастливой;
Я нѣкогда любилъ то страстно, то шутя —
Знавалъ восторгъ и гнѣвъ ревнивый;
И нѣкогда вился передо мной
Надеждъ плѣнительныхъ веселой, шумной рой.
Пѣвца злосчастнаго съ привѣтнымъ состраданьемъ
Украсьте хмѣлемъ и плющомъ,
Да Вакха чествуя клубящимся виномъ,
На перекоръ судьбѣ потѣшуся мечтаньемъ.

7.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ.

I.

Въ Украйнѣ, въ хуторѣ степномъ
Жила я бѣдной сиротою
Съ старушкой бабушкой слѣпою.
Я помню нашъ бѣленой домъ,
Я помню дѣтскія забавы:
Тогда въ младенчествѣ златомъ
Страстей не вѣдала отравы,
Тогда всѣмъ утѣшалась я!
Какимъ блаженствомъ я считала,
Когда близъ нашего ручья
Клубники съ нянею искала;
Когда для праздниковъ святыхъ
Мнѣ бабушка моя давала
Тарелку яблокъ наливныхъ!
Бывало, утромъ въ Воскресенье,
Надѣну праздничный нарядъ,
И двѣ лошадки потащатъ
Меня съ старушкою въ селенье.
Тамъ наша дальняя родня,
Жила Княгиня съ дочерями:
Ласкала госпожа меня,
Дарила платьями, вещами
И въ Петербургъ взяла съ собой.

II.

Но геній Вѣрушки досужной
Разставилъ яствы на столѣ.
Сверкаетъ пѣною жемчужной

Вино въ граненомъ хрусталѣ;
Подъ бѣлою крупой восточной
Блеститъ янтарь пуларды сочной,
Любимый Визирей обѣдъ.
Дымится съ трюфлями пастетъ,
Дрожитъ на блюдѣ кремъ прохладной
Съ ванилью Инда ароматной.

8.

ВЕЧЕРЪ 27 НОЯБРЯ.

Кантата.

Звѣзда вечерняя сіяетъ
На небѣ чистомъ, голубомъ;
Звѣзды отрадной лучъ играетъ
На снѣгѣ яркомъ, молодомъ:
Ликуетъ хладная природа,
Плѣняя зимней красотой.—
Зачѣмъ же съ робкою тоской
Волнуются толпы народа?

„Красное солнышко! куда ты сокрылось?
Милое солнышко! зачѣмъ закатилось?
На утро же солнце блеснетъ золотое —
Да сирыхъ не радуетъ солнце такое:
Отъ солнца такого колосья полнѣютъ,
Цвѣты расцвѣтаютъ, древа зеленѣютъ;
А намъ безутѣшнымъ оно ужъ не мило —
Намъ солнышко надо, чтобъ дѣтокъ любило,

Но дѣтокъ оставилъ защитникъ державный:
Скончался Отецъ-Государь Православный!
Красное солнышко! куда ты сокрылось?
Милое солнышко! зачѣмъ закатилось?“

Стоитъ унылый часовой,
Склоняся на ружье стальное:
Впилась губительной змѣей
Кручина въ сердце ретивое.
Царя усопшаго дѣла
Въ мечтѣ солдата оживаютъ —
Горючи слезы окропляютъ
Ланиты смуглаго чела.
Безстрашныхъ покинулъ Начальникъ державный:
Скончался Герой-Государь Православный!

Вдова — младенца на рукахъ
Обливаетъ слезами.
Ужь годъ, какъ въ яростныхъ волнахъ,
Нажитое трудами
Исчезло при ея глазахъ:
Въ сей самый день благотворитель,
Вѣнценосный Отецъ —
Какъ нѣжный Ангелъ-утѣшитель,
Восхищенья творецъ —
Злосчастной посѣтилъ обитель:
Но бѣдныхъ оставилъ Защитникъ Державный:
Скончался Монархъ-Государь Православный!

Во храмахъ чернь смятенною толпой,
Не вѣруя молвѣ ужасной,

Къ Благому вопіетъ съ надеждою святой,
Да недугъ исцѣлитъ опасной!
Прервитесь, поздніе мольбы!
Раздайся жалобное пѣнье!
Нашъ Ангелъ отлетѣлъ, по манію судьбы,
Къ пучинѣ сладости, въ надзвѣздное селенье!
Красное солнышко! куда ты сокрылось?
Милое солнышко! зачѣмъ закатилось?

На утро же солнце блеснетъ золотое
Да сирыхъ не радуетъ солнце такое:
Отъ солнца такого колосья полнѣютъ,
Цвѣты расцвѣтаютъ, древа зеленѣютъ;
А намъ безутѣшнымъ оно ужъ не мило, —
Намъ солнышко надо, чтобъ дѣтокъ любило.
Красное солнышко! куда ты сокрылось?
Милое солнышко! зачѣмъ закатилось?

9.

ВОИНЪ-ПѢВЕЦЪ.

Когда нависнутъ тучи громовыя
И душный вѣтеръ пламенныхъ степей
Клубитъ туманы въ облака сѣдыя,
Срываетъ пѣну съ брызжущихъ зыбей;
Тогда, у моря, подъ густой оливой,
Внимая шуму плещущихъ валовъ,
Дышу свободнѣй въ радости кичливой!
Почто Юпитеръ, мощный царь боговъ,
Я, порожденный съ пылкою душою,
На неизвѣстность обреченъ тобою?

Молю! ко славѣ укажи мнѣ путь!
Да весь покрытый пылію багровой,
При плескахъ вырву мой вѣнецъ дубовой,
Отъ жизни праздной дай мнѣ отдохнуть!
О Римъ священный! неужель не стало
Неукрошимой зависти въ врагахъ?
Оцѣпенѣнье ль робкихъ обуяло?
Честя ль упійствомъ Бахуса въ пирахъ,
Безпечно видятъ гордость исполина?
На лонѣ ль женщинъ, разслабѣвъ дружина,
Не можетъ стиснуть ржавый мечъ въ рукахъ?
Когда жъ отрадный зовъ къ опасной брани
Въ тоскѣ несносной оживитъ меня?
Когда съ улыбкой мечъ сожму во длани,
Въ пернатомъ шлемѣ сяду на коня?
Я васъ увижу, мстящіе пожары!
Услышу копій о щиты удары,
Стенанья, клики яростной войны!
Рукой усталой опущу въ ножны
Мой мечъ, омытый кровію достойной.
Въ пиру побѣдномъ полночи спокойной
На тѣло друга падшаго въ бою
Я вылью чашу пѣнистыя влаги;
Послѣдній подвигъ доблестной отваги
Въ надгробной пѣсни звучно воспою.

10.
МЕТРОМАНІЯ.

Знакомый Поэта.

Привѣтствую тебя, наперсникъ Аполлона!

Поэтъ.

А, здравствуй!

Знакомый.

Хорошо-ль изданье съ рукъ идетъ?
Не правда ли: какъ Чильдъ Гарольдъ Байрона?

Поэтъ.

Ты предсказалъ: оно у Слѣпина сгніетъ.

Знакомый.

Но сколько же нибудь раскуплено товара?

Поэтъ.

Сгораю отъ стыда! всего два экземпляра:
Одинъ — ты самъ купилъ; другой же дядя мой.

Знакомый.

Да что же говоритъ объ этомъ Слѣпинъ твой?

Поэтъ.

Онъ хвалитъ автора, что цѣлаго изданья
Не отдалъ въ переплетъ:
Бумага хоть не вовсе пропадетъ.
Не лавры вѣчные, не громъ рукоплесканья
Теперь ужъ цѣлію моей —
Тѣмъ въ горѣ ушѣшать имѣю, другъ, отвагу,
Что выручу я нѣсколько рублей,
Продавъ въ Милютины печатную бумагу!

Знакомый.

Читателя найдешь, по крайней мѣрѣ, тамъ:
Сидѣлецъ грамотѣй превнятно, по складамъ,
Всѣхъ покупателей изъ лавки проводивши,
Стиховъ десятокъ разберетъ.

Поэтъ.

Нѣтъ, сыръ твой Лимбургскій, прелакомый, согнившій,
Онъ въ сочиненье завернетъ.

Знакомый.

Ахъ! нынче кушалъ я не сыръ, а объѣденье,
И завернуть не грѣхъ, мнѣ кажется, его
Не только что въ твое, но въ Пушкина твореньe.
Да ты, пріятель, отъ чего
Не завтракалъ у нашего Лукулла?
Тамъ были устрицы Голландіи скупой,
Токай, отъ дѣдушки поминокъ дорогой,
И каракатица роскошнаго Стамбула.....
Ужъ новую стрѣлу въ меня вонзилъ Амуръ,
И я, разпѣжася, любезный, черезъ чуръ,
Бутылку осушилъ во славу робкой Лидѣ.

Поэтъ.

Ты вѣчно жертвуешь и Вакху и Кипридѣ!

Знакомый.

А ты все девяти сестрамъ;
Но, кажется, не я въ накладѣ.
Ты вовсе одичалъ, не ѣздя по пирамъ,
И думаю, летя къ мечтательной наградѣ.
Ты въ обществѣ почти нѣмой,
А прежде веселишь, бывало,
И каламбурами комедіи смѣшной,
И колкостію обветшалой.
Весь пожелтѣлъ, изсохъ, ну, точно, какъ мертвецъ!
Надѣнь лишь черный фракъ да синіе консервы —
И въ формѣ будешь молодецъ,
Поклонникъ Феба и Минервы.

Поэтъ.

Ты правъ! я долженъ проклинать
Къ кропанію злодѣйскую охоту:

Я принуждалъ себя не разъ переставать,
И принимался вновь за прежнюю работу.

Знакомый.

Лекарство я тебѣ скажу:
Пустись въ разсѣянность.

Поэтъ.

Надѣешься напрасно
Имъ вылечить меня отъ страсти пренесчастной.

II.

НЕНАВИСТНИКИ ЛЮБВИ.

Знакомый Поэта.

Нашъ удалой Поэтъ, здорово!
Давно ужъ не видать тебя: скажи, зачѣмъ?
Но въ книгахъ, бѣдненькій! зарылся ты совсѣмъ —
Влюбился по уши въ Россійско звучно слово.
А что читаешь?

Поэтъ.

Все стихи.

Знакомый.

Стихи! завидую терпѣнью!
Меня такъ ихъ читать осудятъ за грѣхи
Для ужаса людскому поколѣнью.

Поэтъ.

Да скоро я и самъ читать ихъ зарекусь:
Представь! что ни возьму — вездѣ одно и тоже!

Знакомый.

Все критика — я объ закладъ побьюсь:
И недруга отъ ней избави Боже!

Поэтъ.

Не на Зоиловъ я, а на любовь сержусь.

Знакомый.

Изволь! теперь и я ругать ее примусь.
Я съ милыми въ ужасной ссорѣ
Съ тѣхъ поръ, какъ вздумалось моей блондинкѣ Лорѣ,
За перстень Графа, мнѣ измѣной удружить.
Въ отставкѣ отъ любви, хочу любовь бранить.

Поэтъ.

Ты видишь, книгъ изрядная громада!
Здѣсь жалость - риѳмачи и славные пѣвцы —
И что жъ? вездѣ любовь!

Знакомый (развертывая книгу.)

„Чу! воронъ, мертвецы!“
О! это быть должна Баллада!
И тутъ любовь? Проказникъ богъ слѣпецъ
Не терпитъ, кажется, бесѣды съ мертвецами.

Поэтъ.

Союзъ нерушимый сердецъ
Тутъ воспѣвается престрашными стихами.
За красной дѣвицей женихъ ея, мертвецъ,
Приходитъ въ часъ таинственной полночи —
Ланиты впалыя, безжизненныя очи —
А ей все не въ догадъ, что приключилось съ нимъ.
Вѣрна ль? гудетъ онъ басомъ гробовымъ;
О, другъ! мнѣ рай съ тобой, а безъ тебя мученье.
„Поѣдемъ же вѣнчаться въ храмъ.“
Помчалися — и вотъ ужь скачутъ по гробамъ:
Трепещетъ дѣвица, — но поздно сожалѣнье!
Ахъ! охъ! въ могилу прямо бухъ!

Знакомый.

Въ могилѣ нѣжиться имъ подлинно досугъ!

*

Поэтъ.

Но все еще сноснѣй, мнѣ кажется, Баллада:
Вотъ ужъ Элегія — такъ сущая надсада!
Какой - нибудь Поэтъ, что гаснетъ онъ, любя,
Почтенной публикѣ въ Журналѣ объявляетъ
Нѣжнѣйшимъ паступкомъ себя,
А милую тигрицей называетъ:
Не въ силахъ будучи заставить слезы лить,
По крайней мѣрѣ, насъ онъ хочетъ усыпить.

Знакомый (перелистывая Журналъ)

А! вотъ Элегія! и женщина писала.

Поэтъ.

Несчастная любовью запылала,
И выбравъ ночку потемнѣй,
Когда бушуетъ вѣтръ и льется дождь рѣкою,
Плѣняется въ бору, съ отчаянной тоскою,
Угрюмостью природы всей:
Обѣтомъ вѣрности безжалостному платитъ.

Знакомый.

Жаль! ножки простудя, сей - часъ горячку схватитъ!
(развертывая книгу.)
А это что? какая пестрота!
Все *ахъ*! и точекъ рядъ: описано мученье?

Поэтъ.

Любовникъ ахаетъ, напротивъ, въ восхищеньѣ,
И землю, гдѣ стопой коснулась красота,
Устами жаркими, блаженствуя, лобзаетъ.

Знакомый.

Оно чувствительно — да губы замараетъ!

Поэтъ.

Но, признаюсь, еще досаднѣй мнѣ:
Любовь закралась въ *Пустодомы*.
Піеса рѣдкая, полезная сыранѣ:

Такія парочки всѣмъ на Руси знакомы.
Въ Комедіи смѣшатъ затѣи мудреца —
Онъ съ экономіей ученой все теряетъ;
Супруга же его, для тона и лица,
Наслѣдство проживать усердно помогаетъ,
И дядя наконецъ, благодаря, съ путёмъ,
Въ деревню ихъ везетъ позапастись умомъ.
Здѣсь, кажется, любви нѣтъ вовсе мѣста;
Однако жениху вручается невѣста!
Я чувствую весь Ювеналовъ жаръ,
Вообразя героя Дона:
Не побѣдителя Татаръ —
Нашъ Озеровъ представилъ — Селадона.

Знакомый.

Мнѣ милъ обычай старичковъ:
Они, я думаю, не знали про любовь;
А насъ - такъ женщины по волѣ за носъ водятъ.
Амуру кланяться пора и перестать!
Беруся на него Сатиру написать —
Ужь въ головѣ моей насмѣшки злыя бродятъ. . .

12.

СВѢТСКІЕ ДРУЗЬЯ.

Во дни безумныхъ упованій
Любилъ я пиршество друзей,
Любилъ я вѣтреность признаній
И шумъ невѣжливыхъ гостей.
Я въ кубки нектаръ благовонной
Для нихъ съ радушьемъ напѣнялъ

И, упоенный, полусонный,
Веселью гимны запѣвалъ.
Мое здоровье други пили,
Моимъ клубящимся виномъ
И пламенно меня любили
За сытымъ лакомымъ столомъ;
Съ насмѣшкой тайною, жестокой,
Лаская жаръ души простой,
Ковшъ посвящали круговой
Моей Полинѣ черноокой.
Изсякло свѣтлое вино,
Друзей прервалось посѣщенье
И мнѣ забвенье суждено:
Въ глазахъ ихъ бѣдность — преступленье!

15.

СПОСОБЫ ЖИТЬ БЕЗЪ СОСТОЯНЬЯ.

Читатели, прошу вниманья:
Науку важную рѣшаюсь вамъ открыть —
Въ избыткѣ счастливомъ прожить,
Не получа отъ предковъ состоянья.

Читатель бѣдный! если вы
Сіятельнѣйшій Князь, иль Графъ, иль просто знатной,
Вамъ нѣчего ломать упрямой головы;
Чтобы свести расходъ съ приходомъ акуратно, —
Почетный способъ есть — на - удалую жить,
Употребляемый съ успѣхомъ вашей братьей; —
Должайте всѣмъ — не думая платить.
Богачъ, любя водиться съ знатью,

Вельможу одолжить себѣ поставитъ въ честь,
А *завтремъ* можете ростовщика провесть
До вашей иль до его кончины.
Когда жъ ремесленникъ, для маленькой причины,
Что хилая жена и дѣти просятъ ѣсть,
Лишитъ васъ долгаго терпѣнья,
Потребовавъ должку, —
Не тратьте словъ — напрасны убѣжденья:
Внушите вѣжливость побоями дружку.

Читатель! ежели природа
На жребій твой дала незнаменитость рода,
Но зоркіе глаза и сердце какъ кремень:
Займися картами, играй и ночь и день;
При томъ же, не боясь доходнаго злодѣйства,
Богатаго отца любимаго семейства
Старайся въ проигрышъ завесть:
Вѣрнѣе чѣмъ другой, онъ станетъ горячиться,
И скоро, можетъ быть, счастливому случится
Его дѣтей на улицѣ найти,
Голодныхъ, въ рубищѣ и по міру пошедшихъ,
Отца жъ у елочки, иль въ домѣ сумасшедшихъ.

Читатель! ежели не дуренъ ты собой,
Хотя и славишься пустою головой,
Да мастеръ кланяться, разсказывать уборы;
Имѣешь аксельбантъ, приманчивыя шпоры,
Способенъ лестію грубѣйшею ласкать, —
Съ разборчивостью дочь и безъ пощады мать, —
То можешь завладѣть наслѣдницей богатой.
Но способъ трудный сей хорошъ въ одной глуши,
При томъ же иногда пугаетъ онъ расплатой:
Отъ денежныхъ невѣстъ накладны барыши.

Когда же суждено тебѣ, читатель, знать,
Гдѣ нужно кланяться, гдѣ покормить, гдѣ дать,
Тогда благодаря Ломбарду иль комоду,
Имѣнье двухъ сторонъ соединишь въ одно;
Не разъ ты будешь пить Токайское вино,
Просителей заставивъ кушать воду.

Когда жъ, читатели! рѣшитесь раскупить
Мои грядущія изданья;
Еще вамъ покажу на дѣлѣ способъ жить,
Не получа отъ предковъ состоянья.

14.

МУЗА-АМАЗОНКА.

Вѣдь Муза — женщина и слѣдственно кокетка;
Ни чуть не мудрено, что милая брюнетка —
Облекши стройный, гибкій станъ
Туникой боевой, коротокою и тонкой,
Надѣвъ пернатый шлемъ и прицѣпивъ колчанъ, —
Явилася отважной Амазонкой.
Не удалось ли вамъ, читатель дорогой,
Увидѣть новаго Корнета,
Когда предъ зеркаломъ огромнымъ кабинета
Онъ восхищается мундиромъ и собой,
Когда онъ учится небрежно разсмѣяться,
Застѣнчиво вздохнуть предъ томной красотой,
Съ смѣшнымъ соперникомъ улыбкой расквитаться?
Такъ Муза рѣзвая, на бережку присѣвъ,
Касается безвѣстной лиры —
И слышны — то живой, то горестный напѣвъ,

То звуки рѣзкіе озлобленной Сатиры.
Глядясь въ ручей, богиня безъ ума
Отъ Амазонскаго наряда:
Однако же узнать была бы очень рада —
Понравится ли въ немъ читателю сама.

15.

ЛЮБОВЬ.

Невинность мирная, златая,
Другъ, утѣшитель въ злыхъ бѣдахъ!
Ты прелесть жизни, жизнь прямая,
Единственный источникъ благъ.
Лишь для существъ, душею чистыхъ,
Любовь сіяетъ красотой:
Ихъ вѣкъ среди цвѣтовъ душистыхъ
Катится ясною волной.
Когда жъ любви огонь священный
Сердца преступныхъ воспалитъ,
Ихъ духъ, спокойствія лишенный,
Утѣхи нѣжныя мрачитъ,
И вѣкъ злосчастныхъ протекаетъ,
Какъ мутный, гибельный потокъ,
Который въ бездну ниспадаетъ
И съ шумомъ тамъ крутитъ песокъ.

16.

ЭЛЕГІЯ.

Нѣтъ! я не испыталъ людей!
Въ груди счастливаго невѣжды
Еще кипитъ огонь страстей
И въ сердцѣ гордыя надежды!
Слѣпою, вѣтреной судьбой
На неизвѣстность обреченной,
Провижу думой дерзновенной
Удѣлъ грядущій славный мой.
Но долго ль будутъ ожиданья
Меня въ тоскѣ развеселять?
Увы! обманъ очарованья
Не можетъ въ лѣтахъ забавлять.

17.

ПОМОЩНИКЪ СМЕРТИ.

Басня.

Когда Зевесъ тучесгуститель
Изволилъ сотворить людей,
Въ высокой мудрости своей,
Боговъ всесильный повелитель
Нещадной смерти поручилъ
Подкашивать народъ ненужной,
И старость важную, для почести наружной,
Жрецомъ онъ къ ней опредѣлилъ.
По истеченіи вѣковъ отъ мірозданья
Пустынный свѣтъ людьѣ сталъ,

И къ смерти представлять ненужныхъ на закланье
Одинъ ужъ жрецъ не успѣвалъ.
Богиня тлѣнья пожелала
Найти достойнаго помощника ему:
Съ болтливой похвалой усердью своему
Толпа искателей предстала.
Любовь къ красавицамъ и къ крѣпости вина,
Злодѣйство наглое съ смиренной нищетою,
Горячка желтая съ Турецкою чумою,
И голодъ, и морозъ, и самая война,
Сгибаясь, должности помощника просили:
Но всѣ отказъ учтивый получили.
Слѣпая женщина тупъ гордо подошла —
Не знаю вовсе я, какая ужь причина,
Но въ службу смерть ее тотчасъ же приняла.
„Да ктожъ та женщина?“ представьте: Медицина!

18.

БАСНЯ.

„Скажи мнѣ, Шавка, отъ чего
„Ты за глаза смѣешься надъ Барбосомъ,
„И говоришь: я не боюсь его;
„Но съ нимъ сойдешься носомъ съ носомъ —
„Ты хвостикъ тотчасъ подожмешь,
„Съ учтивостью хвалить его начнешь?“ —
Эхъ, Шпицъ! пусть онъ собой гордится:
Его мнѣ жалко огорчать. —
„Нѣтъ, лучше-ка скажи боишься осрамиться,
„Когда тебя заставитъ замолчать.“

19.

СОЛОВЕЙ И ЧИЖЪ.

Богатыхъ вотчинъ обладатель,
Гонясь за русакомъ, на всемъ скаку упалъ, —
Но, охромѣвъ, борзыхъ и гончихъ обожатель
Охоту псовую на птичью промѣнялъ:
Купилъ онъ соловья, чижа, рѣзныя клѣтки
И даже не забылъ нестройной скрипетки.
Воображалъ заранѣ сынъ полей,
Разнообразіемъ прельщенной,
Какъ будетъ слушать вопль караемыхъ людей
И пѣнье птицъ попеременно.
Не зная, чѣмъ досугъ убить,
Помѣщикъ принялся пернатыхъ самъ учить:
Чуть соловей иль чижъ по своему запоетъ,
Онъ прутикомъ его щелкнетъ
И скрипетку самъ вертѣть сей часъ же станетъ.
Вотъ чижъ понятливый ужъ вальсики поетъ,
А соловью такъ не далось ученье,
Онъ даже позабылъ свое лѣсное пѣнье!
„Мой чижикъ перенялъ, примолвилъ дворянинъ,
Да голосъ у него какой-то сиповатый; —
Когда бы соловья мнѣ голосъ пребогатый
Услышать удалось!“ —

Но, другъ, ты обрати вниманье на природу:
Вѣдь голосъ гибкій соловья
Заставить пѣть, какъ хочется, нельзя:
Онъ любитъ милую свободу!

20.

БАЛЛАДА РАЗБОЙНИКА,

пирующаго съ товарищами (*).

Алленъ-э-Дель, не домкомъ поживаетъ,
Алленъ-э-Дель, рукодѣлья не знаетъ,
Алленъ-э-Дель не оретъ и не сѣетъ, —
Но Алленъ-э-Дель отчасу богатѣетъ.
Послушайте сказки моей непростой:
Разгадайте — кто Алленъ-э-Дель удалой?

И гордъ, и богатъ Ревенсвордскій Баронъ:
Въ Акеривалѣ владѣетъ угодьями онъ;
Становитъ мерёжи въ привольныхъ прудахъ;
Гоняетъ звѣрей въ заповѣдныхъ лѣсахъ;
Не озерною рыбой, не горной козой
Потѣшается Алленъ-э-Дель удалой.

Алленъ-э-Дель хоть не рыцарь на взглядъ —
За то остеръ клинокъ, за то шпоры язвятъ;
Алленъ-э-Дель хоть ни Лордъ, ни Баронъ —
За то двадцать имѣетъ наѣздниковъ онъ.
Передъ нимъ задрожитъ и вельможа большой:
Разгадайте — кто Алленъ-э-Дель удалой?

Алленъ-э-Дель сталъ жену промышлять.
„Гдѣ живешь ты?“ спросила невѣстина мать.
Хоть замокъ Ричмондскій красивъ на холму,
А мой въ красотѣ не уступитъ ему:
То лазуревый сводъ съ серебристой луной! —
Отвѣчалъ ей мой Алленъ-э-Дель удалой.

(*) Изъ Поэмы Вальтера Скотта: *Матильда Рокби.* — Размѣръ подлинника.

Но мать — что кремень и отецъ — что булатъ!
Молодца безъ чиновъ проводили назадъ.
На утро стенанья раздалися у нихъ:
Поддѣлъ черноглазую дѣву женихъ. —

21.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ.

На Кашемирскихъ благовонныхъ,
Зелено - шелковыхъ лугахъ,
Дитя съ румянцемъ на щекахъ,
Сребристымъ потомъ орошенныхъ,
Напрасно жаждетъ изловить
Царицу бабочекъ восточныхъ;
На листикахъ тюльпана сочныхъ
Она садится влагу пить.
Малютка обладать мечтаетъ
Прелестницею голубой;
Уже въ немъ сердце замираетъ;
Уже дрожащею рукой
Схватишь плѣнную стремится;
Но — крылышкомъ шумя драгимъ,
Промчалась бабочка надъ нимъ
И въ ясной вышинѣ клубится.
Кропитъ алмазная слеза
Малютки черные глаза.
Не такъ ли дѣва молодая,
Въ невинной рѣзвости порхая
Красой безпечною блестя,
Манитъ возросшее дитя?

Его забота — нить мечтаній,
Надеждъ игривыхъ и терзаній!
Начавъ забавою пустой,
Онъ кончитъ горькими слезами. —
Но равными грозитъ бѣдами
Лишенье вольности драгой —
И бабочкѣ, и дѣвѣ красной!
Ихъ ожидаетъ рокъ злосчастной:
Прости, блаженство, тишина!

22.

КЪ МИЛОЙ ДѢВѢ.

(*Въ восточномъ вкусѣ.*)

Вижу я прелестную
Гурію небесную,
Съ черными очами!

Дѣва улыбается,
Дѣвы развѣвается
Чудо - покрывало —

Златомъ перебранное,
Цвѣтомъ несказанное:
Ярко - изумрудно.

Молвитъ гласъ плѣнительный:
Ратникъ восхитительный,
Къ Гуріи стремися!

Съ огненнымъ лобзаніемъ,
Съ страстнымъ упованіемъ
Друга ожидаю.

Райская жизнь сладостна,
Пламенныя радости
Храброму награда!

23.

ВЕСНА.

По снѣгу, ясною порой,
Въ саняхъ на двойкѣ быстролетной,
Блистая дужкой золотой,
Не мчится ужъ Корнетъ залетной;
И ученикъ съ замерзнувшимъ лицомъ,
Забывъ урокъ, въ веселости завидной,
Уже рѣки зеркаловидной
Не рѣжетъ брызжущимъ конькомъ.
Уже извощикъ бородатой
Отъ стужи не дрожитъ,
И лошади его косматой
Ужъ иней яркой не сребритъ.
Ужъ вечеромъ вокругъ театровъ не пылаютъ
Огни трескучіе костровъ:
Не слышно ропота озябшихъ кучеровъ,
Въ каретахъ сладкій сонъ безпечные вкушаютъ.
На Невскомъ рой мущинъ, младыхъ и зрѣлыхъ дѣвъ
Въ убранствѣ утреннемъ толпится,
Подъ тѣнію замерзшихъ древъ.
Весеннимъ воздухомъ какъ сладостно упиться!

Въ плащѣ причудливомъ бѣжитъ
Всѣхъ модныхъ чудаковъ законодатель,
Учтивыхъ Галловъ почитатель,
Знакомыхъ дамъ привѣтствіемъ даритъ.
За нимъ толпится рой надменный
Копистовъ жалкихъ и смѣшныхъ:
Списать оригиналъ священный.
Вотъ пара нѣжныхъ дочерей:
Maman, едва тащась, гулянье проклинаетъ,
Papa, смотря на платьица дѣтей,
Модистокъ въ тартаръ посылаетъ.
Какъ Лелева прелестна и умна:
Съ ней вѣчно двѣ ея сестрицы,
У нихъ ужаснѣйшія лица! —
Оттѣнка прелести нужна.
Затянутъ, хлыстикомъ играя,
Вотъ щеголь отставной идетъ:
Онъ гордо голову несетъ, —
Не тяжела она, пустая.

24.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ПОЭТА.

I.

Когда мнѣ было три весны,
Плѣнялъ я нѣжными кудрями,
Плѣнялъ веселыми очами
И тѣломъ снѣжной бѣлизны.
Съ привѣтомъ ласковая Джени

Младенца робкаго брала,
Меня сажала на колѣни,
Касалась губками чела.
Что бы утѣшить плачъ досадной,
Прельщая взоръ безпечный мой,
Катала персикъ наливной,
Играла кистью виноградной.
Рукою жадною хваталъ
Добычу лакомка счастливый,
Разсѣявался гнѣвъ плаксивый;
Я улыбаться начиналъ.

II.

Я возрастъ юный проводилъ
Въ тиши угрюмой кабинета,
Съ перомъ и стклянкою чернилъ
Позабывалъ утѣхи свѣта.
Я былъ пресчастливъ: дѣтскій умъ,
Борьбѣ смѣясь ученыхъ мнѣній,
Прельщался нѣжностію думъ
Парнасскихъ пламенныхъ твореній.
Дитя - Поэтъ уже маралъ
Бумагу вялыми стихами,
Въ нескладныхъ пѣсняхъ прославлялъ
Киприду съ ясными очами.
Но гдѣ блаженство первыхъ лѣтъ?
Съ запасомъ вѣтреныхъ желаній,
Смѣшныхъ понятій, ожиданій,
Я гордо выступилъ на свѣтъ.
Плѣненный роковою славой,
Надѣлъ я наконецъ мундиръ;
Я не считалъ любви отравой,

И дѣвы были — мой кумиръ,
Съ охотой въ вихрѣ котильона
Поэтъ неловкій танцовалъ,
Во время отдыха игралъ
Пречудно ролю Селадона.
Однажды, съ томностью въ очахъ,
Съ улыбкой хитрой на устахъ,
Въ углу наполненнаго зала,
Люблю, Фанишетта мнѣ сказала,
И черезъ пять счастливыхъ дней,
Кляняся въ вѣрности своей,
Мнѣ локонъ черной подарила.
Я въ восхищеньи весь горѣлъ,
Языкъ мой бѣдный онѣмѣлъ;
За то рука вмигъ начертила
Прелестной дѣвѣ мадригалъ;
Ея подарокъ я лобзалъ,
И сочинилъ въ жару признанья
Четыре локону посланья.
Но чѣмъ тиранка воздала
За риѳмы страстныя Поэту?
На завтра богачу Корнету
Съ весельемъ руку отдала.
Когда на локонъ я взираю,
Печаль и стыдъ волнуютъ кровь,
Я болѣе не уповаю
Вселить въ красавицу любовь.

25.

МЕЧТЫ ПОЭТА.

Мнѣ памятно блаженство лѣтъ,
Когда я, полный упованій,
Сквозь радугу очарованій,
Глядѣлъ съ улыбкою на свѣтъ;
Младенецъ, въ существахъ тѣлесныхъ
Я видѣлъ Ангеловъ небесныхъ,
Создателя благословлялъ;
Но дѣтскія промчались лѣта,
И съ сердцемъ грустнымъ я взиралъ
На грозную пучину свѣта.
Открылся юношѣ обманъ:
Предъ нимъ клубился Океанъ,
И волны ярыя бѣлѣли
И тучи бурныя чернѣли;
Едва межъ гибельныхъ валовъ
Мелькала роскошь острововъ.

Въ то время старца я узналъ —
Въ рѣчахъ глубокій умъ блисталъ;
Но злобный сей путеводитель
Не былъ мой Ангелъ - утѣшитель.
Онъ въ сердцѣ нѣжномъ хладъ разлилъ:
Взирая на добро святое,
Сердитый, пасмурный Зоилъ
Одно безуміе смѣшное
Или коварство находилъ.
Не орошало сожалѣнье
Его пронзительныхъ очей;
Онъ въ дерзкой мудрости своей
Не уповалъ на Провидѣнье!

Внимая гибельнымъ словамъ —
Хладѣлъ я къ Творческимъ дарамъ.

Съ слезой отрадной состраданья —
Небесная явилась мнѣ,
И въ мрачной сердца глубинѣ
Блеснула искра упованья.
Плѣняла дѣва красотой,
Плѣняла лирой золотой,
Страдальца ею подарила
И радость пѣвать учила.
Уроки старца я забылъ,
Я ожилъ — съ жадностью ловилъ
Волшебной сладкое ученье.
„ Все въ мірѣ — счастье — красота, “
Шептали милыя уста.
И душу мучило - ль сомнѣнье?
Смущалъ - ли старика совѣтъ —
Я видѣлъ дружескій привѣтъ
И слѣпо вѣрилъ въ наставленье.
Съ тѣхъ поръ не рѣдко въ часъ ночной
Сижу я съ Музой молодой:
Она мой Ангелъ - утѣшитель! . . .

Веселой рѣзвости любитель,
Пиры товарищей люблю.
Но часто, робкій и смущенной,
Въ бесѣдѣ ихъ непринужденной
Я муку страшную терплю.
Вездѣ куряться ароматы
Богинѣ злата и чиновъ:
Бѣднякъ, мечтами лишь богатый,
Презрѣнье вижу средь пировъ.

У Ларовъ силюся напрасно
Унять волненье мрачныхъ думъ;
Поэта страждетъ гордый умъ.

Вдругъ... улыбаюся, несчастной;
Волшебница передо мной!
Сіятъ грозной ополченье,
Оковано груди волненье
Желѣзомъ брони боевой
И на главѣ шлемъ оперенной,
И гнѣвъ во взорахъ ополченной.
Хватаю лиру, весь горю,
Во струны звучно ударяю,
Надъ полемъ ратнымъ я парю
И гимнъ военный запѣваю,
Пою огонь лихихъ копей,
И встрѣчу блещущихъ мечей,
И воевъ кровію облитыхъ,
Побѣды лаврами увитыхъ!
Пою веселый шумный станъ
И клики славы горделивой,
Бивака пиръ неприхотливый
И дружбы круговый стаканъ.
Въ мечтаньяхъ пылкости счастливой,
Забывъ о гнусности людей,
Пою товарищей — друзей!....

Какъ часто, шумъ оставя бала —
Гдѣ пылкая душа страдала,
Гдѣ красоты презрѣнный взглядъ
Вливалъ мнѣ въ сердце горькій ядъ —
Ищу покоя въ нѣгѣ ложа;
Но память злая, духъ превожа,

Пугаетъ благотворный сонъ.
Не спитъ пѣвецъ, и видитъ онъ
Небесной дѣвы посѣщенье;
Зажглось въ груди его томленье;
Онъ видитъ чудо красоты:
Одежда въ легкости небрежной
Не защищаетъ бѣлоснѣжной
Плечей роскошной наготы.
И страстный глазъ нетерпѣливый,
Едва провидя стройность ногъ,
Клянетъ хитона шелкъ ревнивой.
Язвительный крылатый богъ
Съ насмѣшкой вьется надо мною.
Покоясь юною главою
На жаркихъ раменахъ моихъ,
Мнѣ Муза шепчетъ стройный стихъ,
И я пою измѣнъ игривость,
Раскаянья, мольбы, упрекъ,
Прощенье, миртовый лѣсокъ,
Невѣсты пылкой боязливость!
Несчастный! позабылъ опять
Что не дано ему плѣнять.

26.

МОЛИТВА КАЩЕЯ.

О Боже! милостью, могуществомъ богатый!
Невѣрія мольбы Ты чудомъ утиши:
Да въ сундукахъ моихъ набитые гроши
Мгновенно обратятся въ злато!

Когда жъ отвергшіе Подателя всѣхъ благъ,
Такого чуда не достойны,
Ты накажи людей, носящихъ ядъ въ сердцахъ
И обожающихъ обманъ, злочестіе, войны!
Да голодъ извлечетъ раскаянія гласъ!
Благоговѣющій предъ волею святою,
Я буду продавать мой въ житницахъ запасъ
Лишь самой дорогой цѣною.
Когда же, Господи! въ незлобіи Твоемъ,
Желаешь Ты за зло всѣмъ воздавать добромъ,
Источника щедротъ, молить посмѣю,
Ошкупщика мѣстечко дай кащею.

27.

АРФА.

Я дикимъ, своенравнымъ слылъ,
Рѣзвиться въ дѣтствѣ не любилъ,
Всегда и тихъ и скрытенъ былъ:
Дичась людей,
Въ мечтаньяхъ радость находилъ
Да въ арфѣ сей.

Прельщенный Миистрелямъ хвалой,
Я презрѣлъ домъ въ тиши лѣсной,
Гдѣ жилъ бѣднякъ родитель мой,
И нашъ ручей.
Что льстило гордости пустой
Видъ арфы сей.

Любовь зажглась въ груди глупца:
Я трогалъ арфою сердца,
И дочь Барона, безъ отца,
Внимала ей.
Что дерзкимъ сдѣлало пѣвца?
Видъ арфы сей.

Я возмужалъ, прошли мечты.
Досадны цѣпи красоты!
Бранилъ я сердца суеты
Въ тоскѣ моей,
Мнѣ замѣнилъ надеждъ цвѣты
Звукъ арфы сей.

Настала нищета съ войной:
Все раззорилъ мятежникъ злой;
Сожегъ и бѣдный домикъ мой
И хлѣбъ полей.
Чѣмъ вымолю пріютъ ночной?
Лишь арфой сей.

Увидѣлъ я, что слава — сонъ;
Извѣдалъ сердца тяжкій стонъ;
Я бѣденъ, я всего лишёнъ:
Въ бѣдѣ моей
Отрада нынѣ — томный звонъ,
Звонъ арфы сей.

28.

ИЗЪ ВОДЕВИЛЯ.

Въ военной, поваромъ служилъ,
Бой видѣлъ съ бариномъ кровавый,
И аттестатъ мой подтвердилъ,
Что должность правилъ я со славой.

Я на убитыхъ нападалъ
Съ безстрашіемъ послѣ сраженья,
И деньги бравши, оставлялъ
Имъ кошельки изъ сожалѣнья.

Ужаснымъ храбрецомъ я слылъ
Въ кустахъ и вообще засадахъ;
Послѣднимъ — въ приступахъ я былъ,
И самымъ первымъ въ ретирадахъ.

И такъ привыкъ быть подъ ружьемъ,
Что пушкою воображаю,
Бутылки съ пѣнистымъ виномъ
Когда я пробку вынимаю.

Враговъ, мнѣ кажется, колю,
Когда я рябчиковъ шпигую;
Котлеты же когда рублю,
То будто съ саблею воюю.

Хотя практикщикомъ я сталъ,
Но разницы не примѣчаю:
Я прежде мертвыхъ обиралъ,
Теперь здоровыхъ обираю.

29.

ФРАНТЪ.

Комедія.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Манжетинъ, *франтъ.*
Румянина,
Лиза, *дочь ея.*

ЯВЛЕНІЕ 1.

Манжетинъ и Румянина.

Румянина.

Какъ, Поликарпъ Лукичъ, я благодарна вамъ,
Что наконецъ вы вздумали пріѣхать къ намъ.

Манжетинъ.

Ахъ! нѣтъ, мадамъ, я васъ ужасно почитаю;
Въ разсѣяньи своемъ о васъ я вспоминаю
И изъ Москвы я къ вамъ нарочно прикатилъ.
Хоть время нашъ свое пріятно проводилъ
Съ борзыми, гончими, съ лихими бѣгунами; —
Но всѣмъ пожертвовалъ, увидѣться чтобъ съ вами.

Румянина.

Ахъ! такъ! вы принесли большую жертву мнѣ,
Во всѣхъ забавахъ тѣхъ отказывая себѣ.
Вамъ скучно будетъ, думаю, въ деревнѣ нашей.

Манжетинъ.

Какъ думать можете! съ любезностію вашей,

Чтобъ было скучно мнѣ у васъ въ деревнѣ жить,
Напротивъ.... такъ! я буду время здѣсь дѣлить
Съ мамзель Лизетою, съ своими лошадями,
Съ собаками и наконецъ, мадамъ, и съ вами.

Румянина.

Какъ милы вы.... Ахъ! нѣтъ, хотѣла я сказать,
Какъ вы добры.... Но вы изволили назвать
Лизету, кажется....

Манжетинъ.

Восторгъ мой не вините,
Мнѣ откровенность, я надѣюсь, вы простите,
Въ мамзель Лизету я безъ памяти влюбленъ.

Румянина.

Вы развѣ видѣли ее? (какъ онъ уменъ!.)

Манжетинъ.

Къ несчастію, я не видалъ еще Лизету;
Но красоту ея, я знаю по портрету.

Румянина.

Мнѣ кажется, ея нигдѣ портрета нѣтъ?

Манжетинъ.

Ошиблись; предо мной ея портретъ.

Румянина.

Не вижу я.

Манжетинъ.

Себя не можете вы видѣть.

Румянина.

Такъ стало это я?

Манжетинъ.

Я долженъ былъ предвидѣть,
Что дочь похожа на свою прелестну мать.

Румянина.

Она вторая я. — Ужь нѣчего сказать,
Она совсѣмъ не въ мужа моего родилась.

Манжетинъ.

Но вѣрить не могу, чтобъ столько расщедрилась
Природа къ ней.... портретъ быть долженъ страш-
ной льстецъ:

Румянина.

(Ужь нѣчего сказать, преловкій молодецъ!)

Манжетинъ.

Ахъ! быть не можетъ въ ней прелестной сей осанки!

Румянина.

Она вѣдь молода; скажу вамъ безъ утайки:
Она не такъ осаниста, не такъ плотна.

Манжетинъ.

Сей важности въ чертахъ.....

Румянина.

То правда, что она
Немножечко не такъ бѣла, не такъ румяна..

Манжетинъ.

За то стройна должна быть, какъ Діана.
О станѣ я ее по вашему сужу.

Румянина.

Ну, не совсѣмъ, безъ лести вамъ скажу:
Она немножечко горбата, кривобока,
Хоть не видать; но говорю, что бы упрека
Отъ васъ мнѣ за нее не заслужить.

Манжетинъ.

Но выразительность въ глазахъ должна все замѣнить.

Румянина.

Но развѣ въ глазѣ, вѣдь она крива немного.

Манжетинъ.

Я восхищенъ; она походитъ на любови бога.

Румянина.

Хоть глазъ у ней одинъ, за то ужъ пребольшой.

Манжетинъ.

Въ семъ глазѣ - то, природа щедрою рукой
Разсыпала всѣ прелести опасны.

Румяннна.

Ахъ! Лизаньку свою люблю я страстно,
Полмилліона ей въ приданое даю.

Манжетинъ.

Въ Лизетѣ вашей, васъ, мадамъ, боготворю!
Съ тѣхъ поръ, какъ вашу къ ней привязанность я знаю,
Ее еще гораздо болѣ обожаю.
Но скоро ль буду счастіе имѣть
Увидѣть ту, кто вѣчно будетъ мной владѣть.

Румяннна.

Сей - часъ къ вамъ приведу свою Лизету.
Оставлю васъ на часъ, но неучтивость эту
Простите мнѣ.....

Манжетинъ.

Прощенья можно ль въ томъ просить?
Ахъ! въ томъ, за что я долженъ васъ благодарить.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Манжетинъ.

Такъ рѣшено!... женюсь я на уродѣ:
Тутъ нѣту страннаго — я сдѣлаю по модѣ,
Полмилліона вѣдь приданаго за ней!
Невѣсты быть не можетъ прибыльнѣй;
Теперь я расплачусь съ своими должниками,
А то было пришлось въ тюрьмѣ быть за долгами.
Но вотъ онѣ идутъ.....

ЯВЛЕНІЕ 3.

Румянина.

Желали, сударь, вы
Увидѣть дочь мою....

Манжетинъ.

Богиня красоты!
Ахъ! я желалъ мамзель увидѣть съ нетерпѣньемъ,
За муку награжденъ желанья исполненьемъ.
Не обмануло воображеніе меня.
И представлялъ ее точь въ точь такою.

Лиза.

(Онъ кажется прельщенъ фигурою моей).

Румянина.

Но цвѣтъ лица... (Засмѣйся поскорѣй.)

Манжетинъ.

Ахъ! въ немъ нельзя природѣ не дивиться;
Красою бѣлою, лишь бѣлой могъ прельститься,
А черная прельститъ Арапа одного,
И не плѣнятъ онѣ другаго никого.
Но въ ней сіи цвѣта природа съединила;
И красотой ее всеобщей надѣлила;
Засаленой Калмыкъ, Негръ-черный, какъ сапогъ,
И закопченой весь Лапландецъ — всѣ — у ногъ
Лизетиныхъ, горѣть любовью будутъ страстной:
Для всѣхъ покажется она равно прекрасной.

Румянина.

(Что скажешь?)

Лиза.

(Онъ въ меня безъ памяти влюбленъ.)

Румянина.

Но бокъ ее?

Манжетинъ.

Ась! такъ, мадамъ, я пораженъ,
Природы тонкимъ и разборчивымъ искуствомъ,
Чтобъ добродѣтелью сильнѣе тронуть чувства,
Всѣ сочинители въ Трагедіяхъ своихъ
Противополагаютъ ей порокъ другихъ.
Природа лѣвой бокъ нарочно исказила
И правой пѣмъ чудесно оттѣнила,
Чтобъ выказать всю стройность, красоту его.

Лиза.

(Въ восторгѣ онъ ощъ боку моего).

Румянина.

Къ несчастію, глаза....

Манжетинъ.

Природа истощила
Всю щедрость въ нихъ свою.

Лиза.

(Какъ говоритъ онъ мило)!

Манжетинъ.

Мнѣ нравятся глаза, исполненны огня;
Но столько же прелестна для меня
Красавица, какъ спитъ, съ сомкнутыми глазами.
Двѣ прелести сіи заключены здѣсь вами.

Румянина.

(Ну, что, каковъ?)

Лиза.

(Ахъ! быть нельзя милѣй.)

Румянина.

Но горбъ ее... (немножко стань прямѣй.)

Манжетинъ.

Есть множество вещей, которыя въ одномъ
Противны намъ, но нравятся въ другомъ.

Вотъ напримѣръ: усы — гусару такъ пристали;
Но дѣвушкѣ красы немного бы придали.
Верблюду и мамзели горбъ весьма присталъ.

Лиза.

(Я вижу, что мой станъ его очаровалъ!)

Румянина.

И такъ вамъ нравится моя Лизета?

Манжетинъ.

Я не видалъ еще столь милаго предмета.
Когда меня вы не хотите умертвить,
Съ Лизетой милою должны соединить.

Румянина.

Но будетъ ли она на то согласной?

Манжетинъ.

Божественна богиня красоты прекрасной!
Скажи, чего ждать долженъ я?
Скажи, иль умерщвлю себя!

Румянина.

Скажи жъ, душа.

Лиза.

Ну, вы мнѣ не противны.

Манжетинъ.

Кому мое блаженство не завидно!

Румянина.

Все завтра кончимъ; ужинать пора теперь,
Пойдемте въ эту дверь.

ПРОЗА.

I.

Сирота.

Супруги Благославины были осыпаны завиднѣйшими дарами судьбы. Благославинъ плѣнялъ мужественнымъ видомъ и живостію характера, Благословина томною красотой и чувствительностью; оба имѣли природный умъ, развитый образованіемъ и, что къ несчастію бываетъ рѣдко, умъ соединенный съ добрымъ сердцемъ. Супруги, надѣленные богатствомъ, утопали въ веселостяхъ свѣта. Мужъ любилъ страстно большія общества; жена, блистая молодостію, такъ же находила въ нихъ удовольствіе: ей пріятно было видѣть радость и торжество человѣка, предмета ея любви и гордости; можетъ быть, ей столь же пріятно было не видать соперницъ себѣ красотою и любезностію. — Мудрено ль, что она съ охотою жертвовала шумной жизни врожденною наклонностью къ уединенію.

Одиннадцать лѣтъ Евгенія вкушала возможное блаженство брачнаго союза; наконецъ судьба, утомленная благодѣяніями, вознаградила себя слишкомъ дорогой платою: Евгенія лишилась супруга. Думали, что горестное ея отчаяніе будетъ имѣть пагубныя слѣдствія, но, къ счастію, она была нѣжная мать. Осми-лѣтній Теодоръ требовалъ ея попеченій и заставлялъ ее находить прелесть въ жизни.

Прежнее жилище Евгеніи питало горесть. Напрасно старались удалить отъ глазъ ея всѣ вещи, напоминавшія супруга. Взглядывала ли она на каминъ — тотчасъ вспоминала, какъ онъ сидѣлъ передъ нимъ, обвивъ рукою станъ ея; подходила ли къ дивану, тотчасъ воспоминала, какъ она покоилась на немъ, склоня голову на плечо супруга. Родственники, видя ея изнеможеніе, посовѣтовали ей переѣхать въ деревню, и она съ восторгомъ исполнила совѣтъ ихъ: ибо тамъ была могила ея супруга.

Продолжительныя уединенныя прогулки и свѣжесть воздуха незараженнаго городскими испареніями, имѣли благодѣтельное вліяніе на разслабленное тѣло ея; веселость Теодора, его остроуміе, доброта и прекрасныя черты лица, въ которыхъ мать уга-

дывала будущее сходство съ отцемъ, излечили ея душу, удрученную горестію.

Нельзя было не радоваться, глядя на Теодора. Крестьяне, желая изобразить красоту и милую привѣтливость маленькаго барина, говорили въ восторгѣ: онъ сущій Ангельчикъ: когда Теодоръ гулялъ по деревнѣ, всѣ мальчики и дѣвочки бѣжали къ нему навстрѣчу: онъ каждаго зналъ по имяни, умѣлъ каждому сказать ласковое слово, часто раздавалъ лакомства и другіе маловажные подарки.

Однажды Теодоръ, отошедъ съ старичкомъ Аббатомъ отъ деревни далѣе обыкновеннаго, былъ пораженъ удивительной встрѣчею: мальчикъ, по видимому его ровесникъ, въ изодранномъ рубищѣ, съ унылымъ блѣднымъ лицемъ, шелъ вслѣдъ за телѣжкою, наполненною кирпичами и запряженною большею дворовою собакою.

„Какъ тебя зовутъ?“ спросилъ Теодоръ, подбѣжавъ къ мальчику.

— Зовутъ меня, баринъ, Иваномъ.

„Зачѣмъ везешь ты кирпичи?“

— Какъ зачѣмъ? — за то меня кормятъ, одѣваютъ и обуваютъ.

„Вѣдь ты нищенькій?“ сказалъ Теодоръ жалобнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, баринъ! какой я нищій? глупые ребята по-пустому зовутъ меня нищимъ, я одежу не выплакалъ подъ окошкомъ, а заработалъ, да и ѣмъ тоже трудовой кусокъ, какъ всѣ добрые люди.

„Есть ли у тебя отецъ и мать?“

— Кабы да они живы были, не натерпѣлся бъ я такой нужды! — Сирота заплакалъ; но скоро, какъ будто опомнясь, отеръ слезы и продолжалъ.

— Матушка меня покинула по другому годочку, а батюшки не стало объ прошлой веснѣ.

„Что же съ нимъ сдѣлалось?“

— Сказываютъ, потопулъ. Поутру онъ помолился Богу, запрегъ лошадку, наказалъ мнѣ ждать себя по вечеру и поѣхалъ черезъ рѣку на кирпичный заводъ: ледъ былъ тонехонекъ — невзначай подломился. Нѣчего бъ мнѣ было ѣсть, коли бъ не мой Азоръ и не моя шелѣжка: батюшка передъ смертью сдѣлалъ ее мнѣ для потѣхи, анъ вотъ она пригодилась и на дѣло. —

Теодоръ повелъ мальчика съ собою, обѣщая подарить грушъ и яблокъ. Онъ сдѣлалъ для него еще болѣе: онъ представилъ сироту своей матери. Благославина была тронута до глубины сердца, видя безпріютнаго десятилѣтняго ребенка, тихаго нравомъ,

благороднаго душею; видя, съ какою ласкою онъ обходится съ Азоромъ, единственнымъ своимъ другомъ и подпорою. Благославина рѣшилась печься о благополучіи несчастнаго Вани, и просила Священника, что бы онъ, взявъ его къ себѣ, училъ грамотѣ.

Каждое воскресенье Священникъ съ дѣтьми своими и съ Ванею приходилъ на цѣлой день къ доброй госпожѣ. Никто охотнѣе Вани не забавлялъ Теодора, никто усерднѣе Вани не услуживалъ Евгеніи. За недѣлю до Пасхи, Теодоръ показалъ ему нарядный кафтанъ и спросилъ, нравится ли ему?

— Я отъ роду не видывалъ такого наряднаго кафтана — отвѣчалъ Ваня.

„Возьми жъ его себѣ. Маменька приказала, чтобъ на великой день ты нарядился въ этотъ кафтанъ.“

Ваня пошелъ къ Благославиной и поклонился ей въ поясъ.

„За что благодаришь ты меня?“ спросила она.

— Сударыня, много радостей вы и Ѳедоръ Алексѣевичъ для меня дѣлаете, а я не могу никакой для васъ сдѣлать. —

„Нѣтъ, Ваня! и ты можешь насъ радовать: люби насъ, какъ мы тебя любимъ, будь добръ, и учись прилѣжно.“

Ваня не могъ уже любить ихъ болѣе, онъ не могъ уже быть болѣе добрымъ: ему оставалось одно средство показать свою признательность — учиться прилѣжнѣе.

На Свѣтлое Воскресенье Благославина похристосовалась съ Ванею, и удивилась, увидя распухшіе, покраснѣвшіе глаза его.

„Не знаю, что съ нимъ сдѣлалось, сказалъ Священникъ: день и ночь сидитъ за книгою.“

Благославина улыбнулась и, поцѣловавъ Ваню, сказала: „я говорила, что ты обрадуешь насъ прилѣжаніемъ, но не говорила, что бы ты изъ рукъ не выпускалъ книги: посуди самъ, можемъ ли мы радоваться, когда будешь слѣпымъ.“

Уже горесть сѣтовавшей о супругѣ, начинала исчезать; уже въ тихихъ деревенскихъ бесѣдахъ, Благославина принимала участіе въ общей веселости; уже она съ восторгомъ мечтала о будущемъ блестящемъ жребіи Теодора: — несчастная! неожиданный, жестокій ударъ судьбы снова повергъ ее въ бездну сѣтованія и отчаянія: Теодоръ послѣ кратко-временной болѣзни скончался. Тиха была смерть невиннаго отрока, — ужасно было изступленіе жалостной матери; но оно продолжалось недолго и уступило мѣсто мрачному равнодушію. Слезы были благодѣ-

тельны для Евгеніи; но онѣ рѣдко орошали глаза ея. Отчаянная безпрестанно блуждала; казалось, она искала, гдѣ бы успокоиться, и вездѣ находила одно мученіе; однако жъ часто она по нѣскольку часовъ сряду проводила, сидя на могилѣ обожаемаго сына.

Пробудясь съ первыми лучами солнца, она пошла совершить утреннюю молитву надъ прахомъ супруга и Теодора: вступя въ жилище смерти, у могилы послѣдняго она увидѣла печальнаго Ваню: онъ стоялъ на колѣняхъ и, поднявъ глаза къ небу, молился. Благославина заплакала въ умиленіи. „Добрый Ваня, произнесла она, и ты молишься на могилѣ моего Теодора.“

— Ахъ, сударыня! онъ былъ мой благодѣтель — отвѣчалъ Ваня съ глубокимъ вздохомъ.

Сердцу матери опрадно было сѣтованіе благодарнаго сироты о ея любимомъ сынѣ; ей утѣшительно было говорить о невозвратной потерѣ тому, который бы умѣлъ оцѣнить оную. — Благославина, желая вознаградить Ваню за привязанность къ Теодору, взяла его къ себѣ въ домъ и была ему вмѣсто матери. Скоро онъ сдѣлался для нея необходимымъ: Ваня провожалъ Благославину въ уединенныхъ прогулкахъ, читалъ ей печальныя повѣсти, согласовавшіяся съ душев-

нымъ ея состояніемъ, и вмѣстѣ съ нею молился на гробѣ Теодоровомъ. Присутствіе Вани было благодѣтельно для несчастной матери: ея отчаяніе превратилось въ грустную задумчивость. Благославина, любя Ваню часъ отъ часу болѣе и находя отраду въ попеченіи о благополучіи его, желала обезпечить ему состояніе, открыть путь къ занятію почетнаго мѣста, и — счастливаго сироту ожидала безпечальная и пріятная жизнь; но не сбылись надежды его, остались тщетными старанія благотворительницы.

Ваня, вступая въ домъ Благославиной, не могъ разстаться съ своимъ Азоромъ: каждый день, благодарный сирота ласкалъ его, кормилъ лакомой пищею, однимъ словомъ — заботился о немъ болѣе, нежели о себѣ. Когда кто-нибудь изъ дворовыхъ хотѣлъ Азора ударить, Ваня говорилъ: „лучше ударь меня: много терпѣлъ Азоръ, надо и мнѣ потерпѣть для него.“

Наступили знойные лѣтніе мѣсяцы: земля трескалась отъ жара, солнечные лучи попалили нивы и изсушили многія деревья. Ваня пришелъ поутру къ чаю съ унылымъ лицемъ, и Благославина, замѣтя его печаль, спросила о причинѣ оной.

„Ахъ, сударыня, — отвѣчалъ Ваня, бѣдняжка Азоръ очень боленъ. Сего-дня я на-

чалъ ласкать его, но онъ не обрадовался мнѣ и даже не пошевелился съ мѣста. Когда я поднялъ его, онъ попащился и спрятался въ нору свою.“

Благославина, жалѣя о больномъ Азорѣ, пошла съ Ванею посмотрѣть его; но Азора уже не было на прежнемъ мѣстѣ. Напрасно Ваня кликалъ вѣрнаго, послушнаго друга своего: онъ не бѣжалъ на призывный голосъ. Благославина и Ваня, дивясь отсутствію Азора, который обыкновенно лежалъ у норы своей, уже возвращались домой. Вдругъ онъ бѣжитъ съ опѣненнымъ ртомъ прямо на нихъ и бросается на Благославину. „Азоръ, Азоръ! что ты дѣлаешь? это наша благодѣтельница!“ вскрикиваетъ испуганный Ваня и крѣпко обхватываетъ руками бѣшеную собаку. Люди прибѣгаютъ на крикъ, — но уже поздно: ядовитые зубы уже впились въ тѣло несчастнаго. Азора убиваютъ; Благославина спасена; но Ваня.... онъ еще не знаетъ своей гибели и благодаритъ Бога, что ему удалось избавить отъ укушенія благодѣтельницу.

Послали въ городъ за докторомъ, онъ пріѣхалъ, выжегъ рану и далъ надежду на выздоровленіе. Въ сосѣдней деревнѣ жилъ крестьянинъ, славившійся вѣрными средствами лечить укушенныхъ бѣшеными звѣрьми,

но докторъ смѣялся симъ слухамъ и сказалъ, что если Медицина не поможетъ, то странно ожидать исцѣленія отъ невѣжества простаго крестьянина.

Цѣлый день Ваня казался здоровымъ, ввечеру уснулъ покойно; но къ утру съ нимъ сдѣлался припадокъ бѣшенства — припадокъ, который разъ увидя, человѣкъ, если онъ не извергъ, молитъ Бога не видать болѣе. Глаза страдальца помутились, наполнились кровью, засверкали и, казалось, хотѣли выскочить; прекрасные волосы его, прежде мягкіе подобно шелку, стали дыбомъ, какъ самая жесткая щетина; Ваню принуждены были держать; ибо онъ на всѣхъ кидался и, скрежеща зубами, жаждалъ вонзить ихъ въ тѣло своего ближняго.

Разслабѣвъ отъ чрезвычайнаго напряженія силъ, несчастный пришелъ въ усыпленіе. Мало по-малу онъ опамятовался, открылъ глаза, увидѣлъ плачущую Благославину, и слезы полились рѣкою по щекамъ его.

„Ахъ, Азоръ! произнесъ Ваня, что ты хотѣлъ сдѣлать? укусить мою и свою благодѣтельницу! Бѣдный Азоръ! тебя убили.... Сударыня, продолжалъ онъ, о чемъ вы плачете? я скоро умру, но какъ быть! Богу такъ угодно. Священникъ всегда говорилъ мнѣ, что кто не дѣлалъ въ жизни зла, тому,

нѣчего бояться смерти, но должно еще радоваться ей; а я кажется никого не обидѣлъ. Жаль мнѣ разстаться съ вами, но за то на небесахъ я соединюсь съ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ."

Трогательна была вѣра и безмятежность умирающаго, но еще трогательнѣй было видѣть, какъ, стоя на краю гроба, онъ обольщалъ себя надеждою выздоровленія и старался ушѣшать ею благодѣтельницу свою.

Ясныя минуты были непродолжительны: страдалецъ снова почувствовалъ приближеніе припадка. „Оставьте меня, сказалъ онъ Благославиной, со мною опять что-то дѣлается: въ безпамятствѣ я не узнаю васъ и — страшно помыслить! можетъ быть, укушу мою благодѣтельницу."

Жилы страдальца напряглись; вѣки пришли въ судорожное движеніе; глаза побагровѣли и опять ужасно выкатились, волоса опять поднялись на головѣ, и докторъ объявилъ, что отчаевается въ его спасеніи: злодѣй не хотѣлъ прежде признаться въ безсиліи своей науки и былъ причиною смерти несчастнаго Вани. Поскакали въ сосѣднюю деревню за крестьяниномъ, но тотъ уже засталъ его при послѣднемъ издыханіи. "Ахъ, матушка! сказалъ честный старикъ, Благославиной зачѣмъ твоя милость не

прислала за мною пораньше? Жаль мнѣ барина; онъ, правду молвить, былъ предоброй.“

Многіе плакали на гробѣ сироты, достойнаго лучшей участи, если бы счастіе міра не было обыкновеннымъ удѣломъ недостойныхъ; но болѣе всѣхъ плакала Евгенія, уже пріученная къ слезамъ потерею супруга и единственнаго сына.

2.

Карты.

Повѣсть.

Молодой Ипполитовъ имѣлъ лице прекрасное, воображеніе пламенное, характеръ благородный, но слишкомъ слабый, чтобъ не заразиться худымъ примѣромъ. Ипполитовъ, лишенный родителей въ младенчествѣ, по производствѣ въ Корнеты сдѣлался независимымъ обладателемъ богатаго наслѣдства, и могъ бы блистать въ лучшемъ кругу; но, едва зная его по слуху, не желалъ въ немъ нравиться. Кругъ знакомства Ипполитова состоялъ изъ нѣсколькихъ товарищей — по большой части развратныхъ. Пылкій юноша слѣдовалъ обольстительнымъ совѣтамъ и имѣлъ средства предаваться порочнымъ удовольствіямъ: угощалъ мнимыхъ друзей пирами, и пѣнистое вино лилось рѣкою.

Дорого стоили забавы; но не разорили бы Ипполитова, если бъ игра не сдѣлалась главнѣйшею его страстью. Онъ съ утра до поздней ночи сидѣлъ за картами, полуодѣтый, въ неопрятномъ видѣ, и полновѣсный кошелекъ его дѣлался часъ отъ часу легче.

Не стало у него денегъ — не стало и охотниковъ играть съ нимъ. Ипполитовъ началъ разсуждать о поправкѣ своихъ обстоятельствъ — и нужда, лучшій наставникъ, показала къ тому способъ: онъ рѣшился жениться на приданомъ. Старался нравиться богатымъ невѣстамъ, не щадилъ скудныхъ остатковъ своего имущества, чтобъ самому казаться богатымъ, и наконецъ достигнулъ желанной цѣли.

У владѣтельницы обширныхъ помѣстій, Нѣжиной, была дочь — непріятной наружности, подверженная частымъ недугамъ, но Ангелъ душею кроткою и чувствительною. Ипполитовъ не усомнился принести несчастную въ жертву своему благополучію. Казался влюбленнымъ, не смѣлъ хвалить красоту Маріи, но превозносилъ душу ея: легковѣрная не подозрѣвала обмана и любила съ нѣжностію прекраснаго Корнета.

Бракъ совершился. Коварный скоро позабылъ о безобразной супругѣ, расточалъ ея имѣніе, и снова предался картамъ. Слезы текли изъ глазъ Маріиныхъ, но ни одинъ упрекъ не вырвался изъ устъ ея: удрученная душевными и тѣлесными скорбями, она не заботилась уже о земномъ, и возносилась духомъ къ небесному. Ея кротость и изнеможеніе тронули сердце легкомысленнаго: онъ

оставилъ порочную жизнь, переѣхалъ въ деревню и попечительною привязанностію къ супругѣ желалъ загладить преступленіе. Марія сдѣлалась матерью, но чтобъ оставить спротою дочь свою. Кончаясь, она молила его печься о благополучіи новорожденной; — послѣднимъ словомъ ея было: „*не играй*!“ и Ипполитовъ съ жаромъ клялся выполнить волю умирающей.

Софія имѣла красоту отца и душу матери — слишкомъ чувствительную, чтобъ наслаждаться счастіемъ въ мірѣ. Знакомые; любуясь лазурью томныхъ глазъ и лилеями нѣжныхъ кудрей, называли ее красавицей, подданные, славя благотворительность сострадательной, называли ее доброю барышней. Софія, всегда тихая, задумчивая, любила уединеніе, и слезы часто орошали ея рѣсницы: ничто не омрачало яснаго утра чувствительной; но она, еще не зная собственныхъ горестей, уже крушилась о горестяхъ ближнихъ.

Въ деревенской тишинѣ расцвѣтала Софія. Сестра Ипполитова, не имѣя дѣтей, была для нее вмѣсто матери. Отецъ — скупой вразсужденіи себя — не щадилъ издержекъ для образованія дочери. Любя природу, она любила и Изящныя Искуства, читала Геснера — и умѣла имъ восхищаться; извлекала

изъ клавишей звуки Моцартовы, и чувствовала ихъ гармонію; еще не видала произведеній кисти чудесныхъ геніевъ, но замѣняла картинами Природы картины плѣнительнаго Корреджіо.

Ипполитовъ, желая составить счастіе дочери, переселился въ Петербургъ, гдѣ надѣялся найти выгоднаго жениха для ней, началъ жить роскошно, но съ расчетомъ; старался сдѣлать большое знакомство, и радовался, когда могъ доставить ей удовольствіе. Софія не любила городскаго шума, скучала на балахъ и въ блестящихъ обществахъ; но отдыхала, восхищаясь произведеніями изящнаго. Въ Эрмитажѣ съ жадностію разсматривала картины и бросала блуждающій взоръ на драгоцѣнные камни; въ Театрѣ плѣнялась музыкою Оперы; ощущала очаровательную томность, когда представляли Драму — и не обращала вниманія на публику, не занималась уборомъ посѣтительницъ перваго яруса.

Въ числѣ новыхъ знакомыхъ Ипполитова былъ Графъ Мишуринской, недавно пріѣхавшій въ столицу. Мишуринской казался богатымъ, имѣлъ острый, образованный умъ и былъ прекрасный мущина; но подъ привлекательною наружностію скрывалъ опровержительную душу. Онъ началъ ѣздить въ домъ

Ипполитова, увидѣлъ Софію, узналъ привязанность къ ней отца, и показывалъ, что ищетъ руки ея: своимъ пріятнымъ обхожденіемъ скоро понравился отцу и теткѣ, которые уже ласкались надеждою увидѣть Софію счастливою супругою. Софія, еще не видавъ существа, къ кому бы могла почувствовать любовь, имѣла уже о ней темное понятіе: съ волненіемъ въ груди читала Новую Элоизу, съ пламенемъ на щекахъ пожирала взоромъ прелестныя формы Аполлона Бельведерскаго. Неопытное сердце забилось для хитраго обольстителя, который не могъ жениться; ибо уже имѣлъ жену, хотя и не жилъ съ нею.

Мишуринской пригласилъ Ипполитова на обѣдъ. Ипполитовъ видѣлъ въ комнатахъ великолѣпіе, за столомъ удивительную роскошь. Пообѣдали. Гости вздумали сыграть въ вистъ. Ипполитову предложили карту: онъ отозвался, что не играетъ. „По маленькой, сказалъ хозяинъ, господа играютъ для удовольствія, — отъ васъ зависитъ опредѣлить цѣну роберта.“ Ипполитовъ соблазнился, сѣлъ играть — и выигралъ.

Онъ познакомился у Мишуринскаго съ Барономъ Зёйхе; Мишуринской предложилъ Ипполитову посѣтить новаго знакомаго: предложеніе было принято. Они застали

Барона съ зонтикомъ и очками на глазахъ. Зёйхе жаловался на глазную боль и слабость зрѣнія, весьма благодарилъ гостей, что навѣстили его, и сказалъ, что умираетъ со скуки, не смѣя выходить на воздухъ. Посидѣли, поговорили, разговоръ мало по-малу потерялъ живость: хозяинъ, отъ нѣчего дѣлать, придумалъ сыграть въ бостонъ. Ипполитовъ сѣлъ играть; игра уже была нѣсколько значительна — и онъ проигралъ; но Мишуринской проигралъ еще болѣе, показывалъ неравнодушіе и досадовалъ. „Графъ, не хочешь ли отыгрываться?“ сказалъ Зёйхе.

— Нѣтъ! тяжело отыграть такой проигрышъ. —

„Почему же? мечи банкъ: мнѣ пришла охота понтировать.“

— Нѣтъ, я не стану метать. Хорошо метать съ товарищемъ, чтобъ было съ кѣмъ перемѣниться: иначе проиграешь все на свѣтѣ. —

Ипполитовъ бывъ въ проигрышѣ, всегда слыхалъ, что метать очень выгодно: подумалъ, и предложилъ Мишуринскому метать пополамъ, съ твердымъ намѣреніемъ забастовать, какъ скоро отыграется. Напрасная надежда! страждущій глазами очень удачно отгадывалъ соника и удивлялся своему счастію; Мишуринской бранилъ свое не-

счастіе, рвалъ карты и упрекалъ Ипполитова въ томъ, что отъ него зашелъ въ большой проигрышъ.

Не много протекло времени, но много денегъ проигралъ Ипполитовъ, много надавалъ векселей и Барону и Мишуринскому, съ которымъ уже обходился по-пріятельски, ибо Графъ всегда съ охотою платилъ за него. Софія сперва не знала къ чему приписать ночныя отсутствія родителя, его задумчивость и тяжелые вздохи. Онъ оказывалъ ей прежнюю горячность, но уже́ не доставлялъ прежнихъ удовольствій. Она томилась ужасною неизвѣстностію, сидѣла одна въ своей комнатѣ, плакала, молилась и цѣлыя ночи проводила, ожидая возвращенія отца. Когда онъ приходилъ, принуждала себя казаться веселою; старалась извѣдать его тайну и пролить утѣшеніе въ страждущее сердце. Но Ипполитовъ былъ безмолвенъ и мраченъ: принужденная улыбка еще болѣе показывала его страданія. Онъ безпрестанно проигрывалъ, и все еще надѣялся отыграться; мучился душою, и таилъ свои мученія, боясь огорчить дочь, которой спокойствіе цѣнилъ дороже собственнаго. Бѣдная Софія! она не знала, сколько терпѣлъ отецъ отъ ея нѣжныхъ просьбъ и утѣшеній.

Однажды Ипполитовъ проигралъ чрезвычайно много, и къ большему терзанію, началъ подозрѣвать неосторожнаго Зёйхе, который думалъ, что Ипполитовъ, разгорячась, ничего не замѣтитъ. Обыгранный, возвращаясь домой, предавался мучительнымъ размышленіямъ. Проиграть отъ несчастія — было еще простительно *въ глазахъ его*; онъ могъ выиграть и тѣмъ способствовать благополучію дочери: но проиграть навѣрную — не значило ли подарить ея имѣніе гнусному обманщику? Нѣсколько разъ подходилъ Ипполитовъ къ своему жилищу и опять возвращался — не зная, что́ отвѣчать на вопросы дочери. Наконецъ превозмогъ себя. Надѣясь избѣжать ея встрѣчи, пробирался тихо въ свою комнату; вошелъ — и сдѣлался недвижимъ отъ удивленія. Софія стояла на колѣняхъ передъ образомъ; лице орошалось слезами, но на устахъ блистала улыбка умиленія: чистыя уста произносили молитву за виновника ея жизни: она просила Всевышняго, чтобъ оправдить его отъ каръ. Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди Ипполитова. Софія бросилась къ нему на шею: онъ почувствовалъ на блѣдномъ лицѣ слезы дочери — и слезы полились изъ помутившихся глазъ его.

На другой день пріѣхалъ Мишуринскій. У Софіи были глаза заплаканы, но видъ ея выражалъ спокойствіе. Ипполитовъ все открылъ ей и обѣщался не играть болѣе; онъ и самъ чувствовалъ облегченіе: ему казалось, какъ будто онъ сдѣлалъ что-то доброе. Мишуринской не могъ не замѣтить разстройства, въ которомъ находилось все семейство; но извергъ не зналъ сострадания. Оставшись наединѣ съ Ипполитовымъ, Графъ изъявилъ свое сожалѣніе о вчерашнемъ его проигрышѣ. „Повѣрьте, прибавилъ онъ, я лучше желалъ бы самъ проиграть. Какъ бы мнѣ хотѣлось, что бы вы отыгрались!“

— Я уже не имѣю надежды отыграться. —

„Отъ чего же не имѣть надежды?“

— Я много проигралъ и хочу не играть болѣе! —

„Я тоже намѣренъ сдѣлать, подхватилъ Мишуринской; но знаете, что мнѣ пришло въ голову: я подозрѣваю Зейхе — не навѣрную ли онъ насъ обыгрываетъ? можетъ быть, у него плутовскія карты. Мнѣ хочется еще попробовать счастіе у себя дома.“

Ипполитовъ не устоялъ противъ искушенія, и потомъ уже не въ силахъ былъ остановить своего стремленія къ гибели. Великолѣпныя комнаты его опустѣли: не стало картинъ, вазъ, бронзы; не стало и

богатаго Англійскаго флигеля — послѣдняго утѣшенія Софіи. Ипполитовъ, лишаясь имѣнія, лишился другаго сокровища для него важнѣйшаго: нѣжная дочь, страдая духомъ, истощала жизненныя свои силы и разстроивала здоровье. Чѣмъ ужаснѣе были слѣдствія игры, тѣмъ Ипполитовъ болѣе къ ней влекся, и не прежде оставилъ ее, какъ уже не хотѣли играть съ нимъ.

Несчастный сдѣлался неспособнымъ ни о чемъ мыслить, ничего предпринимать, и ввѣрилъ сестрѣ разстроенныя дѣла свои. Она протестовала на недѣйствительность братниныхъ обязательствъ: началась тяжба, но скоро противники заключили мировую, и у Ипполитова осталась маленькая деревенька, гдѣ покоился прахъ Маріи.

Отчаянное семейство оставило столицу, но не избѣгло ужасной участи, ему предназначенной; Софія, уже потерявшая здоровье, не перенесла извѣстія о коварствѣ Мишуринскаго, котораго любила и почитала женихомъ своимъ: умѣя утѣшать другихъ въ несчастіи, она не умѣла быть равнодушною къ собственному и впала въ чахотку. Ипполитовъ долженъ былъ считать себя тому причиною, и помѣшательство омрачило разумъ его. Когда несчастный отецъ приходилъ въ память, то прижималъ къ палящей

груди своей хладную грудь дочери и кропилъ горячими слезами оледенѣлыя щеки ея.

Смертію прекратились мученія страдальца: скромный памятникъ воздвигся близъ великолѣпнаго мавзолея Маріи. Софія почитала священною обязанностію каждое утро приходить молиться на могилѣ родителя и усыпать ее цвѣтами. Недолго утреннее солнце освѣщало свѣжіе цвѣты на зеленомъ дернѣ: ранніе лучи упали на другую свѣжую могилу близъ гробницы Маріиной.

3.

Предметы для Баллады.

Въ маленькомъ городкѣ близъ Страсбурга жили два богатые купца: Рихте и Лёгро. Первый имѣлъ сына, а послѣдній — дочь, и, къ ея несчастію, красавицу. Родители, условясь соединить дѣтей своихъ, когда они еще были младенцами, радовались при наступленіи желаннаго брака. Они уже поздравляли себя съ милыми внучатами и, не воображая никакихъ препятствій къ выполненію условія, заботились о заготовленіи нужныхъ бумагъ и приданаго.

Въ домѣ у Лёгро нанималъ квартиру молодой Адвокатъ, по имени Альфонсъ. Онъ имѣлъ доброе сердце и чрезвычайно пылкое, мечтательное воображеніе, но былъ неловокъ, молчаливъ до странности и безобразенъ не только лицемъ, но и станомъ. Альфонсъ, видаясь часто съ хозяйскою дочерью, Аделіею, и влюбясь въ нее страстно, съ ужасомъ видѣлъ холодность къ себѣ надменной красавицы. На канунѣ роковаго дня онъ упалъ передъ нею на колѣни, описывалъ пламенную любовь свою, клялся въ вѣчной вѣрности, умолялъ о взаимности, требовалъ

оной и окончилъ угрозою — на все рѣшиться для достиженія цѣли. Адель отвѣчала ему язвительною насмѣшкою и, разсказавъ происшедшее отцу своему, жаловалась на докучливость влюбленнаго Адвоката, которому тогда же было объявлено, чтобы позаботился пріискать себѣ новую квартиру.

Но Альфонсъ думалъ не о пріисканіи квартиры, а о средствахъ сдѣлаться мужемъ любимой дѣвушки, или по крайней мѣрѣ насладиться мщеніемъ, и увидѣвъ невозможность перваго, не замедлилъ рѣшиться на послѣднее. Цѣлую ночь онъ провелъ въ борсніи съ совѣстью и приготовленіи къ убійству.

На другой день Альфонсъ, войдя въ церковь въ слѣдъ за женихомъ и невѣстою, сталъ за ними и казался совершенно помѣшаннымъ. Когда Пасторъ провозгласилъ въ третій разъ: „Фридерихъ - Іоганъ Рихте вѣнчается на Аделандѣ - Кларѣ - Елизаветѣ Лёгро: не находитъ ли кто препятствій къ совершенію сего брака? Альфонсъ закричалъ въ изступленіи: я нахожу препятствіе, и выхватя изъ - подъ полы двуствольный пистолетъ, застрѣлилъ жениха и невѣсту. Убійцу хотѣли схватить, но онъ показалъ другой пистолетъ и сквозь испуганную толпу вышелъ изъ церкви.

Альфонсъ, убѣжавъ изъ отечества, около тридцати лѣтъ скитался въ иностранныхъ государствахъ, и наконецъ съ скудными средствами къ существованію возвратился на прежнее жительство, когда уже не было на свѣтѣ ни Лёгро, ни Рихте и когда убійство уже давно изгладилось у всѣхъ изъ памяти. Мучась угрызеніями совѣсти, онъ посвятилъ остатокъ жизни благотвореніямъ и набожности, и каждой день приходилъ молиться въ ту самую церковь, гдѣ совершилъ преступленіе.

Однажды, въ прекрасный лѣтній вечеръ, утомясь продолжительною прогулкою, Альфонсъ пришелъ на обыкновенную молитву и, сѣвъ на подножіе каѳедры, погрузился въ печальныя размышленія. Церковный сторожъ, предполагая, что онъ уже вышелъ, погасилъ огонь и заперъ всѣ двери. Когда Альфонсъ пришелъ въ себя, то увидѣлъ невозможность выдти изъ церкви и рѣшился провести тамъ ночь. Онъ легъ на скамью и начиналъ уже засыпать, когда странный звукъ привлекъ его вниманіе. Альфонсъ при яркомъ сіяніи луны увидѣлъ, какъ приподнялся большой камень надъ склепомъ и какъ вышелъ мертвецъ съ посинѣвшимъ лицемъ и глубоко вдавшимися глазами, держа въ одной рукѣ фонарь, а въ другой снаряды нужные для уби-

ранія церкви. Поставя фонарь на полъ, онъ принялся съ прилѣжностію за работу, какъ будто передъ какимъ-нибудь праздникомъ, и когда проходилъ мимо Альфонса, то казалось, не замѣтилъ его, между тѣмъ какъ испуганный Альфонсъ, у котораго волосы стали дыбомъ, читалъ про себя молитвы.

Когда мертвецъ все прибралъ и зажегъ свѣчи, то мало по-малу церковь начала наполняться другими мертвецами, выходившими изъ склепа. Альфонсъ, окруженный ими, готовъ былъ лишиться чувствъ: ибо куда ни обращалъ взоры, вездѣ видѣлъ ужасныя лица, обезображенныя смертію.

Но страхъ, доселѣ имъ ощущаемый, могъ почесться ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, когда предъ собою онъ увидѣлъ окровавленныхъ жениха и невѣсту и того самаго Пастора, который вѣнчалъ ихъ.

Пасторъ, по прочтеніи обыкновенныхъ молитвъ, сталъ противъ Альфонса, страшно вперилъ на него помутившіеся, неподвижные глаза и спросилъ могильнымъ голосомъ: „Фридерикъ Іоаннъ Рихте вѣнчается на Аделаидѣ-Кларѣ-Елисабетѣ Лёгро — не находишь ли препятствій къ совершенію сего брака?“ Пасторъ, видя молчаніе Альфонса, ступилъ шагъ впередъ, и съ угрожающимъ видомъ повторилъ вопросъ свой. На-

конецъ, приближась къ Альфонсу, сжалъ ему плечи своими тяжелыми, ледяными руками, и, скрежеща, завопилъ: „не находишь ли препятствій къ совершенію сего брака!“

Альфонсъ упалъ въ безпамятствѣ: на другой день его нашли распростертаго на полу и едва могли привести въ чувство.

Вразсужденіи дальнѣйшей исторіи Альфонса слухи различны: по однимъ, онъ, разсказавъ исповѣднику случившееся съ собой въ церкви, чрезъ нѣсколько часовъ умеръ; по другимъ, онъ остался въ живыхъ и вступилъ въ Латранское Аббатство *), гдѣ, строго наблюдая уставъ своего Ордена, дожилъ до глубокой старости.

---

*) Находящееся въ Орлеанѣ, славное строгостію устава.

4.

Василій и Наталья.

Приходъ Василья.

На дубовой лавкѣ, за столомъ, покрытымъ узорчатой скатертью, сидитъ прикащикъ Новогородской: на столѣ чарочка серебреная и стклянница Мальвазіи, принесенная по утру челобитчикомъ, гостемъ Дацкимъ. По безпорядку сѣдыхъ кудрей, по заспаннымъ глазамъ и бородѣ всклокоченной можно угадать, что Матвѣй Борисовичъ недавно покинулъ лежанку, на которой отдыхалъ послѣ обѣда, то медленно попивая лакомое винцо, то расчесывая черепаховымъ гребнемъ спутанные волосы, — онъ, какъ бы нехотя улыбается проказамъ паука, своего шута, сказочника, пѣсенника и скомороха. Паукъ наряженъ съ странною затѣйливостію: спинка его полукафтанья желтая суконная, одинъ рукавъ золотой паволочный, другой зеленый бархатный, полы синія крашенинныя; на ногахъ не сапоги, но Татарскіе мечеты; въ ушахъ на мѣсто серегъ, кольцы

съ гремушками. Смышленый дуракъ говоритъ неумолкно побасенки, присказки, прибаутки, и для потѣхи своего господина, кривляется до невѣроятности, мяукая, представляетъ голодную кошку: сидя на корточкахъ, передразниваетъ, какъ собака любуется жирнымъ кусочкомъ. Старостa манитъ затѣйника пустою чарочкою, паукъ бросается къ ней и, увидѣвъ обманъ, дѣлаетъ смѣшныя ужимки, притворно плачетъ, облизывается, говоря: по усамъ текло, а въ ротъ не попало; — господинъ хохочетъ.

Смѣхъ прервался нечаяннымъ приходомъ юнаго гостя. Въ мутныхъ глазахъ незнакомца изображалась кручина, на блѣдныхъ щекахъ изнеможеніе; робкая поступь его согласовалась съ бѣднымъ рубищемъ, благородныя черты съ остатками одежды богатой. Пришлецъ, помолясь честнымъ иконамъ, поклонился въ поясъ хозяину, и спрашиваетъ: „помнишь ли, Матвѣй Борисовичъ, твоего благопріятеля, Андрея Игнатьевича Боголюбскаго?“

— Помню друга закадычнаго, отвѣчалъ прикащикъ, помню хлѣбъ-соль его.—

„Коли помнишь, такъ покажи на мнѣ любовь къ нему: я сынъ Андрея Игнатьевича.“—Вася — Вася! произнесъ радостно Матвѣй Борисовичъ, и кинулся обнимать юношу.

Василій Андреевичь! вскричалъ Паукъ, цѣлуя руки ненагляднаго сынка прежнихъ господъ милостивыхъ.

Но скажи, дорогой Вася, молвилъ староста съ изумленіемъ, отъ чего одѣтъ ты не по роду своему, и зачѣмъ пожаловалъ къ намъ въ великій Новгородъ?

Государь Матвѣй Борисовичъ, пріюти меня горемышнаго.

Ужь ли несгода пришла на твоего батюшку и твою матушку?

Ихъ не стало, отвѣчалъ осиротѣлый, и залился горькими слезами.

Староста, пораженный печальною вѣстію, долго безмолвствовалъ и плакалъ, Паукъ долго рыдалъ, вопилъ, исчисляя добрыя дѣла покойныхъ. Наконецъ Матвѣй Борисовичъ отеръ омоченные глаза, положилъ предъ образомъ Всемилостиваго Спаса три поклона, просилъ умиленно Сына Божія: „да помянетъ усопшихъ рабовъ своихъ и да упокоитъ души ихъ въ Царствіи небесномъ!“

Добрый старикъ, по совершеніи молитвы, сѣлъ на скамью, опустя голову отягченную горестными размышленіями. Подлѣ него сѣлъ и Василій, перестаетъ проливать слезы, облегчаетъ вздохами стѣсненную грудь свою и началъ разсказывать о кончинѣ родителей.

Престарѣлый конюшій Иванъ Петровичъ Ѳедоровъ, Боярин доблестный въ дѣлѣ ратномъ, глубокомысленный въ думѣ Государевой — попалъ въ немилость. Царь захотѣлъ извести его; подослалъ къ конюшему мнимую грамоту Сигизмунда, въ которой подущалъ опальнаго на измѣну. „Что мнѣ у тебя дѣлать — отвѣчалъ Королю Польскому честный вельможа, — „ходить въ войскахъ твоихъ не могу, промышлять тебѣ красавицъ не умѣю, увеселять машкарствомъ не учился.“ — Извергъ, неумиленный вѣрностію подданнаго, искалъ новаго предлога погубить его: клеветники, угадавъ тайное желаніе мучителя, открыли небывалой заговоръ, назвали Ѳедора главою лиходѣевъ Царскихъ. Іоаннъ, не требуя улики, запрещая оправданіе, зарѣзалъ несчастнаго и повелѣлъ Опричнымъ карать заговорщиковъ: много погибло Князей, воеводъ заслуженныхъ, сановниковъ опытныхъ. Кромѣшники съ воплемъ ужаснымъ бѣгали въ Москвѣ изъ улицы въ улицу; безъ суда, безъ счету убивали встрѣчныхъ. Стольникъ Андрей Боголюбскій служилъ въ походахъ Казанскихъ подъ начальствомъ зарѣзаннаго конюшаго. Оставя службу, онъ доживалъ въ молитвѣ и строгомъ воздержаніи вѣкъ свой: благодѣтельствовалъ безпріютнымъ вдовицамъ, кор-

милъ недужныхъ старцевъ, воспитывалъ сиротъ неимущихъ, и страстный къ учености (тогдашняго времени), читалъ прилѣжно Библію, житія Святыхъ, переводы и сочиненія трудолюбивыхъ книжниковъ. — Имѣя благородное сердце, Андрей любилъ прежняго добраго начальника; всегда въ день его Ангела, въ Новый годъ и по праздникамъ Господскимъ приносилъ на поклонъ вкусный и огромный пирогъ, изготовленный самою Татьяной Алексѣевной, супругою стольника. Ѳедоровъ, посѣщая Боголюбскаго, съ удовольствіемъ слушалъ его рѣчи, бесѣдовалъ съ нимъ о догматахъ Вѣры, о сказаніяхъ древнихъ лѣтописцевъ; вельможа - хлѣбосолъ благоволилъ и къ Татьянѣ, угощавшей его сладкими яствами, напитками — и не рѣдко цѣлыя ночи проживалъ у радушныхъ хозяевъ. Вотъ преступленіе ихъ.

Услышавъ о смерти конюшаго, Андрей Игнатьевичъ съ женою и сыномъ ходилъ въ церковь, служилъ панихиду по усопшемъ; возвратясь домой, они сѣли за обѣденный столъ, съ сокрушеніемъ вспоминали о покойникѣ, славили добрыя дѣла и щедрость его.... Вдругъ Опричники вламываются на дворъ, вбѣгаютъ въ столовую избу, связываютъ устрашенныхъ супруговъ и юнаго Василія, кидаются грабить, разбиваютъ

кладовую, берутъ тяжелые кубки серебряные, богатыя одежды и соболью шубы прародительскія. Но звѣрскіе корыстолюбцы еще алкаютъ добычи, пытая связанныхъ, требуютъ казны ихъ. „У меня нѣтъ ее, отвѣчалъ Боголюбскій, руками нищихъ я переслалъ мое сокровище къ Христу Спасителю.“ Кромѣшники бечевой перепиливаютъ шею праведнику; обухомъ размазживаютъ голову набожной Татьянѣ....

Василій видѣлъ обагренныя тѣла родителей, видѣлъ ярость палачей, но не страшился мученія. Змѣи люпые, псы кровожадные! кричалъ имъ отчаянный юноша, насыщайтесь моею плотію, пейте кровь мою!“ Опричники смѣялись надъ ругательствами безсильнаго, въ злобномъ презрѣніи попирали его ногами, даже ранили въ руку длинною сѣкирой; но — умертвивъ отца и мать, не захотѣли надъ сыномъ совершить злодѣяніе безполезное. Василій уже не имѣлъ родителей, пожитки ихъ были расхищены, жилище и богатая вотчина были записаны на Государя; въ Москвѣ боялись помочь опальному,— оставался ему пріютъ въ Новѣ-городѣ у Матвѣя Борисовича.

Дворянинъ Матвѣй Борисовичъ подъ стѣнами осажденной Казани былъ подручною головою въ сотнѣ Боголюбскаго; послѣ, по

его милости, въ Шуѣ сидѣлъ на кормленіи; наконецъ, по его же покровительству сдѣлался въ Новѣгородѣ старостою и, вѣдая расправу гостей иноземныхъ съ Россіянами, получалъ хорошій доходъ. Признательный къ благодѣяніямъ Стольника, онъ съ горестью выслушалъ расказъ окончинѣ его; утѣшая печальнаго сироту, сказалъ: „не кручинься, Вася, Богъ отнялъ у тебя отца и мать, а у меня благодѣтелей; но буди святая воля Его! Онъ все устрояетъ ко благу; напрасно убитые ликуютъ нынѣ съ праведниками у Престола Господа - Вседержителя: а ты, доброй молодецъ, пока я живъ, не натерпишься нужды.“

Желая съ великолѣпіемъ отдать послѣдній долгъ умершимъ, онъ опредѣлилъ не малую часть казны своей на вклады въ знаменитѣйшія церкви Русскія и Византійскія, на раздачу милостыни бѣднымъ и узникамъ, на искупленіе безродныхъ полоняниковъ, и намѣрился угостить знакомыхъ роскошнымъ обѣдомъ въ память покойниковъ.

Когда Матвѣй Борисовичъ окончилъ распоряженіе, вошла сѣнная дѣвушка единственной дочери его и доложила, что Наталія собирается ужинать. „Ладно, отвѣчалъ староста, сей часъ буду и приведу съ собой дорогаго моего гостя.“

— Нѣтъ, Матвѣй Борисовичъ, сказалъ Василій, меня отъ ѣды отбило.

„Коли не изволишь, такъ приневоливать не стану. Тебѣ, чай, съ дороги неблизкой отдохнуть хочется. Прикажи холопамъ проводить тебя въ теплой сѣникъ мой, да устроишь постелюшку помягче.“

Усердные холопи съ подобострастіемъ повели юношу въ сѣникъ черезъ дворъ, по хрустящему снѣгу, и когда онъ прочиталъ молитвы на сонъ грядущимъ, постель уже была изготовлена: его разули, раздѣли, положили на пуховую перину, покрыли куньимъ одѣяломъ. Колпырья сказочникъ принялся отправлять должность свою и скоро глубокій сонъ, прервалъ горестныя мысли утомленнаго.

5.

Сорочины.

Еще все покоилось въ Новѣгородѣ, а на поварнѣ Старосты уже заблистали жирники, и бабы стряпчія принялись за дѣло. Потомъ поднялась ключница, мамка Наталіи, Василиса, и разбудивъ нѣсколькихъ холопей, пошла на погребъ разлить въ ведра пиво и медъ цѣженой, а стопы наполнить вишневымъ, малиновымъ, боярскимъ и чужеземными винами. Едва начало свѣтать, пробудились печальный Василій и Матвѣй Борисовичъ, который съ поспѣшностію окончa обыкновенную молитву, поѣхалъ звать Архіепископа и гражданъ имянитыхъ, а къ не столь знатнымъ послалъ двухъ знакомцевъ чисто одѣтыхъ съ поклономъ и приглашеніемъ.

Когда Староста возвратился домой, мало по - малу гости начали съѣзжаться: людей неважныхъ встрѣчали на крыльцѣ знакомцы и холопы, болѣе важныхъ встрѣчалъ Василій, а нѣкоторыхъ самъ хозяинъ съ дочерью. Раздался звонъ благовѣста, и посѣтители направили путь ко храму Св.

Софіи. Мущины бѣдные шли, богатые, окруженные толпами челядинцевъ, ѣхали на коняхъ убранныхъ съ пышностію Азіятскою; женщины сидѣли въ саняхъ, украшенныхъ Кизильбашскими коврами, и плѣняли не выразительностію лица, но здоровьемъ, свѣжестію, хотя искаженною румянами. Шествіе заключалось наемными плакальщицами, которыя ударяли себя въ грудь и на распѣвъ громко вопили: „государь нашъ батюшка, Андрей Игнатьевичъ! Государыня наша матушка, Татьяна Алексѣевна! вы на кого покинули насъ? вы зачѣмъ сокрыли бѣлый свѣтъ? васъ не жаловалъ ли Царь-Государь? у васъ не было ль казны и вотчины? у васъ не было ль сынка возлюбленнаго?“

Церковь наполнилась: ибо къ приглашеннымъ Старостою присоединились многіе любопытные. Предстоящіе ожидали Архіепископа въ безмолвіи, Владыко вошелъ сопровождаемый Архимандритомъ, окруженный духовными чинами и, совершивъ Литургію, служилъ панихиду; у всѣхъ на лицахъ изображалась печаль искренняя или принужденная; Василій неутѣшно плакалъ. Когда же Священникъ, Архимандритъ, Іерей, Діаконъ и гармонозвучный клиръ провозгласилъ съ сокрушеніемъ вѣчную память Ан-

дрею и Татьянѣ; когда молящіеся — иные отъ Христіанской чувствительности, другіе для пристойности — прослезились; когда старостна и его домашніе зарыдали; наконецъ когда плакальщицы завыли голосомъ пронзительнымъ, страшнымъ: въ сію минуту горести и плача Василій поблѣднѣлъ, задрожалъ, теряя чувства, и грянулся с помостъ церковный. Его вывели, и посадили въ сани вмѣстѣ съ Натальею: ибо онъ не имѣлъ силы ѣхать на аргамакѣ.

Прозябшіе кони, укрощенные возницею, медленно двинулись. Наталія, пронутая слезами сироты, желала утѣшить его, преодолѣла дѣвическую застѣнчивость и промолвила: „не плачь, Василій Андреевичъ!“ Василій, пораженный голосомъ утѣшительницы, пришелъ въ себя. „Какъ мнѣ не плакать, отвѣчалъ онъ, у меня отняли отца и мать; ихъ не достану ни за какое сокровище!“ — Василій Андреевичъ, сказала Наталія, мой батюшка станетъ тебя жаловать, какъ сына роднаго; а я буду любить тебя, какъ нарѣченнаго братца. —

Гости, вошедъ въ тѣсные покои Старосты, сѣли за столъ: обѣдъ продолжался болѣе трехъ часовъ; не было счета яствамъ, ни конца подчиванью; Матвѣй Борисовичъ, прося покушать или выпить, кланялся до

земли, заставлялъ и дочь свою кланяться. На первомъ мѣстѣ сидѣлъ Архіепископъ Пименъ, лукавый корыстолюбецъ, пронырливый угодникъ мучителя, недостойный священнаго сана Владыки. Отъ него по лѣвую сторону сидѣли Архимандритъ, Священники и Діаконы, а по правую Князь Ѳедоръ Булгаковъ, намѣстникъ Новогородскій и другіе сановники. Подлѣ Матвѣя Борисовича сидѣлъ на полу, поджавъ ноги, Обручъ Ѳомка юродивый. Власяница покрывала сухое туловище его, а около шеи и на мѣсто пояса у него были желѣзные обручи.

Сей юродивый желалъ, ради спасенія души, быть посмѣшищемъ и предметомъ ненависти народа. Набожные граждане осыпали его грязью и камнями, почитая его за грѣхи лишеннымъ ума. Скоро однако жъ разнеслась молва, что будто юродивый исцѣляетъ недуги, и всеобщее презрѣніе къ нему превратилось въ почесніи. Стараста также уважалъ юродиваго и, пригласивъ его помянуть покойниковъ, чествлъ, какъ любезнѣйшаго гостя, щедрою рукою накладывалъ ему кушанье; но Обручъ ѣлъ мало, за то говорилъ безпрестанно и по большой части загадками, странными шутками, безо всякой связи.

Между гостьми отличался драгоцѣнностію одежды Князь Татаринъ Махметовичъ. Онъ имѣлъ стройный величественный станъ; черты лица — оказывавшія Крымца — правильныя, но безъ пріятности; глаза открытые огненные — но острые; безпокойные, презрительные взгляды обезображивали ихъ. Плѣненный въ молодыхъ лѣтахъ Русскими, онъ крестился; но исповѣдуя Христіанство, наблюдалъ многіе обряды Мусульманскіе; ибо крестясь, жилъ долгое время при Шахъ-Алеѣ. Когда Іоаннъ гостилъ у сего сверженнаго Царя Казанскаго, Князь Татаринъ понравился Монарху и былъ взятъ ко Двору Московскому. Въ Новѣгородѣ ненавидѣли Князя, однакоже чествили, угадывая въ немъ клеврета, посланнаго для гибельныхъ наблюденій. Добрый, но слабодушный старикъ Матвѣй Борисовичъ унижался передъ нимъ, ища подобно прочимъ его милости.

Любимецъ Государевъ, сидя за столомъ, величался, говорилъ рѣчи обидныя для гостей и хозяина, чванился, когда подчивали. Онъ не спускалъ очей съ Наталіи, и ярость блистала въ нихъ, когда стыдливая дѣвушка украдкою умильно поглядывала на Василья. При окончаніи обѣда, Наталія обнося пирующихъ вишневымъ медомъ, подала

съ поклономъ ковшикъ и Князю Татарину Махметовичу. „Для тебя, красавица, сказалъ онъ, я радъ выпить и не ковшикъ, а сороковую бочку, да и не меду, а настою полынаго.“ — Ну, Матвѣй Борисовичъ, продолжалъ новокрещенный, у тебя дочка будто цвѣтъ маковый: за такой сожительницей будетъ не житье, а масляница.“ Похвала не порадовала, но опечалила Наталію; ибо въ старину такія ласковыя рѣчи обыкновенно предвѣщали сватовство; а дочь Старосты ненавидѣла сорока-пяти-лѣтняго Татарина. Она знала его надменность, жестокость и развратную жизнь; богомольная Наталія не любила Христіанина невольнаго, приверженнаго къ обрядамъ Мусульманства, знавшагося съ кудесниками; но главною причиною ея отвращенія къ нему были наказы мамки, ожесточенной противъ его и имѣвшей къ тому достаточный поводъ. Однажды въ утро недѣльное Катерина была у обѣдни и, стоя подлѣ Князя Татарина Махметовича, толкнула его нечаянно. Надменный любимецъ Царскій въ бранныхъ словахъ велѣлъ ей стать подалѣе. Обиженная мамка сказала, что въ Божьемъ храмѣ всѣ равны. „Левъ и собака равны не бываютъ,“ отвѣчалъ Князь. Имя собаки раздражило Катерину и заставило ее произ-

нести грубость: Татаринъ промолчалъ, но выходя изъ церкви, приказалъ холопу своему дать пощечину бабѣ неразумной, — и мамка возвратилась домой съ краскою на лѣвой щекѣ, съ яростію въ сердцѣ, съ ругательствомъ на языкѣ досужемъ.

Наталія, опечаленная ласковыми рѣчами Татарина Махметовича, ушѣшала себя надеждою, что онъ говорилъ ихъ единственно потому, что былъ на веселѣ; ибо и многіе гости, уже подгулявшіе, также ее похваляли.

Въ покояхъ Старосты пировали господа, а въ нижнемъ жильѣ веселились ихъ прислужники, также дьячки, плакальщицы и многіе нищіе званые и незваные. Здѣсь угощала Катерина, вмѣстѣ съ Паукомъ, который всѣхъ удивлялъ своею расторопностью. Онъ успѣвалъ и рыдать съ плакальщицами, и по привычкѣ своей пришучивать, подчуя гостей. Всего припасено было съ большимъ изобиліемъ, и Паукъ безпрестанно кричалъ: „что есть въ печи, все на столъ мечи; для дорогихъ дружковъ подавай пирожковъ;“ — поливая же масломъ блины, приговаривалъ: поливай кубышка, не жалѣй хозяйскаго добришка.

6.

Бесѣда Василія съ Наталіею.

Уже Василій около двухъ седмицъ жилъ въ домѣ Старосты, а еще не бесѣдовалъ съ его дочерью. Паукъ безпрестанно стыдилъ Василія застѣнчивостію; но онъ отвѣчалъ обыкновенно: „что же мнѣ дѣлать? я самъ крѣпко хочу побесѣдовать съ Наталіею, узнать о ея смышлености и разумѣ; да робости у меня много, а смѣлости мало.“ Наконецъ онъ рѣшился выполнить неотступную просьбу Паука, и проснувшись рано послѣ обѣда, пошелъ въ теремъ Наталіинъ.

Когда Василій вошелъ въ дѣвичью избу, сѣнныя дѣвушки, сидѣвшія за пяльцами, встали и низко поклонились ему. „Милости просимъ, Василій Андреевичъ, сказала Катерина, отворяя дверь въ покой Наталіи: на силу изволилъ ты, сударь, пожаловать къ намъ. Дочь прикащика читала Апостолъ, единственную печатную книгу тогдашняго времени, присланную къ ней въ поминокъ отъ старика Боголюбскаго: удивленіе, сіяв-

шее въ глазахъ ея, замѣнилось радостію при входѣ статнаго юноши. Она приняла гостя съ стыдливостію и ласкою, посадила его на почетное мѣсто подъ святыми иконами, и когда расторопная мамка поставила на столъ винныхъ ягодъ, чернослив у, сахарныхъ коврижекъ съ пряным ъ зеліемъ, то просила Василія покушать. Василій и Наталія стали лакомиться и отъ застѣнчивости не говорили ни слова. Паукъ тянулся изъ жилъ, чтобъ развеселить молодыхъ господъ своихъ: они смѣялись и молчали. Уже молодой Боголюбскій, отчаясь завести рѣчь съ Наталіею, собирался оставить теремъ; какъ Катерина съ любопытствомъ начала распрашивать его о матушкѣ-Москвѣ бѣлокаменной. Сладкорѣчивый юноша осмѣлился и сталъ разсказывать о Кремлѣ, о Китаѣ городѣ, о великолѣпіи церквей Московскихъ, о чудотворныхъ иконахъ и нетлѣнныхъ мощахъ, находящихся въ оныхъ.

Бесѣда еще болѣе оживилась, когда вошелъ Прикащикъ съ двумя знакомцами, которые тотчасъ усѣлись на высокомъ порогѣ. „Смотри пожалуй! куда попалъ соколъ залетный, сказалъ Матвѣй Борисовичъ улыбаясь, мнѣ теперь во снѣ пригрезилось будто я стою въ церкви, а нашъ Попъ, отецъ Романъ вѣнчаетъ Василія съ Натальюшкой.“

— Почему знать? подхватила Катерина, — можетъ статься, что сонъ и сбудется.

„Кому вынется, тому сбудется, не минуется, слава!“ запѣлъ Паукъ, прыгая отъ радости.

— Во всемъ воля Божія, отвѣчалъ Матвѣй Борисовичъ и сѣлъ играть въ шахматы съ однимъ изъ знакомцевъ; а Паукъ, по его приказанію, сталъ разсказывать сказку, которая для слушателей казалась очень занимательною.

7.

Сказка о мужикѣ и человѣкѣ посадскомъ.

Начиналась сказка отъ сивки отъ бурки,
Отъ вѣшней коурки —
Конь бѣжитъ,
Земля дрожитъ,
Изъ ушей дымъ столбомъ,
Изъ ноздрей пламя пышетъ,
Малыя рѣки хвостомъ застилаетъ,
Большія перескакиваетъ;
Да то еще не сказка, а присказка,
А сказка будетъ впереди.

По славному по мосту, что на Москвѣ рѣкѣ, везъ пшеницу мужикъ, именемъ Разумникъ, и наѣхалъ невзначай на человѣка посадскаго, именемъ Дупика, да ударя его оглоблею прямо въ спину, повалилъ на земь. Народъ, видя человѣка посадскаго, лежащаго на землѣ съ расшибенымъ носомъ и съ лицомъ запачканнымъ грязью, много ему смѣялся; а Дупикъ, на Разумника за то осердясь, пошащилъ судиться. И, пришедши къ Судьѣ, сталъ на мужика жаловаться, говоря таково

слово: „праведный и многомудрый господинъ Судья! сей мужикъ, именемъ Разумникъ, наѣхавъ, ударилъ меня оглоблею прямо въ спину да сбилъ съ ногъ, а какъ я лежалъ на землѣ съ расшибеным носомъ, народъ много на меня смѣялся, и мнѣ приключилось большое безчестье, а носу моему большое увѣчье.“ Судья выслушалъ рѣчь посадскаго человѣка и началъ такъ спрашивать мужика: „мужикъ, именемъ Разумникъ! скажи мнѣ всю правду и истину, какимъ образомъ и обычаемъ наѣхалъ ты на человѣка посадскаго, именемъ Душика, и причинилъ ему большое безчестье, а носу его большое увѣчье.“ Мужикъ выслушалъ рѣчь Судьи да не отвѣчаетъ, Судья же опять мужика вопрошаетъ, а мужикъ опять не отвѣчаетъ; и Судья въ третій разъ мужика вопрошаетъ: „мужикъ, именемъ Разумникъ! скажи, глухъ ты или нѣмъ, и за чѣмъ на мой вопросъ не даешь отвѣта? Разумникъ же въ третій разъ не говоритъ ни словечка. И Судья, думая, что мужикъ въ заправду нѣмъ, молвилъ посадскому человѣку: „Душикъ, человѣкъ посадскій, я радъ бы съ мужикомъ тебя разсудить, да не могу; за тѣмъ, что онъ на мой вопросъ отвѣта дать не умѣетъ. — „Не вѣрь ему, праведный и многомудрый Судья! сказалъ Душикъ, онъ при-

творяется: я своими ушами слышалъ, какъ мужикъ сей кричалъ мнѣ посторониться; да я за тѣмъ не посторонился, что не пригоже Душику, человѣку посадскому отъ мужика дурака сворачивать.“ И на сію рѣчь Судья говоритъ: когда же мужикъ кричалъ тебѣ посторониться, да ты не посторонился — такъ напрасно требуешь съ него за твое большое безчестье и за носа твоего большое увѣчье. — „И Судья приказалъ Душику за поклепъ заплатить Разумнику три рубля, три гривны, три алтына и три деньги. И человѣкъ посадскій пошелъ отъ Судьи въ великой печали, а мужикъ въ великой радости.

Присказка на конецъ.

А я у мужика былъ,
Медъ, вино пилъ;
И тамъ пѣсню спѣлъ,
Да капустникъ съѣлъ,
Два вороха блиновъ,
Костеръ пироговъ,
Рѣку молока,
Да болото щей,
Сорокъ анбаровъ
Сухихъ таракановъ,
Сорокъ кадушекъ
Соленыхъ лягушекъ.

*

„Ай да Паукъ, молвилъ усмѣхаясь Матвѣй Борисовичъ, такого сказочника не отыскать! Катерина! продолжалъ онъ, балясы слушать хорошо, а выпить со сна и того лучше: ты баба догадливая — принеси-ка намъ сладкаго меду.

— Какого же прикажетъ твоя милость? —

„А такого, чтобъ быть намъ повеселѣе“ — отвѣчалъ Прикащикъ.

Катерина скоро возвратилась съ наполненною стопою, и Матвѣй Борисовичъ, напившись, подалъ оную Василію; но юноша, боясь крѣпкихъ напитковъ болѣе огня, только прикушалъ изъ нея.

„Что, добрый молодецъ, сказалъ Матвѣй Борисовичъ, знать медокъ-то горьковатъ: надо подсластить его. Натальюшка! поцѣлуй Василія; да три раза: Богъ любитъ Троицу.“

— Будетъ славная парочка голубчиковъ — шепнулъ радостный Паукъ на ухо Прикащику.

„Славная парочка, повторилъ тихо Матвѣй Борисовичъ; однако же слова его не утаились отъ Василія и Наталіи, которые потупили глаза; но послѣдній поцѣлуй былъ медлительнѣе, страстнѣе двухъ первыхъ.

Бесѣда окончилась большимъ веселъемъ. Паукъ, надѣвъ вывернутую шубу, нарядился медвѣдемъ; а знакомецъ, до того сидѣвшій молча, на порогѣ — нарядился проводникомъ, и Мишку плясуна притащилъ на веревкѣ. Теремъ наполнился дворнею, и при малѣйшемъ движеніи шута, раздавался громкій хохотъ восхищенныхъ зрителей; Матвѣй же Борисовичъ, довольный счастливою выдумкой, напоилъ Паука и знакомца крѣпкимъ медомъ изъ стопы своей.

„Ай да Паукъ! такого баляснка поискать,“ молвилъ, усмѣхаясь, Матвѣй Борисовичъ и началъ разсказывать, какъ говорится, ни къ селу, ни къ городу — о славномъ походѣ Казанскомъ. Умолчавъ о своихъ, онъ исчислилъ подвиги доблестныхъ Князей Александра Горбатаго — Шуйскаго, Михаила Воротынскаго, Андрея и Романа Курбскихъ, также наѣздника вражескаго Япанчи и богатыря Сюнчелея. Прикащикъ, имѣя нравъ тихій, душу исполненную страха Божія, не могъ похвалиться мужествомъ, и если удостоился награжденія полузолотою, то единственно за безмолвное послушаніе высшимъ, считая раззореніе гнѣзда варваровъ дѣломъ богоугоднымъ. Матвѣй Борисовичъ съ удовольствіемъ говаривалъ: я былъ подъ Казанью: въ воспоминаніе же сего онъ кликалъ люби-

мую собаку Концою (именемъ пушки извѣстной при осадѣ) и хранилъ для потомковъ своихъ перстень-талисманъ, сиятый имъ съ руки поганаго, коего однако же не самъ былъ убійцею. Онъ вѣрилъ чудесной силѣ талисмана, но страшился прибѣгать къ ней, гнушаясь волшебствомъ.

Василій, уже слышавшій много разъ о походѣ Казанскомъ отъ отца своего, начиналъ дремать: къ счастію, Матвѣй Борисовичъ, почувствуя въ языкѣ усталость, захотѣлъ промочить горлышко. „Катерина, сказалъ онъ, точить балясы хорошо, а выпить со сна и того лучше: баба догадливая! принеси-ка намъ сладкаго меду.“

8.

Разговоры.

„Дай Боже тебѣ здравія, сударикъ мой!“ сказала Матвѣю Борисовичу пришедшая къ нему сосѣдка Лукерья, купеческая вдова суконной сотни меньшей статьи, баба пронырливая, готовая за деньги всякому продать душу свою.

— Здравствуй, сосѣдка! — отвѣчалъ Матвѣй Борисовичъ, кивнувъ головою.

„Вѣдь я, сударикъ мой, прибѣжала къ тебѣ за дѣломъ, да и не пустячнымъ.“

— А за какимъ? — спросилъ Матвѣй Борисовичъ.

„Вотъ видишь, кормилецъ мой, у васъ есть товаръ, а у насъ есть купецъ.“

— Опоздала, сосѣдка! товаръ есть, да запроданъ. —

Эхъ, кормилецъ! бѣда не великая, что запроданъ: для моего купца не грѣшно и разойтися.“

— Да какъ же купецъ твой прозывается?

„Ужь нечего сказать! такого купца Натальѣ Матвѣевнѣ и во снѣ не грезилось: не женихъ, а сокровище! то-то красавецъ: очи яснаго сокола, брови черпаго соболя; а похаживаетъ — словно лебедушка плаваетъ!“

— Да какъ онъ прозывается, сосѣдка? —

„Ужь не согрѣша, можно молвить: всѣмъ, голубчикъ, взялъ — и дородствомъ, и красотою, и разумомъ. То-што буйная головушка! во всемъ смышленъ, всякія мудрости вѣдаетъ.“

— Баба! не о томъ рѣчь: какъ онъ прозывается? —

„А въ кладовой-то все сундучки, а въ сундучкахъ все серебро да золото; дорогаго каменья, шелковыхъ тканей и всякихъ узорочій — цѣлая пропасть; бурымъ лисицамъ да пушистымъ соболямъ — счету нѣтъ, а бѣлками хоть прудъ пруди. Вотъ и мнѣ, горемышной, пожаловалъ мой милостивецъ бѣличью шубейку, да изволилъ сказать: я де и за лисью не постою, коли добуду Наталью Матвѣевну.

Правдиво говорятъ мудрые люди: у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ. Пригожѣй пѣрво сказать, какъ жениха зовутъ и чей онъ сынъ, какой масти человѣкъ и какого чина? —

„У Царя - Государя онъ въ великой милости, а у добрыхъ людей въ великой чести. Передъ нимъ за версту шапку скидаютъ, да кланяются ажли спина хруститъ.“

— Безлепешница! сказалъ нетерпѣливый Прикащикъ, у тебя на плечахъ не голова, а пустое лукошко; во рту не языкъ, а колоколъ Великонедѣльной: знай звонитъ! —

„Ужъ ты, сударикъ мой, и осердился. Изволь, будетъ - ли магарычъ - то мнѣ, а я тебя порадую: вѣдь дочка твоя, Наталья Матвѣевна занозила сердечушко Князю Ташарину Махмешовичу Шигалееву.“

Лукерья, глядѣвшая пристально въ глаза Прикащика, удивилась, увидѣвъ въ оныхъ печаль на мѣсто ожиданной радости: она удивилась еще болѣе, услышавъ тихій вздохъ на мѣсто ожиданнаго обѣщанія наградить сваху. Матвѣй Борисовичъ зналъ всегдашнюю наклонность ко злу, развратную жизнь, непостоянство Князя Ташарина и вѣрилъ совершенно слухамъ о его знакомствѣ съ чародѣями; любилъ Василія — тихаго, добраго юношу — и, думая выдать за него Наталію, утѣшался надеждою составить ихъ счастіе; но боялся отказомъ раздражить гордаго Крымца, въ рукахъ котораго были свобода его и заточеніе, богатство и бѣдность; даже суетное тщеславіе заставляло

Прикащика желать для дочери союза съ полу-Христіаниномъ: нѣжному отцу хотѣлось увидѣть ее женою любимца Государева.

„О чемъ, сударикъ мой, изволилъ призадуматься!“ спросила сваха у Матвѣя Борисовича: ужъ жениха лучше Князя Татарина Магметовича и пожелать не можно!“

— Ахъ, онъ Татарское рыло! сказала мамка Наталіи, которая видѣвъ Лукерью, пришедшую къ Матвѣю Борисовичу, и угадывая, что дѣло идетъ о сватовствѣ — до сихъ поръ подслушивала у дверей, но наконецъ потерявъ терпѣніе, вбѣжала въ покой. — Ахъ онъ Татарское рыло! ну по немъ-ли Натальа Матвѣевна невѣста? гдѣ видано, чтобы волкъ и овечка въ ладу жили? —

„Перекрестись, кума!“ отвѣчала въ досадѣ Лукерья; чѣмъ не женихъ Натальѣ Матвѣевнѣ Князь Татаринъ Магметовичъ? на такого жениха у красныхъ дѣвицъ, не въ ея версту оченьки разгораются.“

— Хорошъ женишокъ, притоманный еретикъ бусурманъ! —

„Эхъ, дура! онъ православный, а не бусурманъ.“

— Чего жъ ты лаешься? вѣстимо, бусурманъ: то и дѣло, что руки да ноги обмываетъ; а такъ поганые творятъ. —

„Голова безмозглая! то-ли бѣда, что его милость убранство и чистоту жалуетъ?“

„Коли двѣ бабы, такъ торгъ; коли три, такъ ярмонка, сказалъ Паукъ, пришедшій на крикъ; ниъ нѣтъ, у насъ не торгъ, не ярмонка,“ а чудо чудное, диво дивное совершается: бабы зрячія скоро учинятся слѣпыми — того и гляди, дружка дружкѣ выцарапаютъ очи. Побѣжатъ загоди по лекарку.“

— Самъ разсуди, Паукъ! подхватила Катерина, пригоже ли православной сочетаться съ кудесникомъ, чернокнижникомъ, Антихристомъ? —

„Ты знать бѣлены объѣлась, прервала Лукерья; такую ахинею поришь, ажли уши вянутъ. — Да! ахинею! не ты бы говорила такія рѣчи, не я бы слушала. Татаринъ знается съ сатаною. У Татарина любимый человѣкъ цыганъ, Мамай чародѣй; а съ кѣмъ поведешься, такимъ и самъ будешь. —

„Ахинея! Цыганъ не чародѣй, а живетъ у его милости ради потѣхи: словно, молвить, Паукъ у Матвѣя Борисовича.“

— „Ахъ, ты бочка! ахъ ты клюковка!“ закричалъ Паукъ: ибо Лукерья была дородна и румяна, да я тебя толчками накормлю, тумаками напою, потасовкой спать положу. Меня Паука приравняла къ Цыгану

окаянному! да я каждо-дневно по два девяноста поклоновъ кладу, а Цыганъ проклятый оборотень.“

— Вѣстимо, оборотень! Дунька, что на поварнѣ живетъ, у Татарина своими очами видѣла, какъ проклятый оборачивается. Въ навечеріи Рождества Христова сидѣлъ онъ съ нею на поварнѣ, да вдругъ вскочилъ, полѣзъ въ поставецъ, сграбилъ двенадесять ножей и вышелъ въ сѣни. Она, малое время спустя, глядь въ окно: а подъ окномъ бѣлая собака. Дунька такъ и обмерла. Проклятый цѣлую ноченьку на пролетъ провылъ, да такую ужасть на бѣдняжку нагналъ, что седмицы двѣ сердце билось.

„Коли Цыганъ и оборотень, то не Князя Татарина Махметовича дѣло,“ отвѣчала Лукерья. У васъ почитай изъ дому не выходитъ Обручъ Ѳомка, вражій угодникъ, да то не Матвѣя Борисовича дѣло, и ему Обручемъ Ѳомкою очей колоть не можно.“

—„Грѣшишь, Лукерья! сказалъ прикащикъ, Обручъ Ѳома — блаженный.“

— Какъ бы не такъ! блаженный! въ Страстную Пятницу сырое мясище трескаетъ!

Матвѣй Борисовичъ принялся убѣждать ее въ святости юродиваго; а Катерина, рѣшась непремѣнно на своемъ поставить, по-

бѣжала за Наталью. Мамка передъ молодою госпожею расплакалась и своимъ краснорѣчіемъ заставила ее ужасаться мысли принадлежать ненавистному Татарину. Когда Наталія пришла къ отцу, ее поразили, какъ громомъ, слова Матвѣя Борисовича: „я радъ выдать Наталюшку за такого великаго человѣка.“

—Государь мой батюшка, молвила дочь Прикащика, заливаясь слезами, не выдавай меня за нелюба: ты отдай меня на съѣденіе звѣрямъ дикимъ, брось меня въ лѣсъ дремучій.“

Матвѣй Борисовичъ напрасно исчислялъ ей выгоды быть супругой знаменитаго Князя, угодителя Царскаго; она ничего не слушала, плакала, просила у Бога смерти, чтобы не принадлежать кудеснику. Прикащикъ разжалобился, призадумался какъ поступить въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и взглянулъ на Василія, котораго привелъ догадливый шутъ по примѣру Катерины; въ сію рѣшительную минуту Паукъ дернулъ печальнаго юношу за полукафтанье и шепнулъ ему: „повались Матвѣю Борисовичу въ ноги; лучше невѣсты не отыскать тебѣ!“ Василій послушался доброму совѣту, упалъ къ ногамъ Прикащика и сказалъ: „милостивецъ мой и наречен-

ный батюшка! будь еще моимъ и благодѣтелемъ: пришлась по сердцу мнѣ Наталья Матвѣевна — жить не могу безъ дочки твоей! — позволь мнѣ понять ее въ законную супружницу: заставь за себя вѣчно Бога молить!“

— Ну! Натальюшка! какой отвѣтъ дашь на рѣчь Васильеву? —

— „Дорогой батюшка, я дочь послушная, отвѣчала Наталья, какъ прикажешь, такъ и выполню.“

— Охъ, вы дѣвки лукавицы! я задумалъ было тебя выдать за Князя Тапарина Магметовича, да ты и руками и ногами; а теперь женихъ понупру, вотъ и говоритъ: какъ дорогой батюшка прикажешь, такъ и выполню. Нѣчего дѣлать! стало быть, Господу такъ угодно! — мои возлюбленные! не кручинитесь на меня: что ни будетъ, что будетъ, а видно веселымъ пиркомъ да за свадебку. Лукерья, продолжалъ Матвѣй Борисовичъ, доложи Князю Тапарину Магметовичу, Матвѣй де Борисовичъ душою и сердцемъ радъ нарецися тестемъ твоимъ и говоритъ: что де будетъ старости моей утѣшеніе, а роду моему честь великая; да Наталья Матвѣевна и руками и ногами: за тѣмъ, что прежде положено-де у нихъ съ Василіемъ. Попроси его милость, — на меня старика не гнѣваться и

опалы своей не накладывать; а я самъ пойду къ нему попросить, чтo бы пожаловалъ къ намъ на веселье.“

Лукерья взглянула съ угрозою на Катерину и Паука, поклонилась Матвѣю Борисовичу, и съ досады хлопнула дверью, выходя изъ покоя, а Прикащикъ, помолясь, приказалъ готовить пиво и медъ для свадебнаго пиршества.

9.

Слово и дѣло.

Въ домѣ Прикащиковомъ пируютъ гости, празднуя сговоръ Василія съ Наталіею. Звонъ кубковъ, шумъ бесѣды, клики радости — во всѣхъ покояхъ, даже въ главномъ, гдѣ прохлаждаются знатные и гдѣ женихъ съ невѣстою сидятъ за столомъ, уставленнымъ закусками, окруженнымъ свахами, поющими дѣвушками и женщинами.

Сей покой отличается отъ прочихъ изобиліемъ украшеній. Стѣны, обитыя гладкими сосновыми досками, испещрены произведеніями лубочной печати. Погребеніе кота занимаетъ почетное мѣсто; по правую сторону видѣнъ бой Александра Великаго съ Царемъ Индійскимъ, по лѣвую сторону представлено, какъ герой Македонскій — завоеватель суши, съ намѣреніемъ завоевать и море, опустился въ бездны онаго, сидя въ хрустальномъ домѣ, и какъ чудесный огромностію ракъ — погрозивъ клешнею разбить

бренное стекло, заставляетъ удалиться трепещущаго сына Филиппова; сверхъ того изображена подробно въ лицахъ полная сказка о храбрости Еруслана Лазаревича и невообразимой красотѣ Анастасіи Вахрамеевны. Есть также двѣ картины, писанныя масленными красками: одна Фряжская — посвященіе Папы Климента, другая Нѣмецкая — сотвореніе первой жены. Противъ сѣнныхъ дверей въ уголъ вдѣланъ кивотъ, изукрашенный перламутромъ и насѣчкою серебряной. Между иконами замѣчательны: Корсунская изображающая Дѣву Матерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, — двѣ, писанныя Андреемъ Рублевымъ, и одна работы Макаріевой, — Апостолъ и Евангелистъ Матвѣй — подаренная Прикащику самимъ художникомъ - Митрополитомъ. Предъ сими иконами теплются лампады. Потолокъ размалеванъ странными узорами; посреди онаго рѣзной пеликанъ, уже закоптѣлый, держитъ въ клевѣ своемъ цѣпочки отъ увѣшанныхъ разноцвѣтными хрусталями подсвѣчниковъ, въ которыхъ пылаютъ восковыя желтыя свѣчи.

Лавки унизаны гостями. Тѣснота ужасная — душная, но привлекательная пестротою и жизнію. Люди степенные весело разговариваютъ и прилѣжно лакомятся напит-

ками; люди еще болѣе степенные, болѣе молчаливые занимаются только послѣднимъ, охотники до шахматовъ разсуждаютъ, гдѣ ступить конемъ или ферзію; играющіе въ зерна, улыбаются, наполняя мошну свою, или нахмуриваютъ брови, облегчая тяжесть ея. Но большая часть потѣшаются, слушая шутовъ и шутихъ, пріѣхавшихъ съ господами своими, и глядя на скомороховъ, которые почитались необходимыми на пиршествахъ, но которыхъ гнушались, какъ людьми, дерзающими веселить діавола, надѣвая личины, проклинаемыя Церковью. Пѣсельницы звонкими, не совсѣмъ стройными голосами величаютъ пирующихъ: кто за величаніе даетъ много, тому пѣсня похвальная, кто мало — тому издѣвочная. Дошла очередь до Князя Татарина Магметовича.

Величаніе гостя.

То Татарину пѣсенка,
Да что ясному соколу.
Слышишь-ли, Татаринъ господинъ?
Слышишь-ли Магметовичъ?
Тебѣ пѣсню поемъ, тебѣ честь воздаемъ;
Еще мы тебя величаемъ
И по имени называемъ,
По отечеству тебя возносимъ.
Да что сыръ молодой на блюдѣ,
Что зеленое вино съ шафраномъ,

Что пахучій медъ съ кардамономъ,
Въ саду вишенье садовóе,
Въ саду яблоко наливное.
Ты Татаринъ господинъ не скýпися:
Съ золотой гривной разступися.

Досада изображалась на лицѣ угрюмаго Князя Татарина въ продолженіе пѣсни: не смотря на сіе, Катерина, по окончаніи оной подошла къ нему съ блюдцемъ. „Изъ величанья мнѣ шубу не шить," сказалъ съ сердцемъ разгоряченный Крымецъ, „пожалуй, деритe себѣ горло, а я не хочу недѣльно сорить казну свою." Катерина отошла съ пустымъ блюдцемъ, и пѣсельницы запѣли:

Осмѣяніе скупаго гостя.

Мы у Татарина въ гостяхъ не бывали,
И мы меду его не пивали,
А медъ - то его, — что водúца,
А дары - то его, — что тряпица.

Судорожный трепетъ тѣла показалъ всю ярость осмѣяннаго любимца Государева. Въ сію несчастную минуту дружка поднесъ ему кубокъ романеи; Матвѣй Борисовичъ, поклонясь до земли, просилъ выпить женихову чашу; Василій и Наталія, вставъ, также поклонились: Татаринъ взглянулъ на вино, какъ на отраву смертоносную. „Князечикъ

мой, сказалъ Паукъ, романея вѣдь горька; прикажи подсластить; " но гнѣвный схватилъ кубокъ и бросилъ въ голову неосторожному: облитый шутъ вскрикнулъ отъ боли; раздался общій хохотъ; однако же Прикащикъ задрожалъ, помысливъ, что гнѣвъ угодителя Царскаго погубитъ его. Крымецъ, опомнясь, приказалъ снова налить кубокъ, и осушивъ оный, ободрилъ нѣсколько Матвѣя Борисовича; когда же Наталія по наставленію отцовскому просила Князя, чтобъ пожаловалъ былъ веселъ на ея радости, онъ старался казаться покойнымъ; но надежда скорой мести невольно изображалась въ язвительной улыбкѣ; взоры его, устремленные на сѣнную дверь, пылали нетерпѣніемъ ярости: съ такими взорами крокодилъ, таяся въ тростникѣ, сторожитъ свою добычу неосторожную.

Обручъ юродивый еще увеличилъ опасеніе Матвѣя Борисовича; послѣдній поднося ему ковшикъ, наполненный медомъ, сказалъ: выкушай, Ѳома! нынче у меня радость. — Радуются Никола да Софія: тамъ свѣтленько, тамъ Ангелы что голуби вьются; а наша радость не великая: недѣля скокъ-ко-скокъ, ай люшиньки, Понедѣльникъ шиворотъ на выворотъ. Не хочу пить. — Въ

семъ загадачномъ отвѣтѣ юродиваго Матвѣй Борисовичъ почелъ предсказаніе брака неблагополучнаго.

Пасмурность хозяина не прервала веселія гостей. Паукъ уже выжалъ романею изъ волосъ своихъ, уже пересталъ тереть шишку, украсившую лобъ его; онъ зоветъ Лукерью, порядкомъ подгулявшую, плясать съ нимъ. Умѣя слаживать свадьбы, Лукерья умѣла на свадебныхъ пирахъ сама повеселиться и повеселить другихъ. Она соглашается. Пляшутъ. Паукъ восхищаетъ легкою, быстрою присядкой; Лукерья движеніемъ во всѣхъ членахъ: ея составчики такъ и ходятъ, по выраженію зрителей. Но въ самую жаркую минуту, когда она распласалась, Паукъ подставляетъ ей ногу; тучная Лукерья падаетъ, — общій восторгъ; всѣ кричатъ: „ай да Паукъ! ай да потѣшникъ! ай да выдумщикъ!“ Намѣстникъ изъ стоящей передъ нимъ стопы, съ любимымъ виномъ бастромъ, наполняетъ чару счастливому шуту, который въ торжествѣ, запѣвает пѣсню:

Пѣсня Паука.

У нашего господина житье неплохое,
Разумнымъ холопушкамъ дѣло небольшое,

А мнѣ Паукъ,
А мнѣ дуракъ
И еще веселѣе;
До меня господинъ и еще добрѣе.
Ай калинушка! любо дуракамъ жить на свѣтѣ,
Ай малинушка! любо дуракамъ жить на свѣтѣ.
Молодчикъ-то красную дѣвку поцѣлуетъ,
Да красная дѣвка молодчика оплюетъ;
А со мной Паукомъ,
А со мной дуракомъ
Ей охотно смѣяться;
Ради шутки не стыдно со мной цѣловаться.
Ай калинушка! любо дуракамъ жить на свѣтѣ,
Ай малинушка! любо дуракамъ жить на свѣтѣ.
Кто боярину словечушко грубое скажетъ,
Ужь боринъ того батогами накажетъ:
На меня жъ Паука,
На меня жъ дурака
Не захочетъ сердиться,
Не пригоже Боярину со мною возиться.
Ай калинушка! любо дуракамъ жить на свѣтѣ,
Ай малинушка! любо дуракамъ жить на свѣтѣ.

„Что намъ въ сѣняхъ за свара?“ спросилъ Ташаринъ Магметовичъ, стараясь утаить наслажденіе злобы.

Вошедшій холопъ доложилъ Матвѣю Борисовичу, что цыганъ съ бандурою за плечами ломится въ покои, желая потѣшить господъ пляскою и пѣснями.

„Не надо цыгана, сказалъ Прикащикъ, будетъ съ насъ пѣвуновъ и скомороховъ.“

— Гдѣ то видано? закричалъ Татаринъ Магметовичъ, людей веселыхъ отъ пиру гнать! впустить цыгана; пусть потѣшаетъ насъ. —

„Коли твоей милости по нраву то, пусть потѣшаетъ; только бы ты пожаловалъ былъ веселъ.“

Цыганъ вошелъ.

„Чему ты гораздъ?“ спросилъ Татаринъ Магметовичъ.

— Пою, что соловушко на зарѣ утренней; играть, плясать — собаку съѣлъ. —

Цыганъ съ легкостію пробѣжалъ пальцами по струнамъ и, ногами пуская дробь съ искуствомъ удивительнымъ, запѣлъ звонкимъ пріятнымъ голосомъ.

Пѣсня Цыгана.

Цы́ганъ мой кочуетъ,
Цы́ганъ не горюетъ;
Худо ѣстъ, худо пьетъ —
Въ чистомъ полѣ
Онъ на волѣ
Безъ заботушки живетъ.
Цы́ганъ мой кочуетъ,
Цы́ганъ не горюетъ,
Снѣгъ валитъ, дрожъ беретъ; —
Вотъ палата:
Киньте злата —
Цы́ганъ пѣсенку споетъ.

Цы́ганъ мой кочуетъ,
Цы́ганъ не горюетъ.
День не ѣстъ — ночь придетъ;
Клѣть разбита,
Ѣшь до сыта,
Сколько въ горлышко войдетъ!

„Бѣда неминучая, Паукъ!“ сказала съ ужасомъ Катерина: „вѣдь Цыганъ - то оборотень окаянный, что живетъ у Тапарина!“

— По гласу - то оборотень, отвѣчалъ Паукъ, а лицомъ не схожъ: у того голова рыжая, усъ рыжій, да босурманъ и бороду бреетъ. —

„Эхъ, Паукъ, разумъ недогадливый! окаянный обернулся: голова да усъ, что смоль, а борода словно у православнаго. Пресвятая Софья! продолжала мамка, заступи насъ и помилуй! бѣда неминучая! испортишь онъ жениха и невѣсту!“

— Ахти! молвилъ Паукъ, несдобровать Василью Андреевичу! —

„Охъ, охъ! произнесла Катерина, не добровать Наталье Матвѣевнѣ!“

— Ужь на грѣхъ и Обручь Ѳомка нашъ сгибъ да пропалъ: коли бы онъ да не уходилъ, не испортишь бы окаянному. —

„Вишь какъ распелся! охъ не къ добру! не по - людски ломаетъ коренщика: самъ врагъ сидитъ въ немъ!“

Цыганъ, проплясавъ мастерски и заставя признаться пирующихъ, что такіе плясуны рѣдко урождаются, пошелъ собирать дары ихъ съ шапкою въ рукахъ, и вдругъ, увидя Василія, остановился, какъ бы пораженный нечаянностію, бросился къ нему, закричалъ: знаю за молодцомъ слово и дѣло!

Большая часть, почитая поступокъ Цыгана шуткою, не понимали ее; другіе, называя его разбойникомъ, который хочетъ поживиться, совѣтовали прибить и вытолкать его изъ дому; но Князь Шигалеевъ закричалъ, что если кто дерзнетъ обидѣть Цыгана, тотъ будетъ въ опалѣ Государевой: ибо изъ устъ нищаго позволено говорить правду, что за Василіемъ могутъ водиться дѣла непригожія, для открытія которыхъ обвиненнаго слѣдуетъ пытать. Много нашлось злодѣевъ и льстецовъ гнусныхъ, которые изъ нихъ закричали въ голосъ; еще болѣе людей слабодушныхъ, безмолвныхъ, свидѣтелей несправедливости, и, не смотря на робкія просьбы Машѣя Борисовича, не смотря на слезы невѣсты, жестоко обманутый счастіемъ, юношу чистаго совѣстію, но преступнаго въ глазахъ клеврета Іоаннова дерзкимъ совмѣстничествомъ, увлекли въ темницу, съ связанными за спину руками.

10.

Печальная свадьба.

Князь Татаринъ, употребивъ хитрость слишкомъ явную, не усомнился объявить Василію съ откровенностію злодѣя, что отреченіе отъ невѣсты назначаетъ ему цѣною свободы; объявилъ и Матвѣю Борисовичу, что его ожидаетъ участь подобная Василіевой, если не вразумитъ своей дочери. Устрашенный Прикащикъ, въ униженныхъ обѣщаніяхъ и поклонахъ обнаружилъ всю слабость души своей; но, жертвуя счастіемъ Василія и, можетъ быть, Наталіи покровительству тайнаго любимца Іоаннова, чувствовалъ упреки совѣсти и стыдясь самого себя, хотѣлъ казаться невиннымъ въ глазахъ Василія. „Вася возлюбленный, горемыка безталанный, сказалъ онъ, посѣтя заключеннаго, придумай, пригадай, какъ быть въ несгодѣ, что Богъ за грѣхи наслалъ на насъ?“

— Не знаю, чѣмъ прогнѣвалъ я Христа Спасителя, отвѣчалъ юноша. Матвѣй Бо-

рисовичъ! я сирота безпомощный: раскинувъ разумомъ твое дѣло, а мнѣ пристало тебя слушаться. —

„Ужь ли, Вася, тебѣ охота погубить старика и себя?“

— Нѣтъ, Матвѣй Борисовичъ! напрасно такое непригожее слово молвилъ: не хочу погибели твоей — пускай лиходѣй мой женится на Натальѣ Матвѣевнѣ. Знать ужь звѣзда моя злосчастная! —

Ревнивый Крымецъ требовалъ, что бы Василій, до его свадьбы, оставилъ Новгородъ; но куда было ѣхать неимущему другаго пристанища кромѣ дома Прикащикова? Василій вспомнилъ, что за нѣсколько дней до несчастія, его постигшаго, приходилъ къ Матвѣю Борисовичу Любчанинъ богатый, честный гость, который расторговавшись въ Россіи, просилъ проѣзжей грамоты для возвращенія въ отечество. Ганзеецъ, живя долго между Русскими, научился языку нашему и обычаямъ; не рѣдко посѣщалъ хлѣбосола Прикащика, любилъ его за честность и необычайные разсказы; говорилъ красно, мѣшая истинное съ выдуманнымъ, о диковинкахъ, которыя видалъ въ Государствахъ иноземныхъ, и заставлялъ любопытнаго Василія трепетать отъ восхищенія. Въ Василіѣ родилось желаніе по-

глядѣть чужія земли; но, надѣясь быть мужемъ Наталіи, онъ не думалъ удовлетворить оное: потерявъ же надежду, имѣя одно достояніе: свободу, какъ птица поднебесная, рѣшился наняться слугою у Любчанина и всюду за нимъ слѣдовать. Матвѣй Борисовичъ переговорилъ съ отъѣзжающимъ, дѣло было слажено, и Василія стали снаряжать въ дорогу, который вымолилъ у Тапарина позволеніе проститься съ Наталіею.

Крымецъ, недовѣрчивый къ добродѣтели, присутствовалъ при ихъ свиданіи. Наталія прослезилась, увидя Василія худаго, блѣднаго, съ распрепавшимися кудрями. „Ахъ, Василій Андреевичъ! сказала она ему, злодѣй разлучникъ нашъ погубилъ тебя и меня,“ и обе заплакали, какъ малыя дѣти.

Желая показать ему въ послѣдній разъ любовь свою, она вынесла окованный ларецъ, гдѣ хранилась казна ея и драгоцѣнныя украшенія, наслѣдство отъ матери. „Возьми богатство мое, сказала прежнему жениху дочь Прикащика; мнѣ теперь ни что не мило, а тебѣ на чужбинѣ незнакомой оно пригодится.“— Василій было отказался, но Матвѣй Борисовичъ приказалъ взять; говоря, что дочери его ни въ чемъ не будетъ нужды за Тапариномъ Магметовичемъ.

„Воистинну, красная дѣвица! подхватилъ Князь надменный богатствомъ, у меня ты будешь, какъ сыръ въ маслѣ кататься.“

— Что мнѣ въ золотѣ и сéребрѣ? отвѣчала Наталія, по мнѣ хоть солнце не свѣти! —

Скоро по отъѣздѣ Василія, наступилъ день желанный для жениха, ужасный для невѣсты. Въ четвергъ, почитавшійся благопріятнымъ для бракосочетаній, Наталію привезли въ домъ къ Намѣстнику Новогородскому, бывшему у жениха въ отцово мѣсто. Тамъ при звукѣ свадебныхъ пѣсенъ, одѣли ее въ матерпнское подвѣнечное платье, обременили богатыми украшеніями, подаренными Княземъ Татариномъ; предшествуемую плясавицами, дружками, Священникомъ со крестомъ, сопровождаемыя посаженою матерью, свахами и другими женщинами, ввели въ покой, гдѣ были изготовлены два мѣста, устланныя каждое сорокомъ соболей, и рядомъ съ другою дѣвушкою посадили на оныя. Когда женихъ, поднявъ съ мѣста послѣднюю, сѣлъ подлѣ невѣсты, знатная боярыня чесала имъ голову, обмакивая гребень въ меду, осыпала ихъ хмѣлемъ, пенязями и ярою пшеницею; опахивала сорокомъ соболей. По благословеніи Княземъ

Булгаковымъ къ вѣнчанію, отправились въ церковь: впереди несли свадебныя свѣчи, вѣсомъ около пуда, обогнутыя дорогимъ мѣхомъ; потомъ огромные, тяжелые короваи; за короваями несли свѣчи обручальныя, камку для подножія, чару, склянницу съ Фряжскимъ виномъ, скамейку, изголовья; потомъ ѣхалъ женихъ на гордомъ аргамакѣ, съ своимъ поѣздомъ, а наконецъ невѣста въ саняхъ съ своимъ поѣздомъ.

По совершеніи брака Архіепископомъ Пименомъ, отправились въ домъ къ Князю Тапарину Магметовичу. Хотя Лукерья не забыла запереть замокъ подкинутый подъ ноги молодымъ, когда они переступили черезъ порогъ; но видя еще большую горесть Наталіи при вступленіи въ новое жилище, никто не надѣялся на благополучное сожительство, и съ тайнымъ сожалѣніемъ глядѣли на жертву сладострастія Крымца; однако же когда сѣли за столъ, когда увидѣли необычайную роскошь, то позабыли сожалѣніе и даже многіе винили Наталію въ неразуміи. Хозяинъ не жалѣлъ сладкихъ ястьвъ и напитковъ, гости не жалѣли себя, и по обычаю нашихъ предковъ, ѣли и пили пока не пошло уже въ горло.

Когда подали куря (въ сей день единственную для молодыхъ пищу: ибо обыкно-

веніе запрещало вкушать что-либо за столомъ), тогда большой дружка завернулъ куря вмѣстѣ съ калачемъ и солонкою въ скатерть; а Князь Булгаковъ съ молодыми всталъ. Татаринъ Магметовичъ вышелъ за порогъ, и намѣстникъ въ дверяхъ выдавалъ ему Наталію, говоря: „Князь Татаринъ, Божіимъ велѣніемъ приказалъ тебѣ Богъ жениться, понять жену Наталію, и ты, Князь Татаринъ, держи ее потому, какъ Богъ устроилъ;“ потомъ Намѣстникъ наказалъ ему итти съ нею до сѣнника, не распускаясь.

Въ сѣнникѣ большая сваха, наряженная въ двѣ шубы, изъ коихъ верхняя была надѣта на выворотъ, осыпала ихъ осыпаломъ, а дружки кормили куряшемъ. Наконецъ новобрачныхъ раздѣли, уложили на постель, постланную на двадцати семи ржаныхъ снопахъ: и тогда первый знакомецъ Князя Татарина на любимомъ конѣ его ѣздилъ вокругъ подклета съ обнаженною саблею, охраняя безпечность удовольствій покоющихся отъ недоброжелательства злаго духа.

II.

Фрицъ.

Повѣсть.

„Кто-то пріѣхалъ къ намъ въ дорожномъ экипажѣ“ — сказалъ Августъ, выглянувъ въ окно.

— Не Фрицъ ли, маменька? — произнесла Амалія, и голубые глаза ея заблистали радостію.

„Кому же быть другому“ — отвѣчала г-жа Розенбаумъ, веселясь прибытіемъ милаго племянника.

Амалія побѣжала встрѣчать двоюроднаго братца и едва не столкнулась съ нимъ, выбѣгая изъ комнаты. Онъ остановился, устремилъ любопытный взоръ на стоявшую предъ нимъ стройную, прелестную дѣвушку, и не могъ повѣрить, чтобъ это была та рѣзвая, маленькая кузина, съ которою прежде часто игрывалъ.

Онъ и самъ чрезвычайно перемѣнился: Амалія смотрѣла на него какъ на незнакомаго, даже г-жа Розенбаумъ сперва не рѣ-

шилась назвать его Фрицомъ, боясь ошибиться. Но ея недоумѣніе недолго продолжалось. „Тетинька„ сказалъ онъ своей благодѣтельницѣ — „ахъ, нѣтъ! вы имѣете право на имя матери: чувствую вашу родительскую любовь ко мнѣ, родительскія попеченія; но могу ли выразить мою благодарность?“

Здравствуй, Фрицъ! тебя и не узнаешь. Какъ выросъ! молодецъ хоть куда! а ты узнаешь ли, кто это?“ — При сихъ словахъ она съ материнскою гордостію указала на Амалію.

„Я догадываюсь, что это кузина; но какая непонятная перемѣна!„

— Выгодная или нѣтъ? —

„Трудно рѣшить!“

— Какъ? —

„Бывъ дитятей, она плѣняла, какъ Амуръ: теперь плѣняетъ, какъ Венера. “

— Помилуй, Фрицъ! прервала Амалія съ лукавою усмѣшкою; я не думала, чтобъ ты учился въ Университетѣ говорить комплименты.

„Но развѣ тамъ я не читывалъ комедій?“

— Благодарю за откровенность, вѣрно изъ какой нибудь комедіи? Для меня дружба пріятнѣе комплиментовъ.

„Для меня пріятно и то, и другое: признаюсь, чрезвычайно бъ желалъ быть такой хорошенкой дѣвушкой, какъ ты, чтобъ меня почаще хвалили.

— Я вижу, ты съ большимъ успѣхомъ читалъ комедіи.

„Что же ты не рекомендуешь Фрицу жениха своего?“ сказала мать покраснѣвшей невѣстѣ.

Амалія подвела Августа. Онъ дружески пожалъ Фрицову руку, и съ любезнымъ простосердечіемъ изъявилъ желаніе пріобрѣсти любовь его.

„Всякой честный человѣкъ имѣетъ право на мою привязанность,“ отвѣчалъ Фрицъ; я не сомнѣваюсь въ вашей честности: тетинька вручаетъ вамъ судьбу своей дочери. Если откровенность и уваженіе къ добродѣтели могутъ вамъ нравиться, то, надѣюсь, скоро удостоите меня вашей дружбы.

Фрицъ говорилъ не совсѣмъ правду: онъ былъ откровененъ и уважалъ добродѣтель, но не всегда. Характеръ его, завися отъ впечатлѣній внѣшнихъ, измѣнялся вмѣстѣ съ оными и представлялъ смѣсь хорошихъ и

дурныхъ качествъ, весьма обыкновенную въ людяхъ. Фрицъ соединялъ разсудительность опытнаго старца съ дѣтскою мечтательностію, бережливость бѣднаго ремесленника съ роскошію знатнаго вельможи, стремленіе къ мирной уединенной жизни съ жаждою славы и блистанія въ лучшихъ обществахъ.

Воспитываясь по кончинѣ родителей у тетки, любившей его наравнѣ съ единственною дочерью, онъ уже оказывалъ непостоянность своего нрава. Когда начиналъ работать какую-нибудь игрушку, напередъ знали, что, не докончя оной, поспѣшитъ заняться другою; всякой день у него была новая любимая забава: собачка, голуби, и деревянная лошадь по очереди привлекали все его вниманіе. Никто не могъ хвалиться постоянною его привязанностію; правда, благодѣтельница и шалунья кузина пользовались ею болѣе прочихъ, но часто слуга, умѣвшій ему чѣмъ-либо понравиться, похищалъ оную.

Фрицъ, учась въ Д..... Университетѣ, своей перемѣнчивостію удивлялъ товарищей: любя заниматься науками, часто по цѣлой недѣлѣ не принимался за книгу; предпочитая Поэзію, просиживалъ нерѣдко ночи надъ выкладкою Математики; обладая здравою

Философіею, съ жадностію читалъ сочиненія наполненныя правилами не только ложными но и вредными; оказывая тихость и боясь наказанія, участвовалъ въ отчаянныхъ шалостяхъ Студентовъ, умѣвшихъ ему представить оныя въ видѣ удальства молодецкаго; ощущая привязанность къ отечеству, слушалъ съ удовольствіемъ людей почитающихъ сіе благородное чувство пустымъ предразсудкомъ, умѣвшихъ обогащаться отъ должностей, на нихъ возложенныхъ, и готовъ былъ слѣдовать обольстительному примѣру.

Еще въ дѣтствѣ оказывалъ слѣды странности, сдѣлавшейся въ послѣдствіи главною чертою характера его: всегда сравнивая себя съ людьми счастливѣйшими, онъ почиталъ себя несчастнымъ. Ясныя минуты мелькали иногда въ душѣ его, но скоро ипохондрія, впрочемъ слабая, немогшая имѣть опасныхъ слѣдствій, погашала ихъ и была причиною всегдашняго хладнокровія. Онъ радовался, но не зналъ восторга; печалился, но не умѣлъ проливать слезы сильной горести; чувствовалъ честолюбіе, благодарность, дружбу, любовь, — но не былъ въ состояніи принести имъ великой жертвы. Пріятное лице безъ выразительности, обыкновенные глаза безъ жизни, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ отражали сердце его, казавшееся

неспособнымъ къ сильнымъ ощущеніямъ. Но подъ ледяной корою нечувствительности таились пламенныя страсти; обыкновенные предметы не имѣли на нихъ вліянія, но онѣ тѣмъ ужаснѣе начали свирѣпствовать, когда стеченіе обстоятельствъ раздуло ихъ.

Фрицъ окончилъ курсъ въ Университетѣ, въ то время когда помолвили Амалію. До сихъ поръ воображеніе его занималось почти единственно слѣдующею лекціею; теперь же онъ безпрестанно мечталъ о Р....., куда призывала его дружба родныхъ, гдѣ ожидали его — городскія забавы, которыя зналъ еще только по слуху. Помышляя съ какою родственною простотою будутъ съ нимъ обходиться тетка и кузина, онъ воображалъ себе сотвореннымъ, чтобъ нравиться въ кругу домашнемъ. Помышляя о собраніяхъ и балахъ, его ожидавшихъ, воображалъ, что назначенъ природою блистать въ модномъ свѣтѣ. Затверживалъ изъ забавныхъ театральныхъ піэсъ каламбуры, острыя слова и комплименты, изъ романовъ занимательныя приключенія, и думалъ симъ средствомъ прослыть любезнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ г-жа Розенбаумъ, Амалія и Августъ, котораго онъ также считалъ на равнѣ съ родными, скоро полюбили его за веселую непринужденность въ обхож-

деніи съ ними, общества скоро стали чувствовать въ немъ необходимость.

Чтобъ дать большее понятіе о родѣ жизни Фрица по пріѣздѣ его въ Р....., вотъ письмо писанное имъ къ прежнему товарищу, котораго любилъ болѣе прочихъ.

„Милый Штейнбергъ!

Я на родинѣ, я съ родными своими, я въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій! Наконецъ узнаю наслажденіе: тихость домашней жизни соединилась съ шумомъ свѣта для моего блаженства. Тетка меня любитъ съ материнскою горячностію, кузина со мною обходится просто и ласково. Ты не можешь представить, какъ она похорошѣла въ продолженіе моего отсутствія. Вмѣсто дѣвочки толстенькой съ пухлыми щечками, я увидѣлъ Нимфу стройную какъ пальму, прекрасную какъ роза и наконецъ имѣющую волоса точь въ точь Ревельскій ленъ, который славится нѣжностію цвѣта и мягкостію: а ты знаешь мою страсть къ блондинкамъ. Вообрази жъ, если можешь, какъ я упиваюсь счастіемъ. Боюсь возбудить въ тебѣ зависть. Сія-то очаровательная красавица голосомъ, пріятнѣйшимъ Платоновой гармоніи міровъ, называетъ милымъ твоего Фрица; она-то губками, превосходящими свѣжестію весенній воздухъ, цѣлуетъ твое-

го Фрица; она - то ручкою столь же бѣлою и правильною какъ Венеры Праксителевой, обнимаетъ твоего Фрица. Читая похвалы мои кузинѣ, ты вѣроятно подумаешь что я влюбленъ: ошибешься. Я люблю ее, но какъ братъ, и не хочу своими професями украшать лобъ Августа; онъ добрый человѣкъ и веселый малый и обходится со мною по дружески. Я покраснѣлъ бы отъ одной оскорбительной для него мысли. Теперь оставимъ домашнее поприще и перейдемъ къ другому пространнѣйшему и болѣе разнообразному. Я уже сдѣлалъ обширное знакомство и успѣлъ побывать на нѣсколькихъ балахъ. Какое здѣсь множество прелестныхъ поклонницъ Терпсихоры! однако жъ признаюсь съ гордостію, нѣтъ ни одной занимательнѣе кузины. Что бы находить удовольствіе въ большомъ знакомствѣ, я полагалъ необходимымъ стараться всѣмъ нравиться. Могу похвастаться, — по крайней мѣрѣ если не ошибаюсь — выполненіемъ своего плана: всѣ полюбили меня. Ты не понимаешь, какъ въ такое короткое время это могло случиться. Такъ и быть — дивись моей щедрости — разрѣшу недоумѣніе твое, и со всѣми схоластическими раздѣленіями и подраздѣленіями изложу правила, которыми руководствовался.

Правила обхожденія съ женщинами.

Женщины раздѣляются во-первыхъ на замужнихъ, собственно женщинъ и на старухъ.

1) Замужнія. Онѣ подраздѣляются на молодыхъ и зрѣлыхъ.

Въразсужденіи молодыхъ должно: хорошенькимъ говорить правду, безобразнымъ ложь, т. е. въ обоихъ случаяхъ превозносить ихъ прелести.

Вразсужденіи зрѣлыхъ примѣчается слѣдующее: такъ какъ онѣ, считая себя еще невѣстами, желаютъ, чтобъ и другіе думали о нихъ также, — то когда приличіе позволитъ изъявить свое мнѣніе о лѣтахъ ихъ, убавлять отъ оныхъ по десятку и болѣе, смотря по обстоятельствамъ.

2) Собственно женщины замужнія. Онѣ подраздѣляются на бездѣтныхъ и матерей.

Бездѣтныя, не имѣя материнскихъ обязанностей, посвящаютъ время свое кокетству или хозяйству. Кокеткамъ хвалить ихъ любезность и не забывать быть любезнымъ; хозяйкамъ хвалить ихъ свиней, коровъ, гусей и проч. и не забывать также быть любезнымъ.

Матери по большой части любятъ дѣтей своихъ, а потому называть ихъ дѣтей

прелестными и не забывать удивляться ихъ совершенному сходству съ маперью.

3) Старухи. Многія изъ нихъ любятъ заниматься злыми вѣстями и вялыми разсказами городскихъ новостей и сверхъестественныхъ приключеній: слушать ихъ со вниманіемъ и готовностію во всемъ вѣрить.

Правила обхожденія съ мущинами.

Мущины раздѣляются во 1-хъ на почитателей прекраснаго пола, во 2-хъ на людей степенныхъ и въ 3-хъ на стариковъ.

1) Почитатели прекраснаго пола. Главная страсть ихъ обворожать женщинъ, а потому — восхищаться ихъ ловкостію и называть селадонами, опасными для красоты.

2) Люди степенные. Они подраздѣляются на обязанныхъ и необязанныхъ должностями.

Обязанные должностями, или отправляютъ оныя изъ честолюбія и въ такомъ случаѣ безпрестанно твердятъ о своихъ заслугахъ, или изъ корыстолюбія, и въ такомъ случаѣ безпрестанно твердятъ о своемъ безкорыстіи: первымъ говорить, что они не довольно награждены; послѣднимъ пока-

зывать слѣпую увѣренность въ ихъ добродѣтели.

Необязанные должностями составляютъ разнообразнѣйшій классъ по различію своихъ должностей, а потому тщательно замѣчать сію склонность и съ оными соображать свои поступки: удивляться политическимъ знаніямъ страстнаго къ политическимъ новостямъ, превозносить основательность сужденій безпрестанно твердящаго о разсудкѣ, благоговѣть предъ ученостію педанта, умирать со смѣху отъ разсказовъ остряка, хвалить стихи поэта, а, если достанетъ силы, слушать оные съ терпѣніемъ и проч.

3) Старики. Они, подобно старухамъ, всѣ на одинъ образецъ: любятъ разсказывать незанимательные анекдоты своей жизни, хвастаются опытностію, ставятъ оную выше ума и познаній, охотно подаютъ совѣты, которыхъ иногда никто не проситъ; а потому должно съ подобострастіемъ внимать ихъ наставленіямъ; впрочемъ не всегда требуется намѣренія слѣдовать оным.

И такъ премудрость предъ тобою отверста; только стоитъ умѣть, подобно мнѣ, воспользоваться ею.

Фрицъ.

Внезапный переходъ Фрица отъ упражненія въ наукахъ къ столь коротькому обхожденію съ прелестною родственницею, долженъ былъ сильно на него подѣйствовать. Но пламя страсти его не вспыхнуло тотчасъ со всею люстостію, а усиливалось мало по малу. Въ слѣдующихъ письмахъ увидимъ начало сего пожара.

„Милый Штейнбергъ!

Я все живу по прежнему, кромѣ, что иногда охотнѣе сижу дома: отъ того, что ни съ кѣмъ не провожу пріятнѣе времени, какъ съ кузиною. Ты улыбаешься? напрасно: это дружба, а не любовь. „Но отъ такой дружбы весьма не далеко до любви, скажешь ты. — Согласенъ — и потому-то въ первый разъ въ жизни наблюдаю свои чувствованія: когда увижу, что твое пророчество сбывается, возьму всѣ предосторожности: не хочу нарушать счастія добраго Августа, который чувствуетъ къ Амаліи большую привязанность и пользуется взаимностію. Я могъ замѣтить сіе по теперешней ихъ грусти. Надобно тебѣ сказать, что свадьбу хотѣли сыграть послѣ завтра, но сего дня ее отложили еще на нѣкоторое время. Вотъ причина: у Августа есть по имѣнію дѣло, которое уже должно было кончиться; но,

какъ обыкновенно случается, все еще не кончилось. Хотя нѣтъ никакого сомнѣнія въ счастливомъ рѣшеніи, однако тетка хочетъ быть совершенно увѣрена въ благосостояніи своей дочери, и ея материнская мнительность весьма естественна. Нетерпѣливый женихъ отправляется въ П....., что бы ускорить ходъ своего дѣла.

Не думай, что бы я ни чѣмъ не занимался кромѣ забавъ: я, подобно древнимъ мудрецамъ, дѣлаю наблюденія, разсуждаю и такимъ образомъ учусь. Недавно я на опытѣ увѣрился въ истинѣ извѣстнаго правила, что мы познаемъ болѣе цѣну удовольствія, когда его теряемъ. Прежде въ Августѣ и Амаліи я замѣтилъ обыкновенную взаимную склонность; но какъ скоро они узнали, что имъ должно на нѣсколько недѣль разстаться, то сдѣлались любовниками почти столь же страстными, какъ описываются въ романахъ. Право, я досадую на нее: дружба во всѣ времена славилась преимуществомъ надъ скоро - проходящею страстію.

Въ заключеніе увѣдомляю, что тетка предъ отъѣздомъ нашего влюбленнаго, намѣрена дать прощальный балъ; а я намѣренъ хорошенько на немъ повеселиться.

Другое письмо Фрица къ тому же.

„Милый Штейнбергъ!

Восторгъ не можетъ вмѣститься въ сердцѣ моемъ, чувствую нужду излить его въ сердце друга.

Вчера были у насъ гости. Я долго не могъ заснуть: вдругъ слышу дымъ, вхожу вспальню и страхъ овладѣлъ мною: тамъ былъ пожаръ. Бросаюсь спасти сонную Амалію. Увидѣвъ ее спящею, я задрожалъ и сдѣлался неподвижнымъ. Но ты не въ силахъ вообразить моего изступленія: ты не видалъ женщины въ такомъ положеніи; — что сказалъ я? надобно было видѣть Амалію, чтобы представить мои чувства. Посторонніе предметы на нихъ не дѣйствовали; я видѣлъ, я чувствовалъ только Амалію! но загорѣвшееся одѣяло вывело меня изъ безпамятства: я схватилъ ее въ объятія, отнесъ отъ пламени.

Пробужденная Амалія увидѣла пламя, увидѣла меня, свое положеніе — и ничего не понимала, все казалось ей сновидѣніемъ. Но вдругъ въ изступленіи она вскрикнула. Я началъ также призывать на помощь. Амалія вырвалась изъ моихъ рукъ, бросилась къ матери, вскочившей на мой крикъ. Домашніе собрались, и все пришло въ движе-

ніе: одинъ я оставался по видимому спокоенъ, но въ душѣ клубились различныя мысли: — я не могу дать отчета себѣ, что во мнѣ происходило. Смѣшеніе мыслей препятствовало мнѣ размышлять объ окружающемъ меня: я смотрѣлъ на пламя — и казалось, любовался его яростію; отвѣчалъ на дѣлаемые вопросы; но по какому - то побужденію, не думая, что отвѣчаю; и потому же побужденію пошелъ въ свою комнату, когда услышалъ, что пожаръ потушенъ. Вокругъ меня была тишина; мысли пришли въ порядокъ, въ душѣ блисталъ восторгъ съ прежнею силою. Я, скорыми шагами ходилъ взадъ и впередъ: произносилъ невнятныя слова, произносилъ имя Амаліи, садился; задумывался; но мысли, скользя одна за другою, не производили впечатлѣнія; восхищеніе вспыхивало на лицѣ и я снова вскакивалъ. Такъ пробылъ пока тетка позвала пить кофе. Прихожу, она начала говорить, что безъ меня, можетъ быть, весь домъ сгорѣлъ бы, что Амалія должна почитать меня своимъ спасителемъ. Амалія краснѣла; взоръ не отрывался отъ земли, рука дрожала, подавая мнѣ налитую чашку. И моя рука дрожала, принимая; мой взоръ боялся встрѣтиться съ ея взоромъ; я чувствовалъ жаръ въ лицѣ своемъ. Августъ готовый со-

вершенно къ отъѣзду, пришелъ прощаться; когда онъ просилъ меня дружбою утѣшать Амалію въ его отсутствіи, я покраснѣлъ еще болѣе. Онъ уѣхалъ: Амалія на меня сердится; но виноватъ - ли я. Она не хотѣла говорить со мною; я также нерѣшился начать разговора; не постигаю отъ чего, ея присутствіе для меня было тягостно, и я возвратился въ свою комнату. Опять восторгъ въ душѣ: опять хожу скорыми шагами взадъ и впередъ; произношу имя Амаліи; сажусь; задумываюсь; но мелькающія мысли не производятъ впечатлѣнія, лицо вспыхнетъ и я вскакиваю. Голова кружится отъ сильнаго волненія; въ груди чувствую тягость: чтобы успокоить себя сердечнымъ изліяніемъ, пишу къ тебѣ и съ нетерпѣніемъ отправляю письмо свое.

Фрицъ.“

Скоро уменьшился восторгъ Фрица. Слова Августа: „я надѣюсь, что дружба твоя утѣшитъ Амалію въ моемъ отсутствіи; — сперва произвели весьма слабое впечатлѣніе, которое исчезло вмѣстѣ съ ними; но когда мысли Фрица начали приходить во порядокъ, то безпрестанно представлялись ему. Онъ вспомнилъ съ какою довѣренностію говорилъ Августъ: — и увидѣлъ, что если хочется остаться благодарнымъ человѣкомъ,

то не долженъ пишашь къ Амаліи, а потому рѣшился быть съ нею какъ можно рѣже и въ шумѣ свѣта искать по крайней мѣрѣ разсѣянія, уже не находя въ немъ удовольствія.

Амалія на Фрица не долго сердилась. Она была обыкновенная дѣвушка: была хороша и знала это весьма твердо. Фрицъ стыдился самаго себя и не смѣлъ говорить съ нею. Притомъ же мать могла замѣтить ихъ странное обхожденіе: Амалія рѣшилась помириться, и они стали обращаться по прежнему, кромѣ того, что въ поступкахъ своихъ оказывали нѣкоторое принужденіе и болѣе уже остерегались другъ друга.

Однажды Амалія отъ скуки переверты-вала листы своего альбома. „Послушай, Фрицъ,“ сказала она, „вотъ хорошенькіе стишки, вѣрно тебѣ понравятся:“

Изображеніе дружбы.

Возмите у любви колчанъ съ стрѣлами
И лукъ съ опасной тетивой;
Обрѣжьте крылья за плечами
Да полъ-повязки золотой:
И дружба — передъ вами.

„Не правда ли, портретъ самой вѣрной?“ — Острая выдумка, отвѣчалъ Фрицъ;

но, бѣдная любовь! тебя безжалостно изуродовали, чтобъ превратить въ дружбу. —

„Какъ изуродовали?“

— Отнять у нея колчанъ, лукъ, крылья, повязку, не значитъ-ли отнять лучшія украшенія.

„Если украшеній много, то они противны, любовь безъ нихъ сдѣлалась несравненно милѣе и явилась дружбою.“

— Такъ ты дружбу предпочитаешь любви?

„Разумѣется; что можетъ быть привлекательнѣе дружбы.“ Амалія, какъ всѣ дѣвушки, на словахъ предпочитала дружбу, а въ сердцѣ, можетъ быть, любовь.

— А я нахожу любовь привлекательнѣе, восхитительнѣе. —

„Ты говоришь о любви, какъ будто знаешь ее.“

— Конечно, знаю.

„Маленькое хвастовство.“

— Напротивъ, истина. Я еще ничего не написалъ въ твоемъ альбомѣ; чтобъ убѣдить тебя въ сей истинѣ, изображу любовь. —

„Къ какой тебѣ стати въ моемъ альбомѣ говорить о любви: совѣтую лучше прославить Амура въ томной аріи.“

— Согласенъ, но съ условіемъ, чтобъ ты пропѣла ее. Для поэта, что очаровательнѣе, какъ слышать свое твореніе, одушевленное звуками волшебнаго голоса!

„Я готова своимъ волшебнымъ голосомъ очаровывать Поэта.“

Фрицъ принялся описывать любовь, воспламенился и восторгъ свой излилъ на бумагу. Амалія прочитала арію, и стихи коснулись ея сердца. Сочинитель требовалъ исполненія условія: она сѣла за фортепіано и запѣла:

Арія.

О, блаженный рокъ! я любимъ прекрасной!
Нѣжной звукъ рѣчей пью душею страстной,
Пурпуръ на щекахъ и груди волненье,
Трепетъ жаркихъ устъ и очей томленье —
Вижу въ прекрасной!
Вижу, я любимъ! и душа мятется.
Въ жилахъ кровь кипитъ! огонь льется!
Пламенный восторгъ изразить желаю, —
Словъ не нахожу; гдѣ языкъ — не знаю!
Голосъ мятется!
Дѣва! я люблю, я тобой дышу!

Фрицъ, сочиняя, уже пылалъ; а голосъ Амаліи былъ такъ нѣженъ, такъ страстенъ. Амалія всегда чувствовала, что пѣла; а въ стихахъ Фрица былъ такой жаръ, что ру-

ка ея нечаянно пожала Фрицову. Амалія пѣла для Фрица, онъ хотѣлъ поблагодарить за то — и поцѣловалъ кузину. Фрицъ сочинялъ для Амаліи — она въ свою очередь не желала остаться неблагодарною. Фрицъ! что съ тобою сдѣлалось? ты опять въ изступленіи. Гдѣ прежняя осторожность? гдѣ усиліе испребить начало страсти? все напрасно: одинъ поцѣлуй ихъ уничтожилъ, Фрицъ прижалъ Амалію къ своему сердцу, сердце билось, и она почувствовала его біеніе. Амалія прижала Фрица къ груди своей, грудь волновалась и сіе волненіе коснулось груди его. Я люблю тебя, произносилъ онъ съ восторгомъ; я люблю тебя, шептала Амалія. Фрицъ чувствовалъ, что только съ нею можетъ вкушать полное блаженство. „Я не въ силахъ противиться своему сердцу, сказалъ онъ: ты должна быть моею женою.“

Сіи слова заставили Амалію опомниться: она увидѣла, что позволила себѣ слишкомъ много, и конечно бы ея смущеніе изобразилось на лицѣ яркою краскою, ежели бы румянецъ щекъ ея, уже горѣвшихъ отъ страстнаго ощущенія, могъ быть сильнѣе. Она ничего не отвѣчала, не знала, на что рѣшиться и думала какъ поправить ошибку. Когда Фрицъ повторилъ слова свои, при-

творилась, что ихъ не слышитъ, и нѣсколько погодя — о! женщины! что для васъ не возможно — она сказала съ улыбкою: какъ я съ тобою засидѣлась, чуть не забыла, что у меня дѣло.“ Сказала и съ поспѣшностью вышла изъ комнаты.

Можно вообразить удивленіе Фрица: онъ сидѣлъ въ прежнемъ положеніи, смотрѣлъ пристально на дверь, въ которую ушла Амалія и, казалось, ожидалъ ея возвращенія. Амалія, думалъ онъ, можетъ быть, хотѣла надо мною посмѣяться, съ этимъ намѣреніемъ притворилась, что отвѣчаетъ моей любви, и послѣ хладнокровно меня оставила. Сія мысль, огорчая самолюбіе его, производила стыдъ и досаду на Амалію. „Но, можетъ быть, есть другая причина ея уходу; она любитъ меня: не могу въ этомъ сомнѣваться; и конечно для того меня оставила, что увидѣла предосудительность своего поступка; можетъ быть, послѣдними обыкновенными словами и притворнымъ равнодушіемъ, съ которымъ ихъ произнесла, она хотѣла заставить меня думать, что я получилъ отъ нея только всегдашніе знаки ея дружбы.“

Послѣднее было справедливо; что же касается до перваго, то Амалія не чувствовала страсти къ Фрицу; но была увле-

чена минутнымъ воспламененіемъ воображенія. Она даже мыслила, что сія страсть совсѣмъ не существуетъ. И выходила замужъ за Августа, по обыкновенному разсчету дѣвушекъ. Августъ имѣлъ порядочный чинъ, былъ богатъ, недуренъ собою, и кроткаго характера: что же еще надобно, чтобъ быть хорошимъ мужемъ? Амалія, видя сіи достоинства жениха своего, питала къ нему привязанность и надѣялась быть съ нимъ счастливою.

Амалія, поступокъ Фрица, подобно своему, приписывала разгоряченному воображенію, и думала, что на другой день Фрицъ уже былъ въ прежнемъ состояніи; а потому продолжала свой дружеской образъ обхожденія съ нимъ, однакожъ; опасаясь подобныхъ случаевъ, остерегалась быть съ нимъ наединѣ. Хотяона въ обхожденіи съ Фрицомъ старалась показывать ему непринужденность, но ежели у него вырывалось какое нибудь слово, которое казалось ей относящимся къ ихъ маленькому приключенію, то воображала, что онъ съ намѣреніемъ намѣкалъ ей, и приходила въ нѣкоторое смущеніе

Фрицъ полагалъ ея поведенію другую причину: онъ думалъ, что Амалія любитъ его, но что она видитъ невозможность

слѣдовать своей склонности и старается истребить ее. Амалія уже была сговорена съ Августомъ и бракъ ихъ долженъ былъ скоро свершиться: могла ли она обмануть человѣка, котораго уважала? Чтобы подумали о ней, если бы она рѣшилась вдругъ перемѣнить жениха? Наконецъ мать ея захотѣла ли бы согласиться на то?

Фрицъ, по непостоянству характера своего, можетъ быть, скоро бы излечился отъ своей страсти, ежели бы имѣлъ разсѣяніе; но, къ несчастію его, бывъ склоненъ къ меланхоліи, онъ не находилъ уже удовольствія въ обществахъ: тѣмъ болѣе, что нашелъ занятіе, которое лучше согласовалось съ теперешнимъ его положеніемъ: онъ предался любимой своей склонности и посвящалъ время Поэзіи. Когда, читая, находилъ что-либо сходное съ его обстоятельствами, то съ жадностью пробѣгалъ страницы и чувствовалъ какое-то сладостное уныніе, питавшее любовь его.

Такимъ образомъ онъ любилъ Амалію часъ отъ часу болѣе. Когда Августъ представлялся его воображенію, то иногда онъ почиталъ себя несчастнымъ, жертвующимъ другу и даже любезной своимъ благополучіемъ: ибо полагалъ, что Амалія можетъ болѣе наслаждаться жизнію съ Августомъ, —

и сія мысль проливала утѣшеніе въ душу его; иногда же мечталъ, что есть еще надежда владѣть Амаліею, не измѣняя Августу: что Августъ можетъ въ П.....ѣ влюбиться и добровольно отказаться отъ невѣсты своей, или что можетъ умереть, до свадьбы, — сія надежда казалась ему довольно основательною, и въ душѣ его сверкали слабыя искры глупой радости. —

Однажды Амалія вбѣжала къ нему въ комнату съ веселымъ видомъ. „Фрицъ, вскричала она, я скажу тебѣ пріятную новость. Вотъ письмо отъ Августа; онъ пишетъ, что почти окончилъ дѣло свое и надѣется очень скоро быть къ намъ. Приготовляйся танцовать до упаду на моей свадьбѣ.“

Можно представить, что сіи слова произвели въ душѣ Фрица. Онъ былъ увѣренъ, что любимъ Амаліею: теперь же она увѣдомляетъ его съ радостію, что скоро пріѣдетъ Августъ; самолюбіе заставило его скрыть истинныя чувства, однако же досада и уныніе проглядывали на лицѣ его сквозь принужденную улыбку. —

Прежде Амалія не думала, чтобы Фрицъ былъ въ нее влюбленъ; но теперь видъ его и тщеславіе, свойственное хорошенькой дѣвушкѣ, увѣряли ее въ томъ, и она желала

насладиться торжествомъ своимъ. „Ты вѣрно съ нетерпѣніемъ ожидаешь моей свадьбы,“ спросила она.

— Да! — произнесъ отрывисто Фрицъ.

„Я знаю напередъ, что ты хорошо повеселишься.“

Фрицъ молчалъ. Амалія описывала удовольствіе свадьбы и, увидѣвъ, что несчастный напрягаетъ всѣ свои силы — казаться равнодушнымъ, рѣшилась отмстить ему за то, и старалась показывать, что ожидаетъ Августа съ неизъяснимымъ восхищеніемъ.

Во все время, пока Амалія говорила, Фрицъ мучился досадою. Оставшись одинъ, предался горести. Долго сидѣлъ въ задумчивости; наконецъ, какъ будто опомнившись, вскочилъ. „Какая глупость! сказалъ онъ самому себѣ: Августъ непремѣнно женится на Амаліи и Амалія не любитъ меня: не уже ли я такъ влюбленъ, что не могу забыть ее.“ Это была благодѣтельная мысль, но исполненіе ея было трудно, болѣе нежели онъ предполагалъ. Фрицъ снова рѣшился быть дома какъ можно менѣе, всюду искать разсѣянія и не думать объ Амаліи. Средства были дѣйствительны, но къ несчастію, остались невыполненными.

Амалія вышла отъ Фрица весьма довольна собою. Ей часто случалось слышать отъ

молодыхъ мущинъ комплименты, даже замѣчать искренность ихъ комплиментовъ; но удовольствіе видѣть влюбленнаго не на шутку, она имѣла въ первый разъ. „Бѣдный Фрицъ! какъ онъ въ меня влюбленъ!“ думала она, смотрясь въ зеркало и улыбаясь съ довольнымъ видомъ.“

Какъ Фрицъ ни старался въ продолженіе дня скрывать предъ Амаліею своей горести, ей нельзя было не замѣтить ее. Сія горесть льстила ея самолюбію, но также производила въ ней нѣкоторое состраданіе къ влюбленному. „Однако же я поступила съ нимъ безчеловѣчно, разсуждала она: онъ заслуживаетъ, чтобы я обходилась съ нимъ поласковѣе. Надобно развеселить его.“

Ввечеру Амалія, наряженная съ большимъ вкусомъ и болѣе, нежели когда-либо, къ лицу, вошла въ его комнату. „Милый Фрицъ! сказала она: ты что-то цѣлый день печаленъ. Не боленъ ли ужь ты?“ продолжала она, положа руки къ нему на плеча и глядя ему въ глаза.

— Я здоровъ, отвѣчалъ Фрицъ, смотря на нее какъ будто съ досадою, что она такъ мила.

„Но о чемъ же скучаешь?“

— Ни о чемъ.

„Я пришла къ тебѣ съ просьбою: маменька ѣдетъ со мною на балъ къ Баронессѣ, такъ поѣдемъ пожалуй-ста съ нами.“

Ласковость Амаліи сдѣлала надъ Фрицомъ странное впечатлѣніе: она производила въ немъ пріятное ощущеніе, но также и непріятное; ибо онъ зналъ, что ласковость не любовь. Онъ согласился послушаться Амаліи не для того, что бы доставить ей удовольствіе, но что бы начать выполненіе намѣренія своего искать какого нибудь развлеченія.

Къ несчастію, на балѣ не было ни одной дѣвушки, которая могла бы обратить на себя вниманіе Фрица, а потому онъ сидѣлъ задумавшись въ углу. Но Амалія скоро сіе замѣтила и рѣшилась непремѣнно развеселить его.

„Отъ чего ты не танцуешь?“ спросила она.

Я не расположенъ. —

„Помилуй! что съ тобою сдѣлалось? ты сталъ преугрюмый меланхоликъ. Это ни на что не похоже и ты непремѣнно долженъ танцовать.“

— Я хочу сидѣть. —

„А я хочу поставить на своемъ. Господинъ Фрицъ, сдѣлайте одолженіе ангажируйте меня на слѣдующій танецъ.“

„У госпожи Амаліи и безъ меня много кавалеровъ — отвѣчалъ онъ, показывая, что шутитъ, а между тѣмъ почти съ сердцемъ.

„Да г-жа Амалія не желаетъ ни съ кѣмъ танцовать, кромѣ васъ.“

— И такъ г-жа Амалія просидитъ цѣлый вечеръ. —

„Когда изъ тебя ничего не сдѣлаешь вѣжливостью, я найду другое средство“ Она подозвала нѣсколькихъ дѣвицъ. „Удивляйтесь услужливости моего братца, сказала имъ: вотъ уже цѣлый часъ упрашиваю его протанцовать со мною; ни какъ не удостоиваетъ меня такой милости: попробуйте, можетъ быть, вы убѣдите его.“

Дѣвушки начали ему доказывать наперерывъ, что онъ долженъ выполнить желаніе Амаліи. Францъ не былъ въ хорошемъ расположеніи, а потому шутки сіи ему не очень нравились. Чтобы онъ ихъ скорѣе избавиться, онъ рѣшился танцовать съ Амаліею.

Окончивъ танецъ, онъ опять усѣлся и намѣревался провести весь балъ такимъ образомъ; но она почти не отходила отъ него и безпрестанно уговаривала его танцовать съ нею, такъ, что въ большой части танцевъ была его дамою.

Въ продолженіе бала у Фрица въ головѣ былъ такой же безпорядокъ какъ и въ залѣ. Онъ желалъ то забыть Амалію, то быть ея мужемъ. Пріѣхавъ домой, онъ началъ разсуждать о поведеніи ея, и сперва не зналъ къ чему отнести необыкновенную ласковость; но послѣ полагалъ, что Амалія увидѣвъ горесть его и догадываясь, что она происходитъ отъ любви къ ней, почувствовала сама къ нему склонность. Человѣкъ умѣетъ находить причины надѣяться, что желаемое сбудется. Такимъ образомъ у Фрица родилась мысль, что ежели онъ будетъ показывать Амаліи печаль, то она почувствуетъ взаимную любовь и рѣшится принадлежать ему, не смотря на всѣ препятствія. Онъ тогда уже не заботился объ Августѣ, а только какъ бы заставить Амалію любить себя.

Ему не трудно было показаться печальнымъ: онъ отъ природы былъ склоненъ къ меланхоліи, а обстоятельства, въ которыхъ находился теперь, еще болѣе усиливали ее. Амалія видѣла грусть его съ тайнымъ удовольствіемъ, но, почитая себя причиною оной, думала, что обязана истребить ее. „Если я буду показывать ему, разсуждала она, что отвѣчаю любви его, то онъ конечно будетъ доволенъ своею

судьбою, но обманывать его — не значитъ ли заводить: притомъ же когда я выду за Августа, тогда ему будетъ еще чувствительнѣе увидѣть заблужденіе свое. Если жъ я буду обходиться съ нимъ холодно, это будетъ ему обидно. Лучшее средство обходиться съ нимъ ласково, но всегда напоминать, что я люблю Августа, чтобы онъ не надѣялся быть моимъ мужемъ.“ Амалія, разсуждая такимъ образомъ, была весьма довольна своею выдумкою и думала, что проникнула тайну управлять страстями. Она не знала сердца человѣческаго: впрочемъ кто жъ его знаетъ? Послѣдствіе показало, что она весьма ошиблась въ своихъ заключеніяхъ. Ласка ея подавала Фрицу надежду, что онъ любимъ; когда же она старалась дать знать, что любитъ Августа, онъ думалъ, что Амалія, зная почти невозможность принадлежать ему, не хочетъ возбуждать въ немъ напрасной страсти. —

Г-жа Розенбаумъ, замѣтя его печаль, спросила у него о причинѣ оной и оказала большое участіе. У Фрица, къ несчастію, родилась мысль, что тетка, видя его горесть, изъ жалости согласится наконецъ на бракъ его съ Амаліею. Онъ началъ казаться еще печальнѣе, никогда не улыбался и почти не выходилъ изъ своей комнаты;

не имѣя никакого разсѣянія, онъ либо думалъ объ Амаліи, либо читалъ то, гдѣ находилъ себя, либо въ стихахъ выражалъ свои чувствованія. —

Амалія, видя, что ей ничего не стоитъ свести Фрица съ ума, была довольна уже своимъ торжествомъ, и, любя его какъ друга, рѣшилась истребить въ немъ страсть — причину его несчастія. Примѣчая же, что выдуманное ею средство недѣйствительно, прибѣгнула къ другому: она стала видѣться съ Фрицомъ какъ можно менѣе. Но онъ и этому нашелъ другую причину. „Амалія любитъ меня, думалъ онъ, и не рѣшается пожертвовать нѣкоторыми благами жизни, которыя можетъ ей доставить Августъ. Если бы она захотѣла, то могла бы за меня выйти. Почему ей не сказать рѣшительно, что не можетъ принадлежать ему. Ежели бы мать ея и не захотѣла выдать ее за меня теперь, то конечно бы не отказала въ томъ, когда я буду произведенъ въ офицеры.“ Онъ видѣлъ, что Амалія любитъ его, но не такъ, какъ бы ему хотѣлось, и чувствовалъ досаду на нее и судьбу свою.

И другая надежда его не исполнялась: г-жа Розенбаумъ приписывала его задумчивость тому, что онъ все сидѣлъ одинъ за

книгами и, вмѣсто того чтобы съ участіемъ спрашивать его о причинѣ горести, она совѣтовала ему быть менѣе одному, быть чаще въ гостяхъ и говорила, что если онъ не остережется, то можетъ сойти съ ума. Сіи совѣты были несносны для Фрица и совсѣмъ не уменьшали его грусти, но напротивъ, увеличивали.

Ежели сначала онъ казался болѣе печальнымъ, нежели былъ въ самомъ дѣлѣ, то теперь уже не имѣлъ надобности въ притворствѣ. Онъ любилъ страстно Амалію и не видалъ исполненія желаній своихъ.

Безпрестанное напряженіе мыслей производило у него ломъ въ головѣ и лишало его спасительнаго сна. Часто ночью онъ оставлялъ постель и бродилъ по саду, чувствуя надобность освѣжиться. Члены его разслабли, лице покрылось блѣдностію; иногда воображеніе обольщало несчастнаго надеждою и слабый блескъ радости являлся въ чертахъ его; но уныніе, въ нихъ изображавшееся, казалось при семъ блескѣ еще печальнѣе. Такъ при блѣдномъ свѣтѣ луны, мракъ могилъ дѣлается ужаснѣе.

Однажды Амалія пріѣхала съ бала съ своею матерью чрезвычайно поздно. Онѣ, чувствуя духоту въ комнатѣ, отворили окно въ садъ: ночь была прекрасная, луна

сіяла во всемъ блескѣ, и онѣ любовались ея кроткими лучами. Чрезъ нѣсколько времени слышатъ трогательный голосъ Фрица: —

Баллада луны.

Какъ сердцу сладко! все молчитъ!
Привѣтнымъ, радостнымъ лучемъ
Сребристая луна блеститъ
На небо темно-голубомъ.
И я въ младенчествѣ златомъ
Жестокостей судьбы не зналъ,
Съ безпечнымъ, искреннимъ челомъ
Путь жизни юной совершалъ.

Быть можетъ, скоро волны тучь
Изъ странъ далекихъ налетятъ;
Быть можетъ, скоро ясный лучъ
Туманы черные затьмятъ.
Но мой давно затьмился взглядъ:
Я бѣдный путникъ на землѣ;
Страстей мертвящихъ лютый ядъ
Разлилъ унынье на челѣ.

Амалія слушала Фрица съ душевнымъ волненіемъ: она видѣла, что онъ почти потерялъ разсудокъ, и не могла въ томъ не винить себя; сіе чувство подавляло въ ней удовольствіе удовлетвореннаго тщеславія. „Бѣдный Фрицъ,“ вырвалось у нее невольнымъ образомъ.

— Бѣдный Фрицъ! повторила Г-жа Розенбаумъ со вздохомъ, онъ со всѣмъ помѣшался. Вотъ что надѣлали проклятые стихи! Но кто же виноватъ? Онъ не хотѣлъ слушать моихъ совѣтовъ и теперь наказанъ за то. Однако же если не заняться имъ, то онъ погибнетъ. Чтобъ выбить у него изъ головы эту глупость, надобно какъ можно больше обращать ее въ смѣхъ и заставить его стыдиться своего дурачества. —

Амаліа знала, что стихи совершенно безвинны въ сумасшествіи Фрица; но, какъ средство предложенное ея матерью могло также излечить его отъ страсти, и какъ первыя два были употреблены ею безъ успѣха, то рѣшилась прибѣгнуть къ послѣднему.

„Это настоящее сумасбродство! продолжала Г-жа Розенбаумъ: ночью одинъ изволитъ распѣвать въ саду.“

— Маменька! я пойду сей-часъ посмѣяться надъ этимъ меланхолическимъ пѣвцомъ. —

Амаліа пришла въ садъ и остановилась, услышавъ опять жалобное пѣніе Фрица; подошла къ нему; блѣдное лице его, при свѣтѣ луны, показалось ей еще ужаснѣе; она невольно содрогнулась и не рѣшалась прервать Фрица, который не примѣтилъ ее.

Фрицъ, окончивъ, тихо поворотилъ голову и увидѣлъ Амалію, которой взоръ и черты лица выражали состраданіе. Онъ почти не вѣрилъ глазамъ своимъ: Амалія ночью, въ саду, подлѣ него; она едва не показалась несчастному Ангеломъ, низшедшимъ съ неба для утоленія его горести.

Амалія не могла уже насмѣхаться и перемѣнила свое намѣреніе. Она рѣшилась заставить Фрица признаться ей въ любви, чтобъ послѣ представить всѣ причины, запрещающія ей отвѣтствовать ему, просить его стараться истребить опасную страсть и утѣшить его, обѣщаясь всегда питать къ нему нѣжную дружбу.

„Милый Фрицъ! сказала она голосомъ исполненнымъ нѣжности: я давно замѣчаю, что у тебя есть причины печалиться: не ужели ты мнѣ не откроешь своего сердца?“

Фрицъ безмолвно смотрѣлъ на нее; взоры его ничего не выражали: онъ какъ будто только началъ разсматривать ее.

„Я такъ люблю тебя, продолжала она, сѣвъ подлѣ и обнявъ его одною рукою, а ты не хочешь утѣшить меня своею откровенностію.“

Ты меня любишь? — тихо произнесъ онъ; на тусклыхъ глазахъ его навернулись слезы, которыя съ самаго дѣтства еще ни

разу не омочали рѣсницъ нечувствительнаго; голова его склонилась на грудь Амаліи.

Амалія не знала, что отвѣчать: Фрицъ приподнялъ голову, посмотрѣлъ на нее съ нѣжностію, увидѣлъ ея горесть и улыбнулся: она по какому-то побужденію отвѣчала ему тѣмъ же; взоръ его прояснился. „Ты любишь меня, повторилъ онъ рѣшительно, ты будешь моею женою!“

Амалія, видя его востроглъ и боясь огорчить, не рѣшалась лишить мечтателя сладкаго заблужденія. „Ты меня любишь, твердилъ онъ съ восхищеніемъ. Такъ! сердце твое принадлежитъ мнѣ! Я счастливъ!“

— Прекрасно! прекрасно! произнесъ сзади голосъ, выражавшій злобную насмѣшку.

Это была Г-жа Розенбаумъ, которая, удивляясь, что дочь ея долго не возвращается, пошла сама за нею. Но каково было ея удивленіе, когда увидѣла Амалію съ Фрицомъ въ такомъ положеніи!

„Прекрасно, сударыня! сказала она, задыхаясь отъ гнѣва; а! теперь я знаю, какъ вы насмѣхаетесь надъ меланхолическимъ пѣвцомъ! А вы, сударь! вотъ награда за мои попеченія! Я понимаю, для чего была печальная серенада. Однакожъ прошу, сударыня, итти со мной: ты не удивишь боль-

ше этаго изверга. Злодѣй! сей-часъ вонъ изъ дому! прочь съ глазъ монхъ!

Г-жа Розенбаумъ хотѣла удалиться, таща за руку Амалію; но вдругъ остановилась, взглянула на Фрица: взоръ ея выражалъ горестный упрекъ; слезы полились градомъ по щекамъ ея. „За что ты погубилъ меня? сказала она голосомъ прерываемымъ рыданіями, я воспитала тебя, пеклась о тебѣ, какъ о сынѣ, а ты обольстилъ дочь мою!

Фрицъ, пораженный внезапностію, былъ столь же неподвиженъ, какъ и дерево, подъ которымъ сидѣлъ: ибо ни одинъ листокъ не шевелился ни малѣйшимъ вѣтромъ.

Зардѣвшаясь отъ стыда, Амалія не смѣла поднять глазъ и рыдала подобно матери своей.

Г-жа Розенбаумъ, упрекая то съ горестію, то опять съ яростію, обращалась попеременно къ дочери и племяннику, пока Фрицъ не могъ собраться съ мыслями.

„Я не заслуживаю такихъ укоризнъ, наконецъ сказалъ онъ, не могу жить безъ Амаліи: вы должны осчастливить меня.“

— Вотъ еще новое! тебѣ жениться на Амаліи: да развѣ я сумасшедшая! Этому никогда не бывать. —

„Если такъ, то скоро, можетъ быть вы раскаетесь въ своей жестокости: я не перенесу этаго.“

Пожалуй умирай! меня не испугаешь. —

Какъ Фрицъ ни старался упросить Г-жу Розенбаумъ: она осталась непреклонною и оставила его съ величайшимъ гнѣвомъ.

Возвратясь въ свою комнату, она продолжала изливать горячность свою на смущенную Амалію, которая чувствуя, что она совсѣмъ не такъ виновна, какъ мать о ней думала, увѣряла въ своей невинности, но напрасно.

„Скажи, сударыня, спросила мать ея, съ которыхъ поръ вы сдѣлались такими страстными любовниками?“

— Онъ до этаго случая всегда обходился со мною обыкновенно, отвѣчала Амалія, запинаясь: она не рѣшилась во всемъ признаться. —

„Какимъ же чудомъ теперь онъ давалъ тебѣ серенаду?“

— Я ничего не знаю, и вышла къ нему съ намѣреніемъ посмѣяться. Онъ вдругъ меня схватилъ и съ жаромъ требовалъ, чтобы я клялась никому ни принадлежать, кромѣ его. Я испугалась и хотѣла вырваться, но онъ такъ держалъ крѣпко меня, что я немогла отъ него освободиться. —

Такимъ образомъ Амалія, боясь навлечь на себя гнѣвъ матери, свалила всю вину на бѣднаго Фрица.

На другой день Г-жа Розенбаумъ объявила ему, что онъ не долженъ болѣе оставаться у ней; я не надѣялась, прибавила она, чтобы ты, въ знакъ благодарности ко мнѣ, старался обольстить дочь мою, почти на канунѣ ея свадьбы.“ Фрицъ напрасно умолялъ снова свою тетку, чтобы она сдѣлала его счастіе: онъ скоро увидѣлъ, что долженъ будетъ повиноваться ей, уѣхать и предоставить Амалію Августу. Могъ ли онъ на сіе рѣшиться послѣ вчерашняго приключенія, которое по его мнѣнію служило яснымъ доказательствомъ любви Амаліи? Онъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству: притворился помѣшаннымъ.

Г-жа Розенбаумъ была легковѣрна: она испугалась, увидѣвъ, что Фрицъ, котораго она все еще любила, потерялъ разсудокъ. Гнѣвъ изчезъ: сердце ея наполнилось состраданіемъ къ несчастному.

Однажды, пришедъ къ Фрицу, она оказывала ему материнскую нѣжность и горестное участіе. Фрицъ имѣлъ сердце благородное; притворялся по жестокой необходимости, бывъ принужденъ къ тому сильной страстію: могъ ли онъ равнодушно ви-

дѣтъ благотворительницу свою, сокрушающуюся о немъ? „О чемъ вы печалитесь?“ спросилъ онъ ее съ чувствомъ. Тяжкій вздохъ былъ отвѣтомъ. „Тетинька, не огорчайтесь: ваша горесть раздираетъ мнѣ душу.“ Г-жа Розенбаумъ была тронута до слезъ такою чувствительностію помѣшаннаго. Онъ, съ своей стороны, былъ чрезвычайно пораженъ пріемлемымъ въ немъ участіемъ и едва не хотѣлъ открыть ей свое притворство; однакожъ заглушилъ голосъ сердца и рѣшился воспользоваться ея состраданіемъ. Онъ началъ умолять ее, согласиться на его счастіе, въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, въ которыхъ однакожъ старался показать разстройство разсудка.

Г-жа Розенбаумъ въ душевномъ волненіи была столь неосторожна, что разсказала Амаліи все происшедшее у ней съ Фрицомъ. Амалія погрузилась въ уныніе, которое скоро замѣнилось мучительнымъ бореніемъ мыслей. „Фрицъ сошелъ отъ меня съ ума, думала она: я должна любить его, должна просить у матери согласія выйти за него, и она, показывая къ нему такое состраданіе и узнавъ, что, осчастливя его, осчастливитъ также и меня, конечно не отвергнетъ моей любви. Но выйдя за Фри-

ца, я лишусь выгодъ, которыя доставилъ бы мнѣ бракъ съ Августомъ: неужели я должна отказаться отъ всѣхъ удовольствій, которыя я себѣ обѣщала?“ — Амалія могла бы любить Фрица, но Августъ имѣлъ болѣе связей, былъ богаче, былъ значительнымъ человѣкомъ въ городѣ: между тѣмъ какъ Фрица почитали еще почти ребенкомъ. Амалія, вышедъ за него замужъ, подверглась бы всеобщимъ насмѣшкамъ.

Но сіи разсужденія и нерѣшительность, причинявшія ей мучительную тоску были скоро прерваны приходомъ матери Августа. „Здраствуйте, мои милыя, сказала она ей и Г-жѣ Розенбаумъ съ обыкновенною свою веселостію. „Я къ вамъ пришла за дѣломъ: Августъ пишетъ ко мнѣ, что вслѣдъ за письмомъ ѣдетъ къ намъ и чтобъ у насъ все было готово къ свадьбѣ. Знаешь ли, невѣста? я было разсердилась на твоего жениха: угадай за что? За то, что онъ въ тебя слишкомъ влюбленъ. Ты не можешь вообразить, сколько онъ тебѣ прислалъ подарковъ: непростительно такъ тратиться только для того, чтобъ тебѣ доставить удовольствіе. Однакоже чѣмъ болѣе на тебя смотрю, тѣмъ болѣе нахожу, что Августъ правъ.“

Тутъ Г-жа фонъ Лустъ исчислила подробно всѣ подарки. „Я было и забыла, продолжала она, сказать тебѣ, что сынъ пишетъ, что сдѣлалъ въ Петербургѣ большое знакомство: онъ нанялъ тамъ домъ, чтобъ ѣхать съ тобою провести зиму въ столицѣ, посмотрѣть на тамошнія забавы и самимъ повеселиться, какъ можно лучше. Признаюсь, мнѣ хочется побранить его за моповство; но ты вѣрно за это на него не разсердишься?“

Когда у ней обиліе въ словахъ начало истощаться, она могла быть ко всему болѣе внимательною; а потому скоро замѣтила грусть Г-жи Розенбаумъ. Что же касается до Амаліи, то она, помышляя объ удовольствіяхъ, ее ожидавшихъ, сдѣлалась веселою. „Вы такъ печальны, что съ вами сдѣлалось?“ спросила Г-жа фонъ Лустъ у ея матери.

— Вы знаете наше горе отвѣчала Г-жа Розенбаумъ.

„Но разскажите мнѣ обстоятельнѣе: отъ чего съ нимъ это случилось?“

— Странное дѣло! кажется, отъ любви.—

Вы напрасно отчаяваетесь: сумасшествіе отъ любви не опасно. Увѣряю васъ, чрезъ нѣсколко времени вы увидите его здоровымъ; но въ кого онъ влюбился?“

Щеки Амаліи сдѣлались пунцовыми, подобно маку.

„Что это значитъ? Отъ чего-ты вдругъ такъ покраснѣла? ужь не ты ли ему вскружила голову?„

— Вы угадали: она. —

„А, а! сударыня! да мущины должны тебя беречься больше огня: у Августа, по твоей милости, опустѣлъ карманъ, а у Фрица голова.„

И! какъ вы можете надъ этимъ шутить? — прервала Г-жа Розенбаумъ съ недовольнымъ видомъ.

„Скажу откровенно: для меня это сумасшествіе подозрительно. Можетъ быть, онъ употребилъ маленькое притворство, чтобы завладѣть сокровищемъ, которое уже назначено моему Августу. Но также легко станется, что я и ошибаюсь. Однако совѣтую вамъ нѣсколько разсѣяться: я вижу, печаль вредна вашему здоровью, вы совсѣмъ перемѣнились. Пойдемъ-те ко мнѣ: я покажу вамъ подарки, которые сынъ прислалъ Амаліи; онъ, правда, просилъ меня объ нихъ ей не сказывать; потому что ему хотѣлось сдѣлать сюрпризъ: да какъ быть! я такъ ее люблю, что хочется теперь же ей доставить удовольствіе. Смотри, невѣста, не введи меня въ бѣду: не

проболтайся Августу, что ты уже обо всемъ знаешь.“

Надежда польстила Фрица, но недолго: тетка его хотя почти и не вѣрила догадкѣ Г-жи Лустъ, однакоже почитала обязанностію, испробовать ее, и потому старалась казаться ему холодною и будто не примѣчаетъ его помѣшательства. Она умѣла столь же хорошо притворяться, какъ и Фрицъ сумасшедшимъ: нечувствительность ея лишала его терпѣнія, между тѣмъ какъ она вышедъ отъ него, часто проливала слезы. Но онъ утѣшалъ себя мыслію, что въ Августѣ найдетъ болѣе жалости.

Наконецъ Августъ пріѣхалъ и поспѣшилъ навѣдаться къ нему. Фрицу не трудно было обмануть легковѣрную горячность тетки, но мудрено проницательность Августа, которому мать сообщила свою догадку. — „Я не понимаю твоей шутки, сказалъ онъ притворно сумасшедшему: ты говоришь безъ всякой связи: неужели и меня почитаешь легковѣрнымъ?“ Фрицъ увидѣлъ, что выдуманное имъ средство не поможетъ, и прибѣгнулъ къ другому: онъ съ откровенностію во всемъ признался и старался тронуть его своимъ несчастіемъ. Августъ имѣлъ благородное сердце и былъ сострадателенъ къ несчастнымъ; но въ не-

счастіи Фрица онъ видѣлъ одно дѣтское дурачество и досадовалъ, что онъ причинялъ имъ столько огорченія своей благотворительницѣ. „Я надѣюсь на твое великодушіе, продолжалъ Фрицъ: эта жертва для тебя не такъ важна, но мнѣ возвратила бы жизнь, сдѣлала бы меня счастливѣйшимъ человѣкомъ.“

— Это весьма забавно! Ты хочешь, чтобы я отказался отъ Амаліи, когда уже все готово къ свадьбѣ и когда весь городъ знаетъ, что я женюсь послѣ завтра; если бы я и не любилъ Амалію, то честь бы запретила мнѣ такой поступокъ; онъ произвелъ бы различные толки весьма непріятные и даже вредные для дѣвушки. Но еще забавнѣе, что ты хочешь на ней жениться: развѣ ты позабылъ, что еще нигдѣ не служилъ; скажи, неужели ты почитаешь себя совершеннымъ человѣкомъ? —

„Я, сударь, докажу вамъ, что я не ребенокъ: вы должны стрѣляться со мною.“

— Помилуй! съ тобою стрѣляться? да я сдѣлаюсь посмѣшищемъ всѣхъ порядочныхъ людей. —

„Здѣсь шутки не у мѣста: вы еще незнаете, до чего можетъ довести изступленіе.“

— Очень знаю: до желтаго дома. Однакоже я вижу, ты слишкомъ разгорячился:

когда у тебя кровь прохладится, ты признаешся самъ, что я правъ. —

Фрицъ оставался одинъ: пусть представятъ себѣ его бѣшенство и отчаяніе. „Злодѣй! онъ смѣется надо мною. Всѣ мои надежды исчезли: онъ пойдетъ, все откроетъ теткѣ; она меня возненавидитъ. Но онъ дорого заплатитъ за мое злополучіе. Стрѣляться! стрѣляться! повторялъ онъ, ходя скорыми шагами по комнатѣ. Когда первыя минуты гнѣва миновались, онъ вспомнилъ, что во всю жизнь свою еще ни разу не держалъ въ рукахъ пистолета, и что, если хочешь стрѣляться, то нужно имѣть пистолеты. Онъ немедленно отправился гдѣ нибудь достать ихъ, и возвратился съ ними, когда уже было темно. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ утра, чтобы итти за городъ учиться стрѣлять.

Слѣдующій день весь провелъ въ семъ упражненіи и только сумерки заставили его возвратиться домой. Полагая, что уже всѣ домашніе знаютъ о его приключеніи и стыдясь съ кѣмъ нибудь изъ нихъ встрѣтиться, рѣшился ожидать въ саду, пока всѣ улягутся, чтобы тайно войти въ свою комнату. Онъ сѣлъ на ту самую скамью, гдѣ Амалія ночью явилась передъ нимъ въ видѣ Ангела-утѣшителя. Фрицъ, теперь ни

кто не утѣшитъ тебя, отчаяніе въ твоемъ сердцѣ; единственныя блага тебѣ оставшіяся, усладительныя воспоминанія о не многихъ радостныхъ минутахъ, доставленныхъ любовію!

„Я мечталъ, что Амалія меня любитъ; но если бы она меня любила, какъ я люблю ее, то конечно была бъ въ состояніи не повиноваться прихоти матери своей и объявить Августу что не можетъ принадлежать ему. Однакоже когда она смотритъ на меня, я вижу въ ней участіе и нѣжность: могу ли отъ нея требовать, что бы для меня презрѣла гнѣвъ матери и рѣшилась бы, можетъ быть, терпѣть, стыдъ и бѣдность. Такъ! Амалія любила бъ меня, если бы не принуждена была отдать руки своей Августу. Августъ причиною моего несчастія. Отъ него я не смѣю показаться къ тепкѣ: и сдѣлаюсь посмѣшищемъ всего города. Мнѣ только осталось съ нимъ стрѣляться. Горестная отрада! Я во весь день ни разу не попалъ въ цѣль: когда же буду стрѣлять въ Августа, ужели совѣсть допуститъ меня мѣтить съ хладнокровіемъ? глаза не отворотятся ли отъ него? не задрожитъ ли рука моя? И такъ всѣ мои старанія довели меня, что иду на вѣрную смерть! Но если бы мнѣ удалось убить его: Амалія могла ли бы

принадлежать убійцѣ? не лишился ли бы я навсегда покоя души, безъ котораго нѣтъ счастія?“

Фрицъ былъ погруженъ въ глубокую задумчивость: онъ не зналъ, что предпринять въ своихъ обстоятельствахъ. Въ сіе время увидѣлъ вошедшаго въ садъ Августа съ Амаліей: онъ, по странному побужденію, однакоже обыкновенному въ такомъ случаѣ, побоялся съ ними встрѣтиться и спрятался за кусты. Августъ и Амалія сѣли на его мѣсто. Положеніе Фрица было ужасно: онъ видѣлъ ихъ взаимныя ласки.

„Амалія, не стыдно ли, говорилъ Августъ, печалиться о немъ? онъ не заслуживаетъ этаго, онъ повѣса: я согласенъ, что онъ влюбленъ; но любовь его — ребяческое сумасбродство. Увѣряю, на другой день послѣ нашей свадьбы, онъ самъ будетъ смѣяться надъ собою.“

— Но ты надо мной не будешь болѣе смѣяться, вскричалъ Фрицъ, выскочивъ изъ за кустовъ и устремя на него пистолетъ: сей часъ стрѣляйся со мною, или я убью тебя.

Августъ совершенно потерялъ присутствіе духа, увидѣвъ пистолетъ, дрожащее отъ гнѣва лице и сверкающіе взгляды изступленнаго. „Я согласенъ стрѣляться“ ска-

залъ онъ, боясь раздражить его еще болѣе противорѣчіемъ. Потомъ нѣсколько оправясь и увидя, что Амалія побѣжала, старался продлить съ нимъ объясненіе, чтобы дождаться помощи.

Прибѣжавшіе люди, которымъ Амалія сказала, что Фрицъ хочетъ убить Августа, схватили несчастнаго и обезоружили. Чтобы онъ въ бѣшенствѣ не предпринялъ чего-либо вреднаго для Августа и даже для себя самаго, нашлися принужденными запереть его въ комнатѣ.

Мрачный видъ заключенника болѣе изображалъ хладнокровіе, нежели месть, пылавшую въ сердцѣ. Вся ночь прошла въ исканіи средства удовлетворить сей негодной страсти. Когда выдуманное средство казалось ему удобнымъ, онъ мечталъ, какъ произведетъ оное въ дѣйство, какъ отомститъ Августу — и вздрагивалъ отъ радости; злость заставляла его улыбнуться. Пусть вообразятъ его блѣдное тощее лице, сверкающіе неподвижные глаза, волосы стоящіе дыбомъ — тогда признаются, что сія улыбка должна была произвести невольный ужасъ въ каждомъ зрителѣ.

Настало утро: въ сей день Фрицу назначено было вытерпѣть мученія, какихъ еще не испыталъ доселѣ и учинить пре-

ступленіе — причину мученій еще ужаснѣйшихъ.

Съ разсвѣтомъ начались сборы къ свадьбѣ, сборы ненавистные, безпрестанно напоминавшіе ему о приближеніи роковой минуты, въ которую Амалія соединится съ Августомъ. При одной мысли о ея бракѣ морозъ пробѣгалъ по всѣмъ его жиламъ, и судьба, казалось, забавлялась терзаніями его, заставляя слышать всѣ приготовленія къ сему союзу, отнявъ возможность что-либо предпринять для отвращенія онаго. Онъ не могъ сносить долѣе своего состоянія и велѣлъ сказать тетке, что ему необходимо нужно говорить съ нею. Она подошла къ его двери. „Заклинаю васъ всѣмъ, что для васъ священно, вскричалъ онъ, заклинаю васъ отказать Августу: если же вы такъ безжалостны, что не исполните сей просьбы, по крайней мѣрѣ отложите свадьбу.“

— Я думала, что ты образумился и хотѣлъ сказать мнѣ что-нибудь путное, а ты все тотъ же сумасбродный негодяй. Но теперь мнѣ некогда съ тобою говорить. —

Что осталось Фрицу дѣлать? Г-жа Розенбаумъ не хотѣла его слушать. Онъ просилъ, чтобы позвали къ нему Амалію. „Барышнѣ некогда“ — отвѣчалъ слуга, — „ее убираютъ къ вѣнцу.“

— Къ вѣнцу! повторилъ Фрицъ, какъ будто испугавшись; скажи ей, ради Бога, что если есть какая возможность, чтобы она меня выслушала. —

Желаніе его было исполнено. — „Амалія, вижу, что ты меня не любишь, такъ какъ я тебя; однако знаю, что твое сердце не совсѣмъ чуждо любви ко мнѣ; но если бы ты меня и ненавидѣла, то изъ жалости, которую всегда замѣчалъ въ тебѣ, изъ участія, которое всегда ко мнѣ оказывала, ты должна не допустишь меня до гибели: вспомни, что единственно любовь къ тебѣ причиною моего злополучія; ты должна просишь мать отказать Августу, или хотя отложить свадьбу; умоляй ее. Если жъ она ни чѣмъ не тронется, притворись больною; скажи, что не можешь ѣхать вѣнчаться.“

— Съ чего ты это взялъ? Вѣрно думаешь, что я также умѣю притворяться, какъ ты; но ошибаешься! Съ чего ты взялъ, что я люблю тебя? Правда, прежде, когда ты былъ порядочнымъ человѣкомъ, я чувствовала къ тебѣ родственную привязанность; но послѣ огорченій, которыя ты причинилъ маменькѣ, ты достоинъ презрѣнія. Хочешь, что бы я не выходила за Августа: признаюсь откровенно, я люблю его; при томъ же надобно, чтобъ я также по-

теряла разсудокъ, какъ ты, чтобъ захотѣла лишиться такого выгоднаго жениха.

Амалія конечно не отвѣчала бы Фрицу съ такою жестокостью, если бъ мать не была тутъ же. Онъ не зналъ послѣдняго обстоятельства и долженъ былъ вѣрить словамъ ея. Не ожидая такого удара, пришелъ отъ нихъ внѣ себя отъ бѣшенства; осыпалъ Амалію укоризнами, требовалъ, чтобы его освободили и между тѣмъ угрожалъ отомстить Августу. „Онъ дорого со мною раздѣлается, твердилъ онъ; ты его любишь конечно, сударыня; вашъ Августъ несравненно достойнѣе меня; но не долго будешь имъ любоваться.“

Онъ напрасно напрягалъ ослабѣвшій голосъ, чтобы укорять жестокую: она ничего не слыхала, сидя опять за уборнымъ столикомъ и разсуждая съ мастерью о букетѣ, которой долженъ былъ украшать грудь ея. Она не могла рѣшиться, положить ли въ него двѣ или одну лилею. —

Невѣста поѣхала вѣнчаться: стукъ экипажа поразилъ слухъ Фрица. Голосъ, казалось, оцѣпенѣлъ въ его отверстыхъ губахъ; смотря на его окаменѣніе и блѣдность, предъ которой прежняя ни чего не значила, можно было принять его за истуканъ изсѣченный изъ чистаго мрамора.

Но сія тишина была мгновенна: онъ началъ стучать въ дверь: не многіе оставшіеся люди, бывъ весьма заняты по случаю свадьбы, не обращали вниманія на производимый имъ стукъ; онъ, видя, что никто нейдетъ къ нему, рѣшился выломать дверь: напрягъ оставшіяся силы, раздался трескъ, онъ освободился, схватилъ ножъ и устремился къ церкви, гдѣ вѣнчался Августъ. Онъ хотѣлъ прервать бракосочетаніе, но не успѣлъ и увидѣлъ ново-брачныхъ, выходящихъ изъ храма: ножъ сверкнулъ въ рукѣ, кровь брызнула изъ Августа!

„Женихъ убитъ! держите убійцу!“ раздалось множество голосовъ; опасность придала Фрицу новыя силы, — онъ побѣжалъ, отмахиваясь ножемъ отъ преслѣдователей.

Фрицъ былъ за городомъ, но все еще безпрестанно оглядывался назадъ, боясь преслѣдованія. Онъ своротилъ съ дороги въ лѣсъ, желая скрыться въ чащѣ онаго. Ночь была самая свѣтлая: ему казалось, что сама природа хотѣла его гибели, и проклиналъ сіяніе свѣтилъ небесныхъ, освѣщавшихъ путь за преступникомъ; но скоро онъ не имѣлъ болѣе причины сѣтовать на блистаніе небесъ. Густыя тучи начали скопляться и вскорѣ мракъ сдѣлался непроницаемымъ. Фрицъ остановился, почитая себя въ без-

опасности, бросился на землю отъ изнеможенія и началъ размышлять о злодѣяніи, имъ учиненномъ, злодѣяніи, о которомъ одна мысль всегда заставляла его ужасаться, которое почиталъ гнуснѣйшимъ и отвращалъ съ негодованіемъ взоры отъ содѣлавшихъ оное. Бѣдный Фрицъ! Онъ преступникъ; въ душѣ несчастнаго свирѣпствуютъ муки конечно лютѣйшія мукъ, причиненныхъ Августу.

Блескъ молніи, сопровождаемый громомъ, прервалъ размышленія Фрица: онъ вскочилъ, смотрѣлъ во всѣ стороны и дрожалъ какъ листъ. Увлекаясь внѣшними впечатлѣніями, онъ иногда оказывалъ твердость духа, но отъ природы былъ наклоненъ къ робости: онъ въ глухомъ лѣсу находился еще въ первый разъ и притомъ одинъ, съ вопіющею совѣстію, ночью, во время грозы; ужасъ овладѣлъ преступнымъ, онъ не вѣрилъ привидѣніямъ и однако жъ теперь спрашился ихъ: напрасно ободрялъ себя, напрасно приводилъ на память все, что доказывало нелѣпость сего суевѣрія. Но Фрицъ имѣлъ еще причину бояться болѣе основательную: онъ могъ сдѣлаться добычею разбойника или хищнаго звѣря, и потому рѣшился выбраться немедленно назадъ изъ лѣсу. Онъ хотѣлъ бы бѣжать, но

мрачность и густота деревьевъ едва позволяли ему пробираться: съ каждымъ шагомъ страхъ и нетерпѣніе въ немъ увеличивались. Когда молнія позволяла ему видѣть окружающіе предметы, какое-нибудь дерево казалось чѣмъ-то страшнымъ, и онъ трепеталъ сильнѣе.

Онъ продолжалъ идти, руки его встрѣчали менѣе деревьевъ, ноги были въ водѣ; но онъ не прежде остановился, какъ, погрязнувъ, бывъ къ тому принужденнымъ. Молнія залила пламенемъ окрестность, громъ разразился надъ головою устрашеннаго; онъ увидѣлъ вокругъ себя камни поросшіе мохомъ, осѣненные мрачными елями; „кладбище“ — вскричалъ онъ, потерявъ совершенно присутствіе духа: упалъ на колѣна, воздѣлъ руки къ небу, и произнесъ молитву: „Боже справедливый! я убійца: Ты караешь преступнаго; но Ты неисповѣдимо милосердъ: окажи на мнѣ недостойномъ благость Твою.“

Дождь рѣкою низвергся на землю; змѣеобразныя струи молніи разсѣкали мракъ; громъ гремѣлъ, не умолкая. Онъ хотѣлъ оставить сіе мѣсто смерти и ужаса; но куда идти? Вездѣ онъ видѣлъ могилы, и при малѣйшемъ движеніи погрязалъ болѣе. Ночь прошла такимъ образомъ, ночь, о которой

и въ старости Фрицъ вспоминалъ съ содроганіемъ. Утро открыло ему заблужденіе: онъ увидѣлъ вокругъ себя болото, усѣянное камнями и елями, и ободрился. Не имѣя на себѣ сухой нитки, дрожа отъ холода, чувствуя необходимость въ успокоеніи, а болѣе опасаясь провести еще подобную ночь, онъ побѣдилъ страхъ быть узнану и рѣшился искать убѣжища въ какой нибудь деревнѣ. Онъ выбрался изъ топи и пошелъ самъ не зная куда, рѣшась не перемѣнять направленія: ибо это былъ единственный способъ напасть на дорогу ведущую къ жилью.

Переходъ чрезъ болота и самые маленькіе ручьи сдѣлался почти невозможнымъ. Уже полдневное солнце, невидимое за тучами, было надъ горизонтомъ; уже усталый Фрицъ не могъ болѣе продолжать пути своего, и едва отошелъ нѣсколько верстъ, все еще видѣлъ вокругъ себя лишь глухой лѣсъ. Онъ упалъ на землю: тѣло успокоилось, дѣятельность души увеличилась. Онъ вспомнилъ безпечность юности, сердце наполнилось признательности къ его благотворительницѣ; вспомнилъ надежды честолюбія, еще недавно его восхищавшія: отнынѣ онъ долженъ скрываться, онъ преступникъ! Отнынѣ главнѣйшимъ его желаніемъ

должна быть безвѣстность; вспомнилъ блаженство первыхъ дней возвращенія на родину: но дни ясные не долго продолжались, не надолго ихъ воспоминаніе усладило терзанія горестнаго; преступленіе снова разлило мракъ въ душѣ его; наконецъ вспомнилъ прошедшую ночь и мгновенно всталъ, пошелъ скорыми шагами; но скоро силы, возрожденныя отдохновеніемъ, оставили его. Онъ едва могъ передвигать ноги, и между тѣмъ ему должно было переправляться чрезъ пространную топь; надѣялся перейти оную и жестоко обманулся: каждый шагъ ему стоилъ неимовѣрныхъ усилій, и съ каждымъ шагомъ утомленный погрязалъ болѣе. Уже тщетно напрягалъ истощенныя силы свои, уже онъ не могъ поднять ноги, потонувшей въ тинѣ: въ отчаяніи началъ кричать, требуя помощи; но кругомъ все молчало. Чрезъ нѣсколько времени новое мучительное чувство голода уже стало терзать его. „И такъ сіе мѣсто назначено мнѣ могилою, думалъ онъ; гдѣ найду пищу, нужную для продолженія прекращающагося бытія моего? Кто подастъ мнѣ руку помощи и извлечетъ меня? Я долженъ умереть: ужасна смерть преступнику!“

Такъ! смерть ужасна для обагреннаго кровію ближняго! — Онъ то возсылалъ

мольбы къ Существу Всевышнему, требовалъ его милосердія, то умолялъ духъ убіеннаго — простить его злодѣяніе. Но между тѣмъ отдыхъ опять далъ ему возможность дѣйствовать членами: онъ поползъ и наконецъ рокъ улыбнулся несчастливцу. Въ нѣсколькихъ шагахъ онъ увидѣлъ совершенно незрѣлую бруснику, — и радовался какъ будто нашелъ сокровище; бросился къ ягодамъ и поѣлъ ихъ съ жадностію. Голодъ его не утолился; но Фрицъ могъ теперь приподняться на ноги, и — побрелъ.

Кто опишетъ восторгъ его, когда онъ увидѣлъ предъ собою дорогу, которой искалъ съ такимъ нетерпѣніемъ? „Я спасенъ“ произнесъ онъ, ступивъ на оную. Но куда идти? въ которой сторонѣ ближняя деревня?“ — Онъ направилъ путь на удачу. —

Но не долго могъ идти: съѣденныя имъ неспѣлыя ягоды скоро оказали пагубное свое дѣйствіе; — онъ почувствовалъ мучительную колику и судороги, онъ ушалъ и валялся по землѣ: терзанія его были несказанныя, вопль исходилъ изъ отверстаго рта его.

Начало смеркаться, дождь опять полился рѣкою; страдалецъ былъ весь въ водѣ, холодъ проницалъ сознавъ, уже готовый оледенѣть. Хотя пошомъ боль уменьшилась,

но состояніе его не сдѣлалось лучшимъ. Онъ чувствовалъ совершенное разслабленіе во всѣхъ членахъ, чувствовалъ приближеніе смерти и ужасался ея. Когда отягченныя вѣжди его смыкались, вздрагивалъ, силился смотрѣть, дѣйствовалъ пальцами, шевелилъ опухшія руки и ноги, произносилъ нѣсколько звуковъ, уже едва слышимыхъ, чтобы увѣриться, что онъ еще существуетъ.

Онъ видѣлъ, что долженъ погибнуть, если судьба не умилосердится и не пошлетъ ему избавителя. Послѣднее утѣшеніе — надежда — исчезала съ угасающимъ днемъ: кто поѣдетъ ночью по сей дорогѣ почти совсѣмъ небитой! а утреннее солнце конечно освѣтитъ одно бездушное тѣло его! —

Долго онъ слышалъ только шумъ дождя; наконецъ, когда уже, почти потерявъ надежду, размышлялъ съ ужасомъ объ ожидавшемъ его за предѣломъ жизни, слухъ его поразился слабымъ стукомъ: сей нестройный стукъ въ сію минуту былъ для него восхитительнѣе сладчайшей гармоніи! Вскорѣ онъ увидѣлъ выѣхавшую изъ - за деревьевъ и къ нему приближающуюся телѣгу. У Фрица забилось сердце, радостныя слезы омочили уже потухавшіе его глаза. Восхищенный не зналъ о страданіяхъ, ему предназначенныхъ; казалось, рокъ нарочно

ушѣшилъ горестнаго улыбкою благосклонности, чтобы болѣе изумить его своею любостію.

Ѣхавшій крестьянинъ, сынъ златой беззаботности, подъ шумомъ льющаго дождя, закрытый совершенно, предавался сладостному сну. Фрицъ напрасно силился кричать: слабый звукъ не пробуждалъ усыпленнаго. Ужѐ ли то, чего Фрицъ ожидалъ съ величайшею жадностію, на что полагалъ все свое упованіе, ни къ чему для него не послужитъ? Онъ видѣлъ, что сія дорога весьма рѣдко посѣщаема: если сей проѣзжій, столько жданный, не спасетъ его, то отъ кого надѣяться помощи? Отчаянный Фрицъ хватается за ногу лошади, испуганная лошадь помчалась, — и тотъ, кого почиталъ избавителемъ, уже былъ далеко. Фрицъ остался опять одинъ: хладъ разлился въ тѣлѣ, — отчаніе въ душѣ погибающаго.

Но — пробужденный крестьянинъ останавливаетъ лошадь, сходитъ, поправляетъ упряжь, — и надежда озарила душу умирающаго: очаровательница вдохнула жизнь въ состав, уже оцѣпенѣвшій: Фрицъ ползетъ, не щадитъ силъ своихъ; но цѣль желаній еще далека! Селянинъ уже садится. Фрицъ, чтобы дать себя замѣтить, приподнимается на колѣна, кричитъ..... Все поз-

дно! колеса скрыпнули, телѣга удаляется: оставленный падаетъ безъ чувствъ.

Когда онъ опомнился, то почувствовалъ, что какая-то посторонняя сила приводила все тѣло его въ сотрясеніе, и испугался: опкрывъ съ боязнію глаза, увидѣлъ что онъ на телѣгѣ. Другой крестьянинъ, ѣхавшій въ слѣдъ за соннымъ своимъ товарищемъ, былъ его спасителемъ.

И вотъ уже Фрицъ въ теплой хижинѣ сидитъ за столомъ; жена избавителя поставила передъ нимъ молоко съ накрошеннымъ хлѣбомъ; Фрицъ утоляетъ голодъ; любопытные хозяева засыпаютъ его вопросами, онъ молчитъ: ибо еще не въ силахъ говорить, и притомъ не знаетъ — какъ утаить свое преступленіе. Когда опустѣла чаша, онъ нѣсколько оправился и рѣшился удовлетворить нетерпѣнію любопытныхъ: онъ разсказалъ имъ, что будто ѣхалъ изъ Р..... и встрѣтился съ разбойниками, которые ограбивъ, оставили его съ связанными назадъ руками и съ завязанными глазами, что онъ въ такомъ состояніи пошелъ и заблудился, что наконецъ ему удалось распутаться; разсказалъ — сколько претерпѣлъ въ послѣдніе дни, и просилъ помощи, говоря, что у него есть богатая родня, которая ихъ щедро наградитъ.

Простые люди повѣрили всему, и были весьма тронуты, особливо послѣдними его словами. Фрицу дали сухое платье, развели въ печи огонь, хозяйка стала для него готовить ужинъ. Послѣ гоненій судьбы, малѣйшая ея благосклонность кажется величайшимъ блаженствомъ. Фрицъ, сидя противъ пылающихъ дровъ, смотря на шипящее на сковородѣ масло и румянящійся картофель, назначенный для его ужина — почиталъ себя счастливѣйшимъ въ мірѣ!

„Ну! что̀ же ты видѣлъ хорошаго въ городѣ?“ спросила хозяйка своего мужа: „разскажи-ка мнѣ.“

— Ужь я тамъ такое видѣлъ диво, какого отъ роду не видывалъ. —

„Какое жъ диво?“

— А вотъ видишь, по за-вчера я пошелъ въ кирку — поглядѣть, какъ будутъ вѣнчать барина на барынѣ. Ихъ, знаешь ты, и перевѣнчали; молодые-то и пошли вонъ изъ церкви; какъ молодые-то вышли на паперть, вдругъ откуда ни возмись, подвернулся какой-то сорванецъ, да и всунулъ ножъ въ молодаго. —

Радость, наполнявшая сердце Фрица, исчезла: страхъ — быть узнану свидѣтелемъ преступленія — заставилъ трепетать убійцу.

„Ахти! Боже мой! страсть какая!“ сказала хозяйка, качая головою и поправляя въ печи кушанье. Трепетъ Фрица не скрылся отъ ея взора. —

„Что́, мой батюшка, ты всё еще не согрѣлся? — Мужъ, сходи-ка за дровами, чтобы набить печку пополнѣе-то: барину тепло будетъ.“

Крестьянинъ пошелъ; жена его стала развѣшивать намоченое платье Фрица: вдругъ окровавленный ножъ — орудіе убійства Августа — упалъ къ ногамъ ея. Фрицъ вскрикнулъ отъ ужаса.

„Эдакая причина!“ сказала хозяйка, разсматривая выпавшій ножъ; смотри пожалуй! весь въ крови! откуда онъ къ тебѣ зашелъ, мой батюшка?“

Она показала его вошедшему хозяину. Трепетъ Фрица, его внезапный крикъ, его безмолвное смятеніе — все должно́ было обнаружить виновнаго предъ лицемъ проницательнаго наблюдателя; но дѣти природы, всегда безпечныя, чуждыя догадокъ, не знаютъ подозрѣнія: человѣкъ, дающій имъ деньги или, по крайней мѣрѣ, дѣлающій обѣщанія — называется у нихъ *добрымъ баринолъ*, и они увѣрены въ добротѣ его, хотя бы все доказывало противное. Съ тою же легкомысленностію они готовы почитать невин-

наго преступнымъ: для нихъ нужно единственно обвиненіе — и не заботятся о доказательствахъ.

„Вишь, разбойники-то и ножъ оставили,“ — сказалъ крестьянинъ.

— Да отъ чего кровь на немъ? спросила жена его.

Простота сихъ людей ободрила Фрица: онъ хотѣлъ имъ объяснить причину страннаго обстоятельства, и по необходимости прибѣгнулъ къ нелѣпостямъ; но сіи нелѣпости казались имъ несомнѣнною истиною, и ихъ любопытство было удовлетворено.

Они стали опять толковать о городѣ, и нечувствительно обратилась рѣчь къ случившемуся въ церкви.

„Что жъ? окаянаго словили али нѣтъ?“ спросила хозяйка.

— Оченно кричали: лови, держи; а кто ихъ знаетъ, словили — али нѣтъ. —

„Женихъ-то до смерти зарѣзанъ, что ли?“

Я, признаться, самъ не глядѣлъ: сперва всѣ закричали: женихъ убитъ, женихъ убитъ; а послѣ стали поговаривать, что, видишь, только пораненъ больно.

Вечерняя заря горѣла надъ зеркальною поверхностью озера. Небо измѣнялось, и каждымъ измѣненіемъ вливало неизъяснимую

сладость въ душу, чувствительную ко всему прекрасному, величественному; то казалось необозримымъ сводомъ изъ чистѣйшаго золота; то слѣпило взоръ яркостію драгоцѣннаго пурпура; наконецъ плѣнительнымъ нѣжнымъ румянцемъ розы производило въ созерцателѣ очаровательное томленіе, какое-то роскошное чувствіе негги. Задумчивый Фрицъ сидѣлъ на порогѣ гостепріимной хижины. Вчера, когда онъ узналъ, что ударъ, имъ нанесенный, не былъ ударомъ смертоноснымъ, радость взволновала грудь его; но радость кратковременная! Благодѣтельный сонъ подкрѣпилъ тѣло утомленнаго, но не исцѣлилъ душевныхъ горестей. Въ будущемъ Фрицъ видѣлъ только бѣдствія: если Августу предопредѣлено избѣжать смерти, готовой поглотить его, то онъ соединится съ Амаліею, — и участь Фрица — сноситъ равнодушно счастіе Амаліи, презрѣвшей огненную страсть его; счастіе Августа, который язвительною безпечностію отвѣчалъ на его отчаянныя угрозы; который заставилъ его краснѣть тѣхъ, чье одобреніе льстило его самолюбію; если же Августу назначено умереть — ахъ! Фрицъ уже испыталъ, сколь тягостно быть преступникомъ, и не могъ питать преступнаго желанія.

Нѣсколько поселянъ, покрытыхъ потомъ, возвращаются съ покоса съ блестящими косами; двѣ усталыя лошади везутъ свѣжее душистое сѣно: на заднемъ возу сидитъ мальчикъ — и проѣзжая мимо смотрящихъ на него своихъ товарищей, кажется, гордится своею участью; подлѣ передняго воза идетъ отецъ мальчика, къ нему съ радостнымъ крикомъ подбѣгаетъ малютка — младшій сынъ его: отецъ береть ребенка на руки, ласкаетъ его и потомъ сажаетъ верхомъ на лошадь: дитя съ надменностію шевелитъ поводами, понуждаетъ коня своего сердитымъ голосомъ; и не видитъ, что усталая лошадь бредетъ тою жъ медленною стопою. Черезъ избу отъ Фрица собрались въ кружокъ сельскія красавицы: удалой зашѣйникъ, какъ кровь съ молокомъ, наигрываетъ имъ на волынкѣ веселую пѣсню, и ихъ голоса сливаются съ любимыми звуками.

„Вотъ, баринъ, сказала хозяйка Фрицу, дѣтки мои наловятъ рыбы, завтра я тебѣ, кормилецъ, сварю ушицу.“

— Знатной рыбки наловимъ — подхватилъ бѣлокурый, полненькой малютка, сынъ ея.

„А мы, баринъ, пролепетала младшая сестра его, держась за руку матери, пой-

демъ завтра въ лѣсъ и наберемъ тебѣ малины.

Мальчикъ побѣжалъ къ озеру и закинулъ свою длинную удочку. Два старшіе брата сѣли въ челнокъ, поплыли закидывать неводъ и запѣли заунывную пѣсню.

Фрицъ смотрѣлъ на окружавшее его, и душа его, готовая къ принятію внѣшнихъ впечатлѣній, исполнилась чистаго удовольствія, кроткаго благоговѣнія. — Сельская картина плѣняетъ насъ своею простотою, милою непринужденностью; рисуетъ нравы первобытные — въ сущности грубые, но привлекательные въ воображеніи; отражаетъ обнаженную природу, — богатый, тяжелый покровъ, сотканный искуствомъ, не скрываетъ прелести формъ ея. Сія картина, при аломъ блескѣ погасающей зари, получаетъ новую прелесть, торжественность. Мы созерцаемъ и дѣлаемся чувствительнѣе, добрѣе; мысли наши дѣлаются чище, возвышеннѣе. Опытъ — сей разочарователь, который съ лѣтами насъ посѣщаетъ, хотя бъ мы избѣгали его посѣщенія, — хладный опытъ, сквозь блистательную наружность еще не показывалъ густой мрачности. Фрицъ видѣлъ прекрасное, и умѣлъ восхищаться его красками, не желалъ проницать крюющагося подъ ихъ

обольстительнымъ блескомъ. Фрицъ смотрѣлъ, и душа его дѣлалась способною ко всему благородному, высокому: желалъ жизни Августу съ жаромъ юноши, полнаго добродѣтели и раскаянія; желалъ счастія существъ, которыхъ предъ симъ ненавидѣлъ.

Вотъ письмо его къ г-жѣ Розенбаумъ:

„Опредѣленія судьбы неисповѣдимы: я, несчастный, прежде презиралъ учинившихъ малѣйшее преступленіе, — теперь самъ убійца!.... Провидѣніе отвратило гибель смертоноснаго удара, вліяло трепетъ въ преступную руку мою! —

„Я вонзилъ ножъ въ сердце ближняго — я извергъ предъ глазами всѣхъ, предъ глазами моей благотворительницы.

„Я желалъ Августу смерти: теперь ему пламенно желаю жизни. Хотѣлъ мстить Амаліи, но погашу мщеніе въ груди моей. Я любилъ Амалію, любилъ въ первый разъ и испыталъ силу страсти. Несчастный, тогда я притворялся помѣшаннымъ; я не мыслилъ, что ужасное помѣшательство уже омрачало мой разумъ. Очарованіе исчезло — она не можетъ любить меня. Пусть бракъ соединитъ ихъ: счастіе удѣлъ ихъ. Оно уже не посѣтитъ меня; но буду умѣть сносить свою участь.

„Прежде вы питали ко мнѣ привязанность: я преступникъ, но — противъ воли. Вы знаете мое пребываніе и можете погубить меня; но ваше сердце не откажетъ мнѣ въ состраданіи: у меня нѣтъ помощи — на васъ вся моя надежда.

„Фрицъ.“

Отвѣтъ г-жи Розенбаумъ:

„Я получила твое письмо, и не могла на него довольно надивиться. Безсовѣстный! какъ можешь говорить, что ты сдѣлалъ преступленіе невольно? Ты давно уже замышлялъ убить Августа. Еще же ты надѣешься, что онъ не умретъ; а я скажу тебѣ, что онъ при смерти и врядъ ли проживетъ нѣсколько дней: впрочемъ власть Божія! Молись, чтобъ Господь исцѣлилъ его и тѣмъ избавилъ бы тебя отъ жесточайшаго гоненія совѣсти. Вспомни объ участи беззаконниковъ!

„Хотя ты неблагодаренъ, и своими поступками заслуживаешь, чтобъ я тебя не знала больше; но Августъ убѣдительнѣйше просилъ меня простить тебѣ, притомъ ты родной мой племянникъ: я все еще люблю тебя, и потому посылаю тебѣ 500 франковъ, которыми можешь доѣхать до Гамбурга, а тамъ получишь по прилагаемому при семъ векселю, чего достаточно

будешъ для тебя, чтобъ путешествовать года два и болѣе. Выѣзжай за границу какъ можно скорѣе, потому что родственники Августа тебя ищутъ.

„Однако не отчаявайся въ его выздоровленіи и уповай на Бога; а я буду за тебя молиться, чтобъ онъ простилъ твои прегрѣшенія и навелъ тебя на путь истинный; желаю тебѣ всѣхъ благъ и остаюсь тетка твоя,

Катерина фонъ Розенбаумъ.“

Въ Гамбургѣ онъ получилъ отъ нея другое письмо, изъ котораго узналъ, что объявленіе о близкой смерти Августа была хитрость, чтобы заставить преступника раскаяться.

Фрицъ сѣлъ на корабль. Наконецъ любимая мечта его исполнилась: онъ путешественникъ. Сначала видъ необозримой равнины водъ, ограниченной единственно небомъ, производилъ въ неопытномъ плавателѣ непріятное ощущеніе и даже ужасъ; но Фрицъ видѣлъ въ матросахъ презрѣніе опасности, безпечность о будущемъ — и скоро сіи свойства напечатлѣлись въ его характерѣ. Онъ почиталъ себя несчастнымъ и, по крайней мѣрѣ, мечталъ, что не дорожитъ жизнію; любилъ въ сумрачную погоду смотрѣть на суровую картину бы-

мящагося моря; любилъ своихъ товарищей, которыхъ образъ мыслей ему казался сходнымъ съ его. Сидя за столомъ съ трубкой и стаканомъ грогу, онъ слушалъ ихъ суевѣрные разсказы, и ему нравилась грубость ихъ нравовъ.

Когда выходилъ на берегъ, меланхолія исчезала. Онъ видѣлъ новыя страны и людей, новыя произведенія Природы и Художествъ, другіе законы и обычаи, — любопытство его находило неистощимую пищу, и Фрицъ дѣлался способнымъ веселиться съ товарищами —моряками, которые умѣютъ вознаграждать себя на землѣ за единообразіе Океана и предаются удовольствіямъ безъ всякой воздержности.

Фрицъ путешествовалъ, видѣлъ и узналъ многое. Память его, всегда отягченная новыми предметами, рѣдко представляла ему Амалію. Онъ видѣлъ красавицъ Южнаго Океана, видѣлъ стройность ихъ членовъ. Образъ Амаліи уже не рисовался въ воображеніи его, и странствователь возвратился изъ путешествія съ умомъ болѣе опытнымъ, душею менѣе чувствительною, съ хладомъ въ сердцѣ.

Должно было избрать родъ службы, и онъ надѣлъ военный мундиръ, хотя не имѣлъ воинственнаго духа.

Сохраняя любовь къ Поэзіи, онъ въ слѣдующихъ спихахъ описалъ Амаліи тогдашнюю жизнь свою:

Военная жизнь.

Придетъ весна — и мы кидаемъ
На шпицъ златой прощальный взглядъ:
Труба звучитъ; кони кипятъ —
Въ отрадный лагерь выступаемъ.
Отъ роскоши усталый духъ
Плѣняетъ мирная Природа,
И плескъ воды, и пестрый лугъ,
И жизни праздная свобода!
Тамъ сѣвъ игривою толпой
Подъ тѣнью хижины укромной,
Мы дружбы рѣчію прямой,
Насмѣшкой остроты нескромной
Златимъ полдневные часы.
Когда жъ остынетъ зной докучной,
Глядимъ, какъ сельскія красы —
Подъ голосъ пѣсни однозвучной —
Заводятъ игры, хороводъ.
Иль, часто, раннею порою,
Плывя по зыбямъ дымныхъ водъ,
Гребемъ прилѣжною рукою —
И гибель жадной рыбкѣ шлёмъ.
Но лѣтомъ лучше мы живемъ!
Маневры намъ изображаютъ
Картину вѣрную войны:
Здѣсь пушки грозныя пылаютъ,
Вошъ пѣшій строй, тамъ съ вышины
Стѣною крѣпкою низходятъ —

Въ кирасахъ черныхъ, шишакахъ,
На дышащихъ огнемъ коняхъ —
И страхъ на робкаго наводятъ;
А тамъ, разсѣясь межь кустовъ,
Засѣли егеря въ лощинѣ;
И кой-гдѣ сынъ Донскихъ браговъ
Промчится вихремъ по равнинѣ;
Держа коней, на пняхъ сидятъ
Гусары съ пыльными усами,
И сѣрымъ облакомъ летятъ
Уланы съ яркими значками.
Когда жъ умолкнетъ ложный бой,
Въ избѣ на лавкахъ отдыхаемъ
И голодъ дивный утоляемъ
Здоровой яствою, простой; —
Лѣнивый дымъ изъ трубокъ вьется,
Шампанское въ стаканы льется.

Осенній вѣтеръ зашумитъ,
Прощайте хижины сквозныя:
Оружье воиновъ гремитъ,
Сливая капли дождевыя —
Идетъ нетерпѣливый строй:
По П..... мостовой
Звучатъ уже коней копыты;
Мы въ городѣ — опять визиты,
Опять обѣды, вечера;
Однако же, какъ говорится,
Еще прескучная пора,
И надобно въ театръ тащиться:
Въ театрѣ мы глядимъ въ лорнетъ,
Съ тоской притворною зѣваемъ,
Кричимъ — лишь кончится балетъ —
Танцовщицъ вызываемъ.

Но, если правду говорить,
Намъ чужды знатоковъ познанья:
Лишь прелесть можемъ оцѣнить,
Цѣня актрисы дарованья.
Посыплется пушистый снѣгъ —
И мы катимъ быстрѣе всѣхъ,
И стройнымъ саночкамъ дивятся,
Дивятся гибкой пристяжной;
А кучеръ съ важной бородой
Кричитъ зѣвающимъ — раздаться!
Но вечеромъ на балъ спѣшимъ:
Тамъ съ дѣвой рѣзвою кружимся,
Ей съ нѣжностію говоримъ,
А часто мыслію стремимся
Къ красавицѣ иной. —
Вотъ такъ живетъ военной удалой!

Фрицъ съ своимъ характеромъ не долго былъ доволенъ новымъ родомъ жизни, хотя описывалъ его плѣнительными красками, и началъ признаваться себѣ, что не все то хорошо на дѣлѣ, что прельщаетъ въ стихахъ. Караулы и дежурства много содѣйствовали къ сему образу мыслей его. Иногда ему хотѣлось ѣхать на балъ, а служба принуждала лишиться сего удовольствія; но и самые балы не долго имѣли прелесть въ глазахъ его.

Съ лѣтами честолюбіе начало волновать его душу. Смотря на знатныхъ, бранилъ судьбу за несправедливость и почиталъ

себя несчастнымъ; однако по большой части ничего не предпринималъ, чтобъ добиться до отличныхъ почестей; иногда жъ хотя предпринималъ что-либо для сей цѣли, но, къ несчастію, умѣлъ только начинать, а не оканчивать предпріятіе.

Возвратясь изъ кампаніи, въ которой гвардія увѣнчалась лаврами, и въ которой онъ не отличился чудесами храбрости, но также, увлекаясь примѣромъ товарищей, не оказалъ и робости, — Фрицъ пріѣхалъ жить на родину, и первая встрѣча его была съ Амаліею.

„Здравствуй, кузина, сказалъ онъ: помнишь ли, когда я возвратился изъ Университета, ты также первая меня встрѣтила?... Но какая разница!...“

— Да, Фрицъ. Прежде я была хорошенькой дѣвушкою, теперь сдѣлалась немолодой женщиною, матерью четырехъ дѣтей. —

„Признаюсь, теперь бы я не влюбился въ тебя; однако это не помѣшаетъ намъ быть друзьями.“

— Фрицъ, вотъ поцѣлуй дружбы! Теперь я могу цѣловать тебя: теперешніе мои поцѣлуи не такъ опасны, какъ прежніе и конечно не сведутъ тебя съ ума.

„Прибавь: и не такъ приманчивы.“

— Вы, господа мущины, совсѣмъ неразсудительны и предпочитаете сладкій ядъ, безвредной, но невкусной пищѣ.

Фрицъ уже велъ жизнь въ бездѣйствіи. Посѣщалъ клубъ и проводилъ тамъ время или за картами, или читалъ газеты и съ важнымъ видомъ толковалъ о политикѣ, куря табакъ и медленно попивая пиво. Иногда посѣщалъ общества, гдѣ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ флегматика; внезапная веселость изрѣдка оживляла его занимательные разсказы, за которые даже дѣвушки любили его.

Иногда предпочиталъ кругъ домашній. Фрицъ, окруженный дѣтьми Амаліи, сидя за кофейнымъ столикомъ, съ нетерпѣніемъ разсказывалъ свои похожденія теткѣ, уже худо слышавшей, къ которой питалъ нѣжную привязанность.

Иногда принимался воспитывать племянниковъ своихъ. Хотя онъ имѣлъ образованный умъ, но ученики не сдѣлали бъ блистательныхъ успѣховъ при его безпечности и безпрестанныхъ перемѣнахъ въ способѣ преподаванія, ежели бы ихъ воспитаніе было совершенно ему ввѣрено.

Не терпя занимашься хозяйствомъ, и нѣкоторымъ образомъ желая загладить поступокъ съ Августомъ, рѣшился подарить ему свое имѣніе; — но благородный Августъ конечно не принялъ подарка? Напротивъ! нынче отказываются отъ имѣнія только въ романахъ!

H 50 88

Deacidified using the Bookkeeper proces
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATIO
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111